АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1974

Ежегодник объединяет новые исследования по этимологии. Большая часть статей посвящена конкретной этимологизации славянской и индоевропейской лексики. Критико-библиографический отдел включает рецензии на последние публикации по этимологии.

Э $\frac{70101\text{-}0354}{042(02)\ 74}$ 353-74

СТАТЬИ

В. Н. Топоров

СЛАВЯНСКИЕ КОММЕНТАРИИ К НЕСКОЛЬКИМ ЛАТИНСКИМ АРХАИЗМАМ

Не раз писалось об исключительной архаичности древнеримских институций в социально-административной, правовой, религиозно-культовой, экономической сферах и об их отражении в соответствующей латинской лексике [1]. В ряде случаев эта лексика дополняется архаичными элементами других италийских и кельтских языков [2], но существенно меньшее количество текстов на этих языках и менее последовательная кодификация древних норм заставляют (если говорить в общем) отдать предпочтение латинским свидетельствам. Несомненно, что в пределах отдельных индоевропейских традиций именно язык права сохраняет в особой полноте следы древнейших словоупотреблений, на основании которых можно не только восстановить исходные индоевропейские типы, но иногда и определить их первоначальную семантику, утраченную или сильно затушеванную в исторически засвидетельствованных продолжателях этих типов. Поэтому интерес, обнаружившийся в последнее время к языку индоевропейского права, вполне закономерен [3]. Уже первые результаты в этой области достаточно перспективны.

В этих заметках будет приведено несколько славянских примеров, которые — в свете соответствующих латинских данных — должны трактоваться как терминологические или даже фразеологические реликты из области древнего права и обычая. Не удивительно, что наблюдения такого рода иногда имеют прямое отношение и к собственно этимологии.

---

[1] Из работ последнего времени см. G. Dumézil. La religion romaine archaïque. Paris, 1966; В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969.

[2] Ср. M. Dyllon. Celtic and Other Indo-European Languages. — TPHS, 1947.

[3] См. É. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. 2. Pouvoir, droit, religion. Paris, 1969; C. Watkins. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology. «Proceedings of the Third Indo-European Conference», University of Pennsylvania. Philadelphia, April, 1966/1970.

* * *

Римские писатели (особенно с I в. н. э.) оставили красноречивые описания отрицательных женских образов. Эпиграммы Марциала или шестая сатира Ювенала принадлежат к числу наиболее ярких свидетельств. Представление о женщине как носительнице всех пороков дало основание Сенеке назвать ее «существом диким и лишенным разума» («De constantia sapientis». 14. 1, со ссылкой на Аристотеля). Однако и в это время и позже, не говоря уже о более ранней литературе юридически-домостроевского, научно-этнографического, эпиграфического характера (сюда же, разумеется, следует отнести и целый ряд мест из художественной литературы), продолжало жить представление об идеальном, отвечающем, впрочем, вполне реальным требованиям, образе женщины. Многие источники предписывают такой женщине-жене быть *pūdīca*, *lānifica*, *domisēda* — целомудренной, ткахой, домоседкой. Эти предписания постоянно отражаются в женских портретах, содержащихся, например, в надгробных надписях. Ср.:

Hic sita est Amymone Marci optima et pulcherrima,
lanifica pia *pudica* frugi casta *domiseda*.

CIL. VI, 11602[4]

Иногда эти описания женских добродетелей принимали несколько иную форму:

Heic est sepulcrum hau pulcrum pulcrai feminae.
. . . .
suom mareitum corde deilexit souo.
. . . .
domum servavit. lanam fecit. dixi. abei.

CIL I, 1007; VI, 15346 cf (Buech. № 52)

или: casta *pudens* volgei nescia feida viro (CIL I, 1011; VI, 9499; Buech, № 959) и т. п. С течением времени из этих трех добродетелей все чаще и чаще начинают говорить о целомудрии (*pudīcitia*, *pudor*), имея в виду верность жены мужу [5]. Особенно ценятся женщины, лишь однажды бывшие замужем — *ūnivir(i)a*, о чем постоянно сообщается в надгробных надписях определенного вре-

---

[4] Ср. также: Carmina latina epigraphica. Conlegit Fr. Buecheler. I—II. Lipsiae, 1895—1897, № 237 (далее — Buech.); Ф. А. Петровский. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962, № 26 (стр. 42—43).

[5] Ср. и о девах:

O Priape potens amice, salve.
te vocant prece *virgi*[*nes pudi*]*cae*,
zonulam ut soluas diu ligatam,
teque nupta vocat, sit ut mar[ito
nervus saepe rigens potensque sem [per

CIL XIV, 3565 (Buech.№ 1504).

мени, ср. Buech. № 548, 597, 652, 736, 968, 1523 и др.[6], а также в laudatio funebris, произносимой мужем над гробом жены. Только *ūnivir(i)a* имела право совершить жертвоприношение богине целомудрия (*Pudīcitia*), войти в храм богини женской судьбы (*Fortūna muliebris*) или участвовать в Матралиях, посвящаемых *Māter Mātūta*. Второй брак противоречит *pudīcitia* и *fidēlitas* [7].

Как бы то ни было, древность сочетания *pūdīca*, *lānifica*, *domisēda* неоспорима, как и то, что это сочетание рассматривалось в качестве клише, состоящего из терминологических по своему характеру слов. Ср. четкость противопоставления *pūdīca — impudīca* (*impudīcitia*, *impudentia*, *impudens*) [8] или *domus*, *domī — forum*, *forīs*, с одной стороны, и *peregrī*, *peregrĕ*, с другой (ср. *domi et peregri*) [9], а также исключительно богатые словообразователь-

---

[6] Ср. Buech. № 455: *solo* contenta *marito*; № 1523: *unum* sortita *maritum* seruaui casta pudorem; Plaut. Merc. 824: «женщина, если она хорошая, довольствуется одним мужем». См. также: М. Е. Сергеенко. Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. М.—Л., 1964, стр. 204, 321.

[7] Ср. мотив несохранения Дидоной верности праху Сихея (с последующим самонаказанием):

> Non licuit thalami expertem sine crimine vitam
> degere, more ferae, tales nec tangere curas!
> Non servata fides, cinere promissa Sychaeo!
>
> Aen IV 550—552.

О женщине в Древнем Риме в свете этих характеристик см. J. Marquardt. Privatleben der Römer. Leipzig, 1886; H. Blumner. Die römischen Privataltertümer. München, 1911; L. Frielaender. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. Leipzig, 1921; J. Carporino, La vie quotidienne à Rome. Paris, 1938; F. E. Adcock. Women in Roman Life and Letters. — «Greece and Rome», № XIV, 1945; Ch. Lefébure. Le mariage et le divorce à travers l'histoire romaine. — «Nouvelle Revue historique du Droit français et étranger», vol. XLII, 1893 и др.

[8] Ср. *dispudet*, *dēpudet*, *dēpudīco* и под.

[9] Связь женщины-жены с домом, а мужчины-мужа с тем, что находится за пределами дома, составляет один из ведущих мотивов литературы домостроевского типа. Ср. у Ксенофонта: ... ведь не сидишь же ты дома (οὐκ ἔνδον) ... я вовсе не бываю дома (ἐν τῇ οἰκίᾳ): ведь с домашними делами жена и одна вполне может справиться: ... А так как для обоих этих родов занятий — и внутренних и внешних (τά τε ἔνδον καὶ τὰ ἔξω), — нужен труд и забота, то и природу обоих полов с самого рождения, мне кажется, бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот (ἐπὶ τὰ ἔνδον ἔργα καὶ ἐπιμελήματα), а природу мужчины — для внешних (ἐπὶ τὰ ἔξω; ...) женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах... (Τῇ μὲν γὰρ γυναικὶ κάλλιον ἔνδον μένειν ἢ θυραυλεῖν, τῷ δὲ ἀνδρὶ αἴσχιον ἔνδον μένειν ἢ τῶν ἔξω ἐπιμελεῖσθαι, ср. ту же идею у стоика Гиерокла, Stob. V, 696) и т. д. «Oeconomicus», VII (цит. по кн.: Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.—Л., 1935, стр. 272 и след.; текст: Xénophon. Économique. Texte établi et traduit par P. Chantraine. Paris, 1949). Ср. в «Trattato del soverno della famiglia» (XV в.) Пандольфини: Советую тебе, жена, для твоей чести быть заботливой в делах домашних, а не разведывать о делах, выходящих за стены дома. См. подробнее И. С. Некра-

ные (включая словосложение) возможности лат. *lāna*[10], отражающие, хотя бы косвенно, ту важную роль, которую играли шерсть и ткачество в домашней жизни в Риме.

Славянская культурно-языковая традиция, относящаяся к домострою и роли женщины в нем, не только сохраняет значение названных выше характеристик идеальной жены (при том, что именно они представлены как основные), но и обозначает их генетически тождественными или весьма сходными элементами.

Так, лат. *domisēda* в тех же контекстах соответствует слав. **domosěd-*, ср. русск. *домоседка* (ср. в пословице: Доброй жене *домоседство* не мýка; ср. еще *домосед*, *домоседство*, *домосидка*, *домосидчица*, *домоседничать* и под.), блр. *дамаседка*, польск. *domosiedna* (ср. *domosiedna niewiasta*), чеш. *domosed*, *domased*, слвц. *domased* «kto rád *sedí doma*» (пейорат.) и т. д. Хотя некоторые из этих примеров не вполне самостоятельны, праславянское происхождение этого сложного слова, видимо, не вызывает сомнения. Помимо приведенных примеров, ср. сочетание **sěděti doma*, отраженное во всех славянских языках, обильное словосложение сходного типа в той же семантической сфере[11], инославянские примеры. Из последних следует принять во внимание как лит. *namìsėda* ʽkas vis *namie sėdi*', так и более отдаленные образования типа др.-инд. *dám-pati-*, авест. *dəng patōiš*, др.-греч. δεσπότης (из *δεμς-ποτ-) и под.[12] (сюда же — неологизм лит. *nampatis*),

---

с о в. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873; А. С. О р л о в. «Домострой». Исследование. М., 1917 и др.

[10] Помимо *lānificus*, ср. *lānificium*, *lānifex*, а также *lānifer*, *lāniger*, *lānilūtor*, *lānipendēns*, *lānipes*, *lānoculus*, *lānicutis*, *lānifricārius; lāneus*, *lānāris*, *lānārius*, *lānātus*, *lānō* ('εριφορέω), *lānestris*, *lānōsus*, *lānitium*, *lānūgō*, *lānūginōsus* и т. п. Ср. «Oeconomicus» Ксенофонта: . . .она умела *сделать* плащ из *шерсти*. . .; . . . а крытого помещения (т. е. дома. — *В. Т.*) требует. . . и производство одежды из *шерсти*. . .; . . . когда принесут тебе *шерсть*, ты должна позаботиться о приготовлении из нее одежды. . .; . . . когда ты возьмешь женщину, не умеющую *прясть шерсть*, и сделаешь ее умеющей, так что она станет для тебя вдвое ценнее. . . (VII).

[11] Ср., например, сочетание *dom-* и *rod-*, *rost-* и под.: русск. *домородный*, *доморосток*, *доморощенный*, блр. *дамарóслы*, укр. *доморóслий*, польск. *domorosty*, в.-луж. *domoródny*, чеш. *domorodec*, слвц. *domorodec*, *domorodka*, болг. *доморáсъл*, макед. *домороден*, *домородец*, словен. *domoroden*, с.-хорв. *домȍродан*, *доморóдац* и под., ср. др.-греч. οἰκογενής, передававшееся в старых русских текстах как *домочадьць*, *домочадица*. Несомненно, что многие сложные слова с элементом *dom-* объясняются как кальки или как поздние образования по более старым образцам. Тем не менее, и их нужно иметь в виду. Ср. русск. *домовод*, *домоводка*, *домоводство* (ср. лат. *Domi-dūcus*), *домострой*, *-ка* (ср. др.-греч. οἰκονομία, οἰκονομική), *домодержец*, *-ица*, *доможил*, *домодел*, *домоздатель*, *домовладыка*, *домоправитель*, *домоблюститель*, *доморачитель*, *домохозяин* и под.; укр. *доморóбний*, *доморя́дний*, словен. *domobranec*, *domoljub*, *domotožen*, с.-хорв. *домȁзет*, *домобрáнац*, макед. *домазет*, болг. *домазет*, *домоначалник*, *домопритежател*, *домостроителство*, *домоуправител*, польск. *domostróż*, *domoburzyciel* и т. п.

[12] Возможно, сюда же следует отнести герм. *Tamfana* (у Тацита), из **Tam-faþniā-*, ср. δές-ποινα. См. V. P i s a n i. «Rendiconti d. Reale Accad. Nazion. dei Lincei». Ser. 6, vol. 7, 1931, стр. 73 и след.

предполагающие, видимо, и женские соответствия (ср. авест. *nmānō. paþnī-*, др.-инд. *patnī-*, др.-греч. πότνια, ст.-лит. *viešpatni*, может быть, слав. **panьji* и т. д.) [13]. Наконец, о терминологичности слова *домоседка*, служащего для обозначения того, кто остается дома для присмотра за хозяйством и детьми, можно судить по некоторым диалектным примерам, ср.: Т'ôт'а На́ст'а — *дъмас'éтка*, ийо мълады́и в Маскву́ уйéхал'и; Друɣóва рáз'и застáв'иш *дъмас'éткъй* быт'?; Снахá уйéхалъ в ɣóрът, анá т'ип'éр' в *дъмас'éткъх*; Пайд'óм (на реку). Н'ал'з'á. Йа ны́н'и в *дъмас'éтках* и под.[14] Заботы о «*домовном* строении», согласно традиции, возлагаются на жену; именно ее должен поучать муж, «како *домъ* свой добрѣ строити, и вся *домашняя* порядня и рукоделье всякое знать. . . и самой дѣлать». Те жены, которые выполняют это, «суть государыни *домовныя* и *домоводцы* добрыя» (ср. добрая *домовитая* жена, *домовитый* обиход и под.) [15].

Лат. *lānifica* точнее всего соответствовало бы слав. **vlъno-dělja* (ср. ст.-слав. дрѣводѣлѧ). Действительно, в отдельных славянских языках существует словоупотребление типа русск. *делать волну* (о приготовлении пряжи, ткани или даже одежды из шерсти) или — более отдаленно — польск. *wełnę robić*, болг. *работя вълна* и т. п., хотя при этом имени чаще выступают глаголы, обозначающие более специализированные действия (бить, валять, трепать, чесать, стричь, прясть, ткать, плести, тянуть и под.) [16]. К развитию темы ср. «Похвалу женам» («Домострой», гл. 20): Обрѣтши *волну* и ленъ, сотвори благотребно рукама своима (ср. то же самое в Ипатьевской летописи под 6488 г.; из ц.-слав. обрѣтъши вълнѫ и ленъ. . . в паремейниках [17].); . . .лакти же своя утвержает на вретено; ср. еще: . . . рубашка дѣлати. . . или поставъ ткати. . . и всякой мастери самой прядено . . .самой все свое рукодѣлие знати . . .всегды бы надъ рукодѣлиемъ сидѣла сама: то ей честь и слава и под. (гл. 29).

В связи с третьим элементом латинской формулы *pūdīca*, вероятно, следует вспомнить с.-хорв. *пу̏дљива* (ср. *пудљива жена*, *пудљивац* и под.), чеш. *popudlivá*, русск. *пу́дкая* (Даль *III*[4], стр. 1405) и под. с общей идеей б о я з л и в о с т и, р о б о с т и и т. д. (ср. с.-хорв. *пу̑дити* 'гнать', словен. *póditi*, болг. *пъдя*, чеш. *puditi*, слвц. *puditi*, укр. *пудити*, блр. *пудзіць* 'пугать', русск. *пудить* 'пугать', 'гнать', 'ругать' [18], возможно, 'спешить',

---

[13] Ср. лат. *domina* 'госпожа', 'повелительница'.

[14] См. Деулинский словарь, стр. 148—149.

[15] См. «Домострой» по Коншинскому списку Сильвестровской редакции (гл. 29), изд. А. С. Орлова («Чтения в обществе истории и древностей российских», 1908).

[16] Существенно, что на основе подобных сочетаний появляются и сложные слова типа русск. *волночес*, *волнотеп*, *волновал(ка)*, блр. *воўнапрадзéнне*, *воўнатрапáльны*, *воўначасáльны*, чеш. *vlnovitý* и под.

[17] См. Slovník jazyka staroslověnského. 5. Praha, 1962, стр. 202.

[18] Ср.: Нахáлы, б'ассóв'исныи! Уш йа их *пуд'и́ла*, *пуд'и́ла* (Деулино. Указ. соч., стр. 471).

'итти толпой' [19] и под.). Польск. *popędliwa* (от *pędzić*), как и некоторые другие факты, говорят в пользу праслав. **pǫd-*. Впрочем, правдоподобная связь указанных славянских слов с др.-греч. σπεύδω, σπουδή, лит. *spáusti*, *spáudyti*, *spaudà*, *spūdà* и под., прусск. *spaustan* и под. заставляет большинство специалистов считаться с двумя вариантами **pǫd-* и **poud-* /**pŭd-*, равно относимыми к праславянскому (как известно, такие пары реконструируются и для целого ряда других аналогичных случаев). Семантические основания связи **puditi* 'гнать' и **pudьliv-* 'боязливый', как и этих славянских слов с лат. *pudēre*, *pūdīcus* и т. п., очевидны (ср. восстановление первоначального значения лат. *pudēre* как 'mouvement de répulsion' [20]); чеш. *pud*, польск. *pęd* 'инстинкт' перекликаются в этом смысле с лат. *instinctus* (от *in-stinguere*). Поэтому *пудљива жена* соотносима с *fēmina pūdīca*, хотя для обозначения этого качества в разных славянских традициях использовались различные слова. Ср. в «Домострое» (гл. 33): Аще ли и сама государыня не *цѣломудрится* и не *отженетъ ихъ*, — съ сицевыми горе ей самой!; (гл. 29) Перьвие — имѣти *страхъ* Божий, и *телѣсная чистота* и под. Обе эти цитаты поучительны: первая — синтагматической смежностью слов, обозначающих 'целомудрие' и 'отгонять' (ср. с.-хорв. *пудљива — пудити* и под.); вторая — сочетанием слов, выражающих понятия 'страх' и 'телесная чистота' (ср. русск. *пудить* 'пугать' при с.-хорв. *пудљива* или чеш. *popudlivá*) [21]. Естественно, что тема целомудрия женщины приводит к теме единобрачия (ср. ниже: ни отгони[мъ] вотораго брака. . .): Гърлици сѧ оуподоблю поустынелюбици и *ѥдинемоужици*. Жит. Алекс. челов. Бож. (Златоструй XII в.), причем *ѥдинемоужица* (и *ѥдиномоужица*; ср. сходные образования и в других славянских языках) структурно соотносится с лат. *ūnivir(i)a*, употребляющемся терминологически (ср. также этимологическую связь *-in-* в *jed-in-* и лат. *ūn-*, из др.-лат. *oinos*, ср. др.-греч. οἰνός, гот. *ains*, ирл. *óin*, лит. *víenas*, лтш. *viêns* и т. д.). Еще полнее сходство лат. *ūnivir(i)a* с лит. *vien(a)vyrė* с тем же значением [22], что дает основание думать и о более древнем источнике — **oin-* + **vīr-*.

---

[19] Ср.: Куда это народ по дороге *пýдит*; Дождь весь день *пýдит* и под., см. Даль III [4], стр. 1405.

[20] См. Ernout-Meillet. II, стр. 960.

[21] Из других примеров ср.: Живъши съ мѫжемъ *цѣломоудрьно* лѣт и отъ дѣвъства своего. Панд. Ант. XI в., 51; Та бо [Сусанна] изволи паче врѣменьноуѫ съмрьть, нежели *цѣломоудрьнаaго* лишитисѧ вѣньца. Там же, 49 (τὸν τῆς σωφροσύνης στέφανον); аще же *цѣломоудриши*, то Бжии даръ имаши. Пчел., 108; Ни *отгони(мъ) вотораго брака. . .* но каже(мъ) хотѧщимъ *цѣломудрити*. Там же, 133; Они бо, своими моужьми любими соуще, . . . добромыслѧще *цѣломоудроують*. Там же, 12; Съ женою *цѣломоудрою* блжены съвьршилъ ѥсть коньць. Мин. 1096 г., 122 и др. (См. Срезневский. III, стр. 1454—1455).

[22] Ср. др.-инд. *Eka-vīrā*, имя дочери Шивы.

Указанные сходства позволяют говорить о древних индоевропейских текстах, каркас которых определяется сочетаниями лексем: (**dom-* + **sēd-*) & (**ul̥n-* + **dhē-*) & **pud-* & (**oin-* + **u̯īr-*), а сфера употребления — обычаем и правовыми нормами в отношении женщины-жены.

* * *

Еще один пример фразеологических (в своих истоках) соответствий в пределах той же семантической сферы. На основании многочисленных старославянских примеров, засвидетельствованных в самых разных текстах, типа л'юбодѣꙗниѥ, л'юбодѣꙗньнъ, л'юбодѣи, л'юбодѣица, л'юбодѣинъ, л'юбодѣиство[23], во-первых, и выражений подобных л'юбы дѣꙗти; иже аще поустить женѫ своѫ не прѣл'юбы дѣꙗвъшѫ. Савв. кн. 43 (ср.: ὃς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ μὴ ἐπὶ πορνείᾳ), прѣлюбы дѣєтъ. Матф. XIX, 9 (Зогр., Мар., Ассем., Остр.)[24] и др., во-вторых, а также принимая во внимание соответствующие примеры из других славянских языков, — применительно к праславянскому периоду можно восстановить сочетание лексем **l'ub-* и **dějati*. Следует подчеркнуть, что выражение прѣл'юбы дѣѥтъ не является калькой (в греческом тексте ему соответствует μοιχᾶται, ср. прѣл'юбодѣи — μοιχός), и это также служит аргументом в пользу праславянского характера восстанавливаемого сочетания[25].

Недавно обнаружился еще один факт, позволяющий не только подтвердить возможность предлагаемой реконструкции, но и, видимо, углубить ее, отнеся к хронологически более ранней эпохе. Речь идет об этимологическом истолковании лат. *voluptās* 'удовольствие', 'наслаждение', 'чувственное наслаждение', 'сладострастие', 'похоть', 'страсть' (низменная)' и под.[26], предложенном О. Семереньи[27]. Согласно новой гипотезе, *voluptās* восходит к форме абстрактного имени **u̯olubi-tāt-*, предполагающей прилагательное **u̯olubis* (с элементом *-i-*, как в *turpis*, *rudis*, *ingis*); от этого прилагательного в старолатинских текстах известна форма среднего рода *volup(e)* 'приятно', 'радостно', ср.

---

23 Сюда же прѣл'юбодѣи, прѣл'юбодѣинъ, прѣлюбодѣꙗти, прѣл'юбодѣꙗниѥ, прѣл'юбодѣиствьнъ, прѣл'юбодѣиство, прѣл'юбы.

24 Ср. варианты с творити типа прѣл'юбы творити, а также смешанные случаи, ср. творитъ ѭ прѣл'юбы дѣꙗти. Матф. V, 32 (Мар.). Анализ такого рода выражений см. А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 217—218 (здесь же вывод о первоначальности глагола дѣꙗти в этих конструкциях).

25 См. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 141.

26 Ср. также лат. *Voluptās*, *Volupia*, имена богини наслаждений. К противопоставлению *voluptās* — *dolor* см. Cic. Fin. I, 11, 37.

27 См. O. Szemerényi. Principles of Etymological Research in the Indo—European Languages. — «II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962, стр. 181 и след.

у авторов комедий старое выражение-формулу *volup(e) est* (существование *volup* в субстантивном употреблении у Энния А. 242 признается сомнительным). Предполагается, что само прилагательное сохранилось как в выражении **volubi est*, так и в выражении **volubi facit*. Правдоподобным источником этого прилагательного следует считать **wolubhi-* (возможно, из **welubhi-*), в котором О. Семереньи видит сложение элемента **welo-* или **wolo-* (ср. ст.-слав. велии, вельми, русск. *велий*, *вельми*, болг. и макед. *велий*, с.-хорв. *вȇљи̑*, др.-чеш. *velí*; *vele* 'очень', *velmi*, слвц. *velo*, *vel'mi*, в.-луж. *wjele*, польск. *wielmi* и т. п.) и корня **lub-* (из **lubh-*), упрощенное вследствие гаплологии. Примеры типа плавтовского *facite* vostro animo *volup* 'поступайте в свое удовольствие' или *voluptate affici* 'наслаждаться радостью', *officium* а *voluptatibus* как обозначение должностного лица, заведующего увеселениями, или, наконец, сложные слова вроде *voluptificus* 'доставляющий удовольствие' [28], также позволяют восстановить для древнейшего периода в развитии латинского языка сочетание элементов **lub-* и **fac-*, аналогичное славянским **l'ub-* и **dě-* (ср. лат. *fēcī* < **dhē-k-*: ἔθηκα и под.). Более того, если верно предположение о существовании лексемы **wel-* в значении 'много' [29], то лат. **u̯olubis* значит 'valde lubēns' и может дать основание для реконструкции сходного сочетания **vele-* и **l'ub-* в праславянском, хотя в старославянских текстах слово *веле-л'юбие (несмотря на обилие таких образований, как велезълоба, велененавистъ, велълѣпота и т. д.) отсутствует, как и в других славянских языках (если верить словарям), за исключением верхнелужицкого, ср. *wjeleluby*, *wjelelubowany* [30]. Тем не менее, выражения типа «*любовь велику* створихомъ». Поуч. Влад. Моном [31], *великая любовь* и т. д. (ср. также ц.-слав. многолюбазнъ, многомилостивъ 'πολυέλος', чеш. *velemilý*, *velemilený*, *velemilovaný* и под.) в целом или по частям помогают восстановить исходную форму сочетания слов — **vele-* и **l'ub-* [32].

---

[28] Ср. *voluptifica* в связи с *stella Veneris* у Апулея.

[29] Ср. тох. В *wälts* 'тысяча', *walke* 'продолжительный' (тох. А *wäl* 'царь', тох. В *walo*), др.-греч. (F)ἅλις 'достаточно' и т. д. Поскольку ст.-слав. веле 'ох!', 'о как!' (междометие) связано с веле 'много', 'многий' (такая связь семантически понятна, ср. πόσος 'сколь значительный', 'сколь многочисленный' и ὢ πόσος как эквивалент междометия веле), то могли бы представить определенный интерес такие контексты, как: ѡ веле х(ристо)сово чловѣкол'юбие. Супр. 419, 25 (ὢ τῆς τοῦ Χριστοῦ φιλανθρωπίας), — **vele* . . .& **l'ubije*. Ср. также русск. диал. *ве́лей*, *ве́лий* 'лучше' (СРНГ, вып. 4, 1969, стр. 106) и лит. *vely* 'лучше', 'охотнее', *velyk*, то же, важные в связи с параллелью лат. *vŏlō*, *velle* 'хотеть', 'желать', 'предпочитать' (ср. у Ливия: famaene credi velis quam . . . «неужели ты предпочитаешь, чтобы верили (больше) слуху, чем . . .») — лат. **vel(o)*, **vol(o)* о них см. выше.

[30] См. Pfuhl, стр. 792; Jakubaš, стр. 399.

[31] Ср. *Съвориста любовъ* межи собою *велику*. Ипат. летоп. (6658 г.); *Мъногую любовь* имѣя. . Сказ. Бор. и Глеба (черноризца Иакова) и др.

[32] Если учесть связь **vele-* с **volja* (и **velěti*, **voliti* и под.), то следует напомнить и о формулах типа. . . поставихомъ по своеи *воли* и по *любви*.

Учитывая приведенное выше сочетание элементов *l'ub- и *dějati, можно теперь говорить о последовательности из трех членов *vele- & *l'ub- & *dě-, почленно сопоставимой с лат. *vel- & *lub- & fa(c). Совпадение этих двух независимых комплексов дает основание для постулирования индоевропейского прототипа, который выглядел бы (для известного периода) как *u̯el- & *lubh- & *dhē-.

Можно говорить и о некоторых других италийско-славянских параллелях из этого же круга. Среди них — формальное соответствие между лат. *per-lubēns*, *per-libens* 'охотно соглашающийся', 'благосклонный' и 'испытывающий удовольствие' (ср. у Цицерона: *me perlibente* 'к моему удовольствию'), ср. *perlibenter* 'весьма охотно', *per-libet* 'весьма приятно', и ст.-слав. прѣл'юбы (*per- & *lubh-), хотя семантическое развитие *per- пошло разными путями, впрочем, без труда сводимыми к единому источнику.

Оскская безличная форма *loufir* (ср. лат. *lubet*, *libet* и т. д.), употребляемая в качестве союза 'или', демонстрирует тот же путь развития, что и соответствующие славянские слова, ср.: любо въ вътораѭ, любо въ третиѭ стражѫ придетъ. Лук. XII, 38 (Остр.; καὶ ἐὰν ἔλθῃ); *любо* скръбить, *любо* радоуетьсѧ. Панд. Ант. (XI в.), 264; . . .то мьстити братоу брата, *любо* оцю, *ли* сноу, *любо* браточадоу, *ли* братню сынови. Русск. Пр. (Простр. ред.), I [33] и т. д. Ср. также безличное употребление типа *любо* (*любо видеть. . .*), *любо-дорого* и под., а также промежуточные между безличным и союзным употреблением случаи вроде «*любо*, *бери*, *не любо*, не вороши» и т. д. Интересно, что *loufir* и *любо* семантически соответствуют лат. *vel* 'или', 'либо', 'ли', т. е. слову, состоящему из того элемента, который образует уже указанные последовательности с *lub- (*volup-*, *vele-ljub- и т. д.). Видимо, с лат. *vel* нужно сопоставить и до сих пор не объясненное *воле* (ἄγε, ἆρα), употребляемое в старых текстах не столько в качестве междометия, сколько в качестве частицы (вопросительной) или даже союза, ср.: *воле* ты како бы слѣпъ? Син. Пат., 99; *воле* нынѣ богатии плачѣте. Изб. Свят. 1073 г. 81; *Воле* словесы ли то си будеть створилъ или дѣломъ скончa. Жит. Еутих. 36; *Воле* же вы есте ѵлци. Иов. XII, 2; *Воле* исцѣлѣю ли, *воле* не исцѣлѣю ли. Конст. Болг. поуч. (XII в.) и под. [34]

Новгор. Догов. грам. (1262—1263); Съступися Дмитреи стола *волею* и поиде прочь с *любовию*. 1-ая Новгор. летоп. (6780 г.) и т. д.; ср. также чеш. *libovolný* 'произвольный', *libovůle* 'произвол' (ср. *вольнолюбие*). Такое же формульное сочетание образуется с участием *mir-, ср.: И бѣ *миръ* межю ими и *любы*. Пов. врем. лет. (6504 г.); Хочю имѣти *миръ* и свершену *любовь*. Обяз. грам. Свят. 971 г. и др. (ср. *любомирие*, *Любомир* и под., но *миролюбие*). Наконец, *mir- и *volja также образуют сочетания-клише (ср. Докончаша *миръ* на всеи *воли*. 1-ая Новгор. летоп. (6883 г.), ср. *мирволить* и под.).

[33] Это чередование *любо* и *ли* небезразлично для понимания возникновения союза *либо*.

[34] Не исключено, что к этой же семье слов принадлежат и лит. *vel̃*, лтш. *vēl*, ср. лтш. *vēlēt* 'желать'. Так, допустима связь между характерным оборо-

Ст.-слав. потъбѣга (ср. подъбѣга, подъпѣга, польск. *poćbiega*, чем. *podběha* и т. п.) как обозначение жены, ушедшей (убежавшей) от мужа, в отличие от разведенной жены (поуштеница) [35], может быть сопоставлено с латинским выражением *vīrum fugere* (ср. **vīr(um) & fuga / fugāx*, *fugiens*, *fugitans* и под.) [36]. Другая формула *potīri voluptatibus* «предаваться наслаждениям» (=дать наслаждениям овладеть собой) своим *pot-* (ср. *potesse*, *posse* и т. д.) возвращает нас, с одной стороны, к др.-инд. *dám-pati-*, др.-греч. δεσπότης и пр., а с другой стороны, к потъбѣга. Тем самым, и и.-е. **pot-* включается в фразеологию этого же семантического круга. В связи с потъбѣга и поуштеница, поустити уместно напомнить о структурном сходстве латинской и славянской фразеологии, описывающей начальную границу брака, — *uxorem dūcere* и *водити жену* 'жениться' (ср. *жена водимая*, *водимая* 'жена'), ср. лит. *vèsti* (*ved-*) и под. или же *co-emere* (*coemptio*) в связи с *fēmina* как обозначение брака-купли, культивировавшегося среди римских плебеев, и праслав. **po-jęti ženo̜* (ср. *по-яти жену*).

* * *

Уже давно было обращено внимание, что древнее название царя сохранилось лишь на крайней западной и восточной периферии индоевропейского мира. Ср., с одной стороны лат. *rex* 'царь', др.-ирл. *rí* (ср. галльск. *-rix*) [37] при лат. *regīna* 'царица', др.-ирл. *rígain* и, с другой стороны, др.-инд. *rājan-* (*rāj-*) 'царь' при *rājnī* 'царица'. Практически это сходство распространяется и на некоторые другие обозначения того же круга, ср. лат. *rēgia* 'царский дворец', 'царская семья', 'царский двор', др.-ирл. *ríge*, др.-инд. *rājyá*, хотансак. *rrāśa*, не говоря о лат. *regere* 'править' и т. д. и др.-инд. *rā́jati*, *rā́ṣṭi* и т. д. Естественно, что столь четкая лингвогеографическая дифференциация индоевропейского ареала в отношении этого слова, как и исключительная важность реалий, скрывающихся за этим словом, для науки об индоевропейских древностях, не могли не привести к многочисленным попыткам найти соответствия указанным словам в других индоевропейских языках. Как правило, эти попытки оказывались неудачными

том *laime vēl, ka. . .* (ср. *labi vēl, ka. . .*) и выражениями типа *vēlu laimi* 'желаю счастья', *vēlu laimes* 'поздравляю' (ср. *vēlu labu* 'желаю добра'), являющимися старыми формулами. Отмечены случаи, где лтш. *vēl* выступает в значении *vài* 'ли', 'или' (ср. *воле*, лат. *vel*) см. ME. XLII, 1931, стр. 556. Ср. лит. *vȇl* в значении 'тоже', 'также', 'же', 'и' и т. п. в ряде диалектных материалов, в старых текстах (например, у Донелайтиса); ср. также формальный параллелизм лит. *vely*: *velyk* 'лучше', 'охотнее' при *vȇl*: *vȇlėk* 'опять', 'тоже' и т. д.

[35] Ср.: поустити 'разводиться с женой': иже аште поуститъ женѫ своѭ і оженитъ сѧ иноѭ. Марк X, 11; см. А. С. Львов. Указ. соч., стр. 216.

[36] Ср. лит. *núotaka* 'невеста' от *tekė́ti* 'выходить замуж', собственно 'бежать'. Из латинских приставочных образований ср. *per-fuga*, *trāns-fuga* для обозначения перебежчика (-ицы), беглеца.

[37] Ср. *Dumno-rix*, *Ver-cingeto-rix*.

или во всяком случае бездоказательными, в основном, по семантическим и историческим мотивам.

Лишь после обстоятельных исследований природы царской власти в разных архаичных традициях [38], в частности, в индоевропейской [39], стало ясно, какова семантическая основа термина, обозначаемого как *rex*, *rí*, *rāj(an)-*.

К числу несомненных выводов из этих исследований института царской власти относится установление скорее жреческой (а не царской в более позднем понимании этого слова) функции царя, чем административно-политической. Древний царь выполнял роль жреца, который не только знал космологическую структуру мира и ведал космологическими измерениями, но и соотносил ее с социальным устройством общества; точнее, этот царь-жрец определял на уровне правил и религиозно-юридического права, каким образом должна быть организована данная социальная группа (или их совокупность) с тем, чтобы она соответствовала космическому порядку. Это соответствие идеальным образом могло осуществиться в центре мира, определяемом местом, где проходит *axis mundi*. Этот центр и был наиболее сакральной точкой пространства; в ней совершалось царем-жрецом жертвоприношение, также рассматривавшееся как акт установления связи (проверки соответствия) между космическим и социальным началами. Жертвоприношение совершалось не только в максимально сакральном месте, но и в максимально сакральной временнóй точке, — на стыке старого и нового года (если говорить о главном жертвоприношении), когда Хаос одолевал Космос. Понятно, что благополучие данного социума зависело от умения царя-жреца найти эту сакральную точку в пространстве и времени. Лишь найдя ее, можно было определить место и время жертвоприношения и через него — всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом — алтарь, храм, поселение, его границы (четыре стороны света), и его временны́е координаты. Собственно, царь-жрец и определял пространственные границы поселения, устанавливал временные ориентиры и создавал свод правил поведения морально-юридического характера.

---

[38] См. прежде всего A. M. Hocart. Kingship. Oxford, 1927; Он же. Kings and Councillors. Cairo, 1936; Он же. Caste. London, 1950; H. Jacobsohn. Die dogmatische Stellung des Königs in der Trilogie der alten Ägypter. Glückstadt, 1939; H. Frankfort. Kingship and the Gods. Chicago, 1948; M. Eliade. Le Sacré et le Profane. Paris, 1965 и др.

[39] См. W. Foy. Die königliche Gewalt nach den altindischen Rechtsbüchern. Leipzig, 1895; J. Gonda. Ancient Indian Kingship from the Religious Point of View. «Numen», vol. 3, 1956; Он же. The Sacred Character of Ancient Indian Kingship. — «International Congress of History of Religion. Papers». Roma, 1955; отчасти — B. Schlerath. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960; W. Rau. Staat und Gesellschaft im alten Indien. Wiesbaden, 1957; J. C. Heesterman. The Ancient Indian Royal Consecration. The Rājasūya Described According to the Yajus Texts and Annoted. 's-Gravenhage, 1957 и др.

Исходя из сходных предпосылок, Э. Бенвенист сумел доказать [40], что лат. *reg-* находит себе соответствие в др.-греч. ὀρέγνῡμι 'простирать', точнее — вытягивать в прямую линию (ср. у Гомера χεῖρας ὀρεγνύς или ὀργυία 'мера длины', собств. — 'размах рук') [41]. Латинские слова с корнем *reg-* сохраняют следы именно такого первоначального значения. Ср. *regio* 'направление', 'линия' (и лишь впоследствии 'область', 'район') и соответствующие выражения *rectā regione* 'по прямой линии', *regione occidentis* 'в западном направлении', *ē regione* 'прямо', 'напротив'; ср. также *rectus* 'прямой' (*recta linea*, *recta via* и под.) [42], 'отвесный' (*recta saxa* и т. п.). Особенно характерна в этом смысле архаичная формула *regere fines*, описывающая ритуальное действие проведения прямой линией границы данного участка [43], предшествующее сооружению объекта (как правило, имеющего и сакральное значение). Весьма интересно, что само действие в о з д в и ж е н и я также обозначается глаголом этого корня — *ērigere*. Ср. *ērigere āram* 'воздвигать алтарь' (ср. *āra Jovis* как обозначение жертвенника Юпитера) [44], *ērigere āram sepulcri* 'воздвигать (сооружать) погребальный костер' [45] (ср. культ *Ara Maxima*) [46], *ērigere pontem* 'воздвигать (сооружать) мост' (ср. др.-инд. *panth-*, праслав. **pǫtь* и т. д. как обозначение пути) [47], *ērigere turrim* 'воздвигать башню'; *ērigere portam triumphālem* 'воздвигать триумфальную арку (врата)' и под.[48] Поскольку в приведенных примерах речь

---

[40] См. É. B e n v e n i s t e. Le vocabulaire des institutions indo-européenes. 2, стр. 9—15. Ср. также E r n o u t - M e i l l e t. II, стр. 1000 и 1002—1004.

[41] Значение же развертывания, распространения в ширину передавалось с помощью πετάννῡμι.

[42] Ср. *recta regione fluminis* 'параллельно течению реки' с дважды выступающим *reg-*.

[43] Этот ограниченный прямой линией участок противопоставляется окружающей периферии как сакральный — профаническому, свой — чужому и т. п. См. É. B e n v e n i s t e. Указ. соч., стр. 14.

[44] Архаичность лат. *āra* подтверждается оск. *aasai* 'на алтаре', умбр. *asa* 'алтарь', хетт. *ḫašša-* 'очаг'. Употребляемое в сакральном значении хетт. *ḫašši paḫḫur* 'в очаге огонь' (KBO III 27, 22—27), ср. также *ḫašši* (ABoT 12 IV 25) как название обожествленного очага, соответствует оск. *aasaí purasiai* из Агнонской надписи («in ara igniaria»). См. подробнее В. В. И в а н о в. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании. . ., стр. 45.

[45] Ср. также *aras ponere* (*condere*, *consecrāre*).

[46] Параллельно употребляется и *condere āram*, *arcem*, *moenia*, *templa* и под.

[47] Ср. *p o n t i f e x* 'верховный жрец' (*pons* и *facere*).

[48] К подобной фразеологии относится и *ērigere penem*. Ср. вед.: *káprn naraḥ kapṛthám* ud dadhātana *codáyata* khudáta vā́jasātaye. RV. X, 101, 12 «Das Glied, ihr Männer, das Glied richtet auf, machet fix, stoßet zu, um den Preis zu gewinnen!». В качестве параллели ср. *вознесение брахмана* с тем же элементом — *brahma-códana*; любопытна фразеология, связанная с балтийскими и славянскими словами, родственными др.-инд. *cud-* (*совать*, *сунуть*, лит. *šáuti*, *šáudyti*, лтш. *saũt*, *sàut*, *saudît*, *saũdît* и др.). Вместе с тем заслуживает внимания параллелизм между лит. диал. starìnti 'erigere penem' (из

идет о воздвижении объектов сакрального характера, которые могут рассматриваться как исторические варианты **мирового дерева**, сам акт воздвижения их уместно сопоставить с поднятием шаманского дерева и его заместителей, практикуемым как главное действие ритуального акта, с помощью которого шаман (жрец) устанавливает связь с небом [49]. Поэтому можно высказать предположение, что и это действие могло входить в функции древнеримского царя-жреца. В таком случае оказывается, что действие, передаваемое глаголом от корня **reg-*, приводило к сакрализации данного пространства или временно́го отрезка независимо от того, прилагалось ли это действие к движению в горизонтальной плоскости или по вертикали.

В чем конкретно заключалось это действие, позволяют судить многочисленные параллели, засвидетельствованные в разных традициях. Речь идет о проведении границ, измерении участка, его членении. К этому сводятся и ритуальное «посвящение поля» в Древнем Египте, и соответствующие обряды в Древнем Китае, и обычай сакральных измерений в Двуречье [50], и более поздняя практика межевания, отраженная многочисленными деловыми документами (ср. «Полицкий статут» и т. п.) [51]. Языковые данные в изобилии доставляют примеры

говора Кведарны) и ведийским употреблением слова *bráhman* при глаголе *star-*, *stir-*. Есть основания полагать, что этот же глагол мог некогда употребляться и при др.-инд. *kapṛth*, *kapṛtha* 'penis'.

[49] В ряде традиций сохраняются следы функционального тождества царя с мировым деревом. Этим, в частности, объясняется символика солнца и луны в связи с образом царя (ср. принадлежность цейлонских царей к Солнечной или Лунной династиям, систему поэтических образов — словесных и изобразительных и т. д.). См. A. M. Hocart. Указ. соч.; Е. С. Семека. История буддизма на Цейлоне. М., 1969, стр. 84—85. Характерно, что между царем и землей заключался священный брак, находящий аналогии как в мифологеме брака Неба и Земли, так и в ритуале заключения брака между главой племени и землей с целью процветания данного коллектива. В римской традиции 9-го января *Rex sacrorum* совершал жертвоприношение Янусу, отмечая тем самым начало восхождения солнца. Вместе с тем этот день посвящался и Юноне как богине луны. Связь названий солнца, луны и слов с корнем *reg-* см. в формуле (*luna*) cum est e *regione solis*. Cicer. N. D. 2, 40, 103. Космологическая природа царя свидетельствуется обозначением ряда древнеиндийских богов как *rājā*. Ср. также RV. X. 90, 4: tripā́d ūrdhvá úd ait púruṣaḥ pā́do'syehā́bhavat púnaḥ | tato viṣvaṅ vy àkrāmat sāśanānaśane abhí || tásmād virā́ḷ ajāyata *virājo* ádhi pū́ruṣaḥ | sá jātó áty aricyata paścā́d bhū́mim átho purā́ḥ «На три четверти вознесся пуруша ввысь, четверть его осталась (здесь). Отсюда (он) распростерся на тех, кто ест и кто не ест. От него родилась Вирадж, от Вирадж — пуруша. Родившись, он распростерся вперед и назад по земле». Вирадж — женский творческий принцип, в котором подчеркивается идея распространения и порождения.

[50] Ср. надпись шумерского правителя Лагаша Энтемены на глиняном конусе (XXV—XXIV вв. до н. э.): «(Бог) Энлиль, господин (всех) стран, предок богов, . . . территории размежевал, . . . землемерную веревку (там) протянул, на этом месте камень водрузил. . .» и т. д.

[51] О ритуальной роли границы и ее связи с правовыми понятиями см. L. R. Palmer. The Indo-European Origins of Greek Justice — TPhS. 1950, стр. 165 и др.

одинакового обозначения средства измерения (или меры длины) и соответствующего участка, ср. лат. *regio* 'линия' и 'область' или слав. *вервь* 'веревка' (в частности, измерительная и 'община' и 'земельный участок общины' [52]. К переходу между этими двумя значениями ср. лат. *līnea* 'нить', 'шнурок'; 'граница', 'предел' и через выражения типа *locorum extremae lineae* к обозначению участка, ограниченного этими пределами.

Уже на этом этапе оправдано сопоставление с лат. *regere* (и другими словами того же корня) слав. *rězati* и связанных с ним лексем. Конкретные примеры — из них здесь будет приведена лишь часть — подтверждают правильность сопоставления, что в свою очередь должно рассматриваться как аргумент в пользу восстановления и.-е. **rēĝ* как общего источника далеко разошедшихся семантически образований в разных языках.

Прежде всего речь идет о слав. *rězati* 'проводить рез(ы)', т. е. прочерчивать некиим орудием л и н и ю, ч е р т у, н а р е з (ср. *чертить*, *прочертить* при лат. *kir̃sti*, *kérti* и под.) [53]. Само название черты, линии, проведенной именно таким образом, — *rězъ*, *rěza*. Вместе с тем это же слово (как и *regio* в латинском) приобретало значение земельного надела, участка. Ср. русск. *рез*, *резы* 'вновь срезанная под пашни полоса' (Даль III⁴, стр. 1769), *нарез*, *нарезок*, *нарезка* 'надел', 'нарезанная кому-либо доля', 'лоскут земли' (Даль II⁴, стр. 1210), *вырезок* 'сектор круга' (Даль I⁴, стр. 763), блр. *нарэз* (*нарэз зямлі*), укр. *різа* 'отмежеванные участки поля в 3, 6, 10 моргов, смотря по местностям' (Вихожу я жати свою *різу*. Левицк. Пов. 338; Під ним ціла *різа* землі буде и под., см. Гринченко IV, стр. 21); полесск. *ры́за*, *рыз*, *ры́ска*, *рэ́ска*, *рэ́зочка* 'земельный участок в пять-десять соток' (На͡дзи́л-то чаты́ры рэ́ски. Два́ браты́ ба́ц'каўски на͡дзи́л рэ́сками малыми де́л'ац' и т. д.), *ріезь* 'делянка земли' [54], и под. Более того, во всех славянских языках глагол **rězati* прилагается как terminus technici к з е м л е в качестве объекта. Балтийские данные, также не привлекавшиеся раньше в связи с лат. *reg-*, др.-инд. *rāj-*, подтверждают славянские факты и их сопоставление с латинскими словами. Ср. лит. *rė̃žis* 'полоса', 'нарез(ка)', *rúožas* 'черта', 'линия', 'полоса' и 'учас-

---

[52] Ср. *rape* как название некоторых судебных округов в Англии (от древней судебной общины), *reep* в Голландии при *rêp*, *râp* 'веревка' (см. B r u n n e r. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Bd. I, стр. 197); ср. совр. англ. *rape* (одно из подразделений графства Сэссекс) при *rope* 'веревка', 'меры длины' (ср. *rap* 'моток пряжи длиной 120 ярдов'), *to rope* 'связывать'.

[53] К дальнейшему семантическому развитию (ср. *rězati* 'проводить р е з ы' при лат. *regere* 'направлять', 'определять', 'давать наставления' и т. п.) ср. в качестве аналогии франц. *tracer* с кругом значений от 'проводить черту' до 'изображать', 'намечать' и под. Ср. связь слов этого корня с обозначением п у т и — от лат. *tractus* до итал. *tráccia* 'тропа', *in tráccia di* . . . 'в поисках. . .' и т. д.

[54] См. Л. Т. В ы г о н н а я. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря». М., 1968, стр. 121.

ток' (ср. *rúožtas* 'полоса', 'участок', 'область'; ср. лтш. *ruôza*), а также *rěžti*, *ráižyti*, *raižýti* и под.

Специфическое для славянских языков применение слов от корня **rěz-* для обозначения заклания скота (ср. русск. *резка* 'убой скота', *резник* 'мясник', *резальня* 'место убоя скота'; польск. *rzezalnia*, *rzeźnia* 'бойня' [55]; в.-луж. skót k *rězu*, блр. жывадзёр зьбіраіцца *рэзаць* быдлу [56] и под.) перекликается с латинским названием скотного двора *rēgia*, *gregis rēgia*. Вместе с тем лат. *regere* 'бросать в цель' (*regere tela*) отвечает слав. **raziti*, **po-raziti* 'попасть в цель', 'поразить цель' (ср. лит. *rěžti* 'разить').

Но особенно показательно совпадение между латинским и славянским выражениями, являющимися архаизмами из словаря древней ритуальной практики. Лат. lituo *regiones* terminare означало проведение небесной линии авгурским жезлом (ср. также *ē regiōne* «по прямой линии» в ритуальных клише). Надо полагать, что некогда *regiones* могло означать и те надрезы, линии рассечения, которые делались жрецом при жертвоприношении (расчленение животного или человека на части и установление тождества частей тела с элементами Космоса, ср. др.-инд. *пурушу* и т. п. принадлежит к важнейшим частям ритуала.) В связи с этим естественно припомнить известный отрывок из сочинения Храбра о письменах: Прѣжде оубо Словѣне не имѣхѫ книгъ, нѫ *чрътами* и *рѣзами* чьтѣхѫ и *гатаахѫ*, погани сѫще. Учитывая семантику *чьтѣхѫ* до изобретения письменности и особенно *гатаахѫ* (ср. русск., ц.-слав. *гатати* 'говорить загадками', 'говорить неясно', 'предугадывать' [57], с.-хорв. *гáтати* 'предсказывать', 'колдовать', болг. *гáтам се* 'загадываю загадку' и т. п.[58]), приходится признать, что *чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ* [59], действительно, относится к гаданию, предсказанию по резам, как и практика римских авгуров, проводивших *regiones* и определявших по ним судьбу.

Не исключены и некоторые другие совпадения в терминологии и фразеологии слов с корнем **reg-* и **rěz-*.

Имея в виду семантику **rē̂ĝ-* в древнейшую пору, можно довольно естественно объяснить и целый ряд инославянских слов,

---

[55] Ср.: Pan Bóg nie wymaga, aby Mu gwałtownie prowadzono ofiary do ołtarza, jak zwierzęta do rzezalni. Варшавский словарь, V, стр. 817.

[56] См. I. К. Бяльковіч. Краевы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, стр. 397.

[57] Ср.: Отъ знамении нѣкыихъ *гатаѭште проричѭть*. Изб. Свят. 1073 г., 149; Не боуди баꙗ, ни съмываꙗ съна си не вражи, ни *питицами гатаи*. — Там же, 94 (*питицами* = *пътицами*). Ср. лат. *augur* 'жрец-птицегадатель', *avis* 'птица', 'вещая птица', отсюда — 'предзнаменование', 'знамение', 'примета', *avibus bonis* «при хороших предзнаменованиях», *avibus adversis* или *avi malā* (*sinistrā*) «при дурных предзнаменованиях» и т. п.

[58] Ср. авест. *gāϑā* и др.-инд. *gāthā* как название сакрального песнопения (гимна).

[59] Характерно само сочетание *чрътами и рѣзами* (к *rězati* — чертить', 'прочерчивать').

которые долгое время считались темными. Так, например, др.-инд. *rájas* 'пространство', 'небесное пространство' (ср. лат. *regiones* 'небесные линии'), *rájasī* дв. ч., 'небо и земля', конечно, связывается с лат. *regio*, о чем свидетельствует и др.-инд. *ŕjyati*, *r̥ñjáti* 'простирает', 'распространяет', ср. *rājas* и *pr̥thu-*, *uru-* 'широкий' и т. д. (сюда же *rājiḥ* 'рез', 'линия', 'ряд', возможно, авест. *rāǰi-* с несколько неясным значением, ср. глагол *raz-*, *rāzaya-* и под.)[60]. Др.-инд. *rájasī* как образ двух пространств («размах Вселенной»), будучи сопоставлен с др.-греч. ὀρέγω χεῖρας и ὀργυία (см. выше), обнаруживает внутреннюю мотивировку этого слова[61]. Очень любопытны известные из разных традиций эпитеты царя типа др.-инд. *dīrgha-bāhu-* 'долгорукий' (ср. также о царях и о Вишну — *mahābāhu-*), авест. *darəgō. bāzu-*, русск. *Долгорукий* и под. Отнесение эпитетов такого типа к царю (**rĕĝ-*), учитывая семантику **rĕĝ-*, конечно, не случайно[62].

История изучения продолжателей и.-е. **rĕĝ-* в отдельных языках показывает со всей очевидностью, каким образом пренебрежение семантическими тонкостями приводит к разъединению и изоляции единых по происхождению элементов, несмотря на то, что эти элементы безупречно соответствуют друг другу с фонетической точки зрения и входят в весьма сходные словообразовательные модели (*i-*: *rēgia*, *rāji-*, *rāji-*, **rězь*; *-u-*: ὀργυία, **rězъ*, **rěz-ov-ьn-*; *-n-*: *rājan-/rajñ-/*, *regnum*, *regnāre*, *regīna*, **rěz-an-*, **rěz-en-*, **rěz-ьn-*; *-men-*: *regimen*, **rěz-ь-men-*; *-l-*: *rēgālis*, *rēgillus*, **rěz-al-ьn-* и под.).

В заключение — несколько слов о др.-русск. *вазнь* 'счастье', 'удача' и 'доблесть', 'отвага', *вазньство*, то же, *вазнивый* 'счастливый'[63], которые до сих пор оставались не объясненными или толковались ошибочно[64]. Целесообразно предположить, что *вазнь* является остатком старого индоевропейского слова, принадлежавшего, видимо, к гетероклитическому склонению. Ср. др.-перс. *vazarka-* 'великий', 'могучий', представляющее собой образование на *-ka* от основы **vaz-ar-* (или **vaz-ra-*), которая в свою оче-

[60] См. подробнее: Th. Burrow. — BSOAS, vol. 12, 1948, стр. 645 и след.; J. Gonda. Semantisches zu idg. **rēĝ-* 'König' und zur Wurzel *reĝ-* '(sich aus) strecken'. — KZ, Bd. 73, 1956, стр. 151—167. — Интересно, что сравнение *rěz-* с ὀρέγω *regere*, *r̥jyati*, хотя и без должного семантического обоснования, принадлежит еще А. Матценауэру (см. LF. 18, стр. 255 и след.).

[61] Ср. также лат. *rēgula* в значении 'линейка' (также 'критерий', 'норма', 'правило'), т. е. то, что является мерой (ср. ὀργυία 'мера длины'); ср. также авест. *rāzan-*, *rāzar-*, 'правило', 'предписание'.

[62] Из других перекличек ср. формулу *rājā kr̥ṣṭīnām* и *rājā carṣaṇīnām* 'царь людей', многочисленные примеры которой отмечены в Ведах и относятся к высшим богам (см. B. Schlerath. Указ. соч., стр. 45—47, 52) в связи со слав. **rězъ* в значении режущего орудия (ср. болг. *ряз* 'нож плуга') при том, что др.-инд. *karṣ-* означает 'пахать', 'проводить борозду' (ср. *karṣū-* 'борозда', *kr̥ṣi* 'пахота', *carṣaṇi* — сюда же). В этом смысле *rājā kr̥ṣṭīnām* 'царь земле*пашцев* (?)' для более древнего периода может рассматриваться как формула с двумя сходными семантическими множителями.

[63] См. примеры — Срезневский I, стр. 225—226.

[64] См. Фасмер, I, стр. 267.

редь основана на глагольном корне *vaz- 'быть в силе (в мощи, в расцвете)' [65], ср. также авест. *vazra-*, др.-инд. *vájra-* 'дубинка Индры' и т. д. при др.-инд. *vája-* 'сила'. Эти примеры, как и родственное им лат. *vegēre* 'возбуждать', *vegetātio* 'возбуждение', *vegetus* 'крепкий', 'полный сил', 'бодрый', *vigēre* 'быть полным сил (крепким)', 'быть в расцвете (сил, славы)' [66] и т. д., позволяют отделить элемент *-r-* от корня. Следовательно, др.-перс. *vazarka-* и *вазнь* могут отражать более древнюю гетероклитическую основу **vaz-r-*: **vaz-n-* (к образованиям с элементом *-n-* ср. др.-инд. *vāj-in-* 'сильный', 'герой', название коня и т. п.) [67]. Принимая во внимание значение др.-инд. *vájra-* (ср. *vájra-* в функции детородного члена), латинских указаний типа veget pro vegetat vel erigit, vel erectum est (Non. 183, 1) или animos Venu veget voluptatibus (Pompon. Maiali, 78), германских слов со значением 'расти', 'увеличиваться' и под. (гот. *wakan*, *gawaknan*, др.-сев. *vakna*, а.-сакс. *wœcnan* и др.) [68], естественно предположить в словах корня **u̯eĝ-* наличие специального смысла — 'производительный', 'плодотворящий' и т. п. Между прочим, присутствие именно такого нюанса объяснило бы употребление др.-перс. *vazarka* в архаичных формулах в связи с царем, богом и (реже) землей [69], представителями трех космических сфер и соответственно трех основных функций (в духе Дюмезиля). Следовательно, и *vazarka-* возвращает нас к кругу тем, связанных с царем (ср. также: Повѣдаша Дариеви *вазньство* Александрово. Александр. и др.).

Корректурное примечание. 1. Ср. традиционную латинскую формулу женских эпитафий: Pia, pudens, *pudica*, *lanam fecit*. 2. О *rēx*, *rājan-* и под. см. теперь: W. Winter. Some Widespread Indo-European. Titles. «Indo-European and Indo-Europeans». Philadelphia, 1970, 49—51. В связи с *regia* см.: G. Dumézil. Les cultes de la *regia*, les trois fonctions et la triade Jupiter, Mars, Quirinus. «Latomus» XIII, 1954, 129—139. — К типологическим параллелям, удостоверяющим связь названий жреца и гадания (или его орудий), ср. название вепсских жрецов-арбуев: *arboi* при *arboida* 'гадать', *arb* 'жребий'' *arbāńe* 'метка'; финск. *arpoja* 'гадалка' при *arpoa* 'метать жребий', *arpa* 'жребий', 'жезл (прут) для узнавания тайн' (ср. лат. *lituus*), *arpi* 'рубец', 'нарезка' (ср. *рез*) и т. д. (слова германского происхождения). Названия такого рода нередко ложатся в основу теофорных имен и эпонимов.

---

[65] О *vazarka-* см. É. Benveniste. Указ. соч., 2, стр. 21—22.

[66] Ср. ирл. *uigil*, *féil*, *figell*, брит. *gwyl* и т. д.

[67] Подобно авест. *rāz-ar-*: *rāz-an-*.

[68] Не относится ли сюда же лат. *vagāri* (ср. значение 'распространяться'; например: ea fama vagatur и под.), *vagus* (ср. *vaga fortuna* и под.)?

[69] Ср. Adam Dārayavauš xšayaϑiya *vazarka*. . .; Auramazdā *vazarka* hya maϑišta bagānām. . .; Baga *vazarka* Auramazdā hya imām būmim adā hya avam asmānam adā hya martiyam adā hya šiyātim. . .; Adam Xšayāršā xšāyaϑiya *vazarka*. . . xšāyaϑiya ahyāyā būmiyā *vazarkāyā*. . . и т. д. Ср. характерное соседство: . . . и юже въ дѣлѣхъ его *вазнь* и *мужество*. Хрон. Иоанна Малалы и др.

О. Н. Трубачев

НАБЛЮДЕНИЯ ПО ЭТИМОЛОГИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЛОКАЛИЗМОВ (СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ 48—52*)

ПАМЯТИ МАКСА ФАСМЕРА
(1886—1962)

Исследования состава лексики славянских языков по мере накопления фактов показывают многочисленность так называемых локализмов — слов ограниченного распространения, нередко известных лишь в пределах одного языка или части его диалектов. В каждом славянском языке есть слова, известные только ему, но среди них огромное большинство — продукт позднего развития, и такие слова не представляют большого интереса для славянского языкознания в целом. Естественно, что лексические локализмы каждого отдельного славянского языка неоднородны. Среди них есть такие локализмы, которые имеют большую важность в глазах специалиста по сравнительно-историческому изучению славянских языков. Это образования значительной древности, часто — современные эпохе существования праславянских диалектов. Существенно также, что это, как правило, образования, изолированные в словаре соответствующих славянских языков, с несколько неожиданными связями в отдаленных славянских языках или вообще за пределами славянской языковой семьи. Их обособленность повышает значение их свидетельств и отношений, их вскрываемой структуры.

Своеобразие разбираемых ниже случаев заключается в том, что их этимологизация, насчитывающая к настоящему времени определенную литературу, строится на презумпции полной их изолированности, а наше исследование вскрывает до известной степени мнимый, или относительный, характер этой изолированности, ставит вопрос о связях и новых аспектах отношений, но не снимает, впрочем, и тезиса об изолированности, трактуя ее как вид лексических связей в историческом плане. Нижеследующие заметки вводят в обиход этимологии некоторые новые факты, позволяющие прийти к однозначным этимологическим решениям для части слов. Впрочем, и по тем словам, по которым окончательное решение остается пока проблематичным, этот аспект модифицируемой изолированности лексических ло-

* Продолжение серии, публиковавшейся в «Вопросах славянского языкознания», «Этимологических исследованиях по русскому языку», «Zeitschrift für Slawistik», «Этимологии» и др. изданиях.

кализмов оказывается удобным и открывает дополнительные возможности для эксперимента в этимологии.

В первых двух из нижеследующих заметок (№ 48, 49) нами оспаривается принимаемое в существующих этимологиях местное неславянское (субстратное или адстратное) заимствованное происхождение соответствующих слов. Контраргументом служат новые словарные данные. В этюде № 48 речь идет о глагольно-именной паре **gaziti*—**gazъ*, комплектно представленной в южнославянских языках и частично — в некоторых восточнославянских диалектах (имя **gazъ*), при отсутствии в остальных восточнославянских диалектах, а также других славянских языках. Ввиду сомнительности заимствования из других балканских, в том числе — древних субстратных языков выдвигается мнение об общем архаизме ряда праславянских диалектов. Новые словарные данные, таким образом, в силу своей специфики (непредвиденное наличие в отдаленных и не контактирующих диалектах, изолированное, в свою очередь, положение новых данных в их конкретном языковом окружении) приводят к тому, что существующая интерпретация не дополняется, а в корне меняется. В этюде № 49 восстанавливается глагольно-именная пара **napъtati*—**napъtъ* / **napъta*. Эти ясные (в реконструированном виде) отношения сохранились в более остаточном, реликтовом состоянии, чем разобранная выше пара. Имя **napъtъ* / **napъta* сохранил только церковнославянский (русская редакция), глагол **napъtati* засвидетельствован только в чешском. Бесспорный характер связи, разные прочие яркие моменты (напр. уникальный глагольный вокализм) заставляют решительно отказаться от мысли о заимствовании церковнославянского имени из германского.

Этюд № 50, в отличие от предшествующих, трактует о редком, старом слове, которое вообще засвидетельствовано только в русско-церковнославянском и не обнаруживает ни именных, ни глагольных соответствий в известных нам материалах по лексике других славянских языков и диалектов. Классически изолированное слово оказывается, к тому же, семантически темным. Семантическая его неясность компенсируется, однако, незатемненностью его фонетической формы, которая делается очевидной в результате впервые выдвигаемого здесь сближения с кельтским. Опираясь на хорошую сохранность фонетической формы, позволяющей провести сравнение с отдаленнородственными языками, предпринимаем попытку семантической реконструкции для праслав. диал. **brusna*.

Совсем иной случай описывается в этюде № 51, где на примере чешского и белорусского слов рассматриваются лексемы с тождественным словообразованием и значением в неконтактирующих диалектах. Своеобразие случая: ясность словообразования при одновременной изолированности в конкретном языковом окружении. Парадоксальность случая проявляется в том, что изолиро-

ванность образования даже при наличии ясной структуры порождает спорные или противоречивые толкования. Другая ложная аксиома заключается в понимании ясной структуры как презумпции позднего образования. Применяемое здесь сравнение одной изолированной формы с другой, также изолированной и словообразовательно ясной, приводит к удревнению относительной хронологии вскрываемого общего образования (*perestъjь).

Заключительный этюд № 52 содержит новое сравнение русского слова *коромысл* / *коромысло* и своеобразной родственной формы в одном отдаленном славянском диалекте. Сравнение делает единственно возможной реконструкцию праслав. **kъrmyslъ* / **čьrmyslъ*, причем обе формы на праславянском уровне надлежит трактовать как варианты практически одного слова; лексикализовавшееся впоследствии расщепление **kŭrmyslŭ* / **kĭrmyslŭ* носило до I палатализации чисто фонетический характер. Изолированное и темное русское слово не удается окончательно разъяснить и после перспективного отождествления его с другим изолированным славянским диалектным реликтом. (Причина отчасти — в нашем неполном знании процессов славянского словообразования.) Однако свидетельство древнего фонетического варианта позволяет ограничить число возможностей интерпретации русского слова, придать ему более строгое формальное толкование. Так, в результате отпадают как неверные этимологии русск. *коромысл(о)* от якобы древних форм **коро-*, **коло-*; элемент *-м-* типологически интерпретируется как древний суффикс-детерминатив основы, а не начало какого-то второго корня сложного слова, следовательно, все образование в целом обретает смысл суффиксального производного, а не двуосновного сложения; словообразовательное членение, вскрываемое при этом: **кърм-ыс-л-*. Морфологически старший тип: *коромысл*, мужского рода.

48. Праслав. диал. **gaziti* — **gazъ*

Эти древние формы реконструируются, в первую очередь, на основе следующих слов живых славянских языков: болг. *гáзя* 'ходить по воде, по траве, золе и т. п., ступать, погружая ноги', 'переходить вброд (реку)', 'топтать' [1], макед. *гази* 'наступать, топтать', 'идти, ходить, ступать', 'идти вброд' [2], сербохорв. *гȁзити* 'переходить вброд', 'наступать, попирать', *гȃз* м. р. 'брод' [3], причем имя, по данным словаря Югославянской Академии, засвидетельствовано с XIV в., а глагол — с XVI; словен.

[1] БТР, стр. 88.

[2] Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Сост. Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски, ред. Б. Конески. I. Скопје, 1961, стр. 91; Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. Под ред. Н. И. Толстого. М., 1963, стр. 69.

[3] Караџић s. v.; RJA D. III, стр. 116 и след.

gáziti 'переходить вброд', 'идти по грязи, по снегу', *gâz* м. р. 'тропа', 'тропинка в снегу', *gâz* ж. р. то же, *gáza* ж. р. с тем же значением [4].

Для правильных суждений об этих словах нужно иметь в виду, что к реконструируемым нами праслав. **gaziti*, **gazъ*, с их семантикой 'брод', 'идти вброд' не относится словен. диал. *gáziti se* 'возбуждать отвращение (напр. о еде)' [5]. Это последнее слово связывали с блр. *агáзны*, *агáзьлiвы* 'надоедливый, озорной' [6], что, как увидим далее, верно, но само по себе недостаточно и нуждается в разъяснениях. Словен. *gáziti se* 'возбуждать отвращение', по-видимому, этимологически тождественно русск. диал. (тульск.) *газúть* 'ломить' [7]; оба слова можно объяснить как продолжение (и упрощение) древнего **gazditi* $<$ **gad-diti*, экспрессивного образования с удвоением согласного и последующей диссимиляцией, ср., далее, родственное русск. *гвáздаться* 'пачкаться', укр. *гвáздати*, польск. *gwazdać* 'пачкать, марать', словен. *gvazdati* 'нести чушь' [8] а также — с другой ступенью чередования корневого гласного — слав. **gydъkъ*, **gadъ*, **gaditi* и продолжающие их формы. Как бы подтверждением данной этимологии служит отождествление словен. *gaziti se*=*gaditi se* в словаре Плетершника. Таким образом, в результате необходимого отграничения материала получаем особое праслав. **gazditi* с отличной этимологией и особым ареалом, включающим также собственно русскую лексику. Последнее существенно, потому что ареал вышеупомянутого **gaziti* и родственных образований не распространяется на великорусскую территорию. Вместе с тем неверно и традиционное воззрение на **gaziti* 'идти вброд, по воде и т. п.' как на исключительно южнославянское слово. Этому в корне противоречат нижеследующие любопытные данные, которые мы ставим в прямую связь с упомянутой болгарско-македонско-словенско-сербохорватской лексикой с корнем *gaz*-, обозначающей брод.

---

4 Pleteršnik I, стр. 208.

5 Там же.

6 Ф. Безлай. Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 53 (значение белорусского слова дано здесь не совсем точно); Bezlaj. Eseji, стр. 137.

7 Даль [2] I, стр. 340; также см. Филин, вып. 6, стр. 94.

8 Фасмер I, стр. 398. — Сюда (а не к праслав.* *gaziti*!), наверное, относится болг. *гáзя* 'кричать, бранить' (ср., напр., значение словен. *gvazdati*, включаемое авторами «Болгарского толкового словаря» в единое *гáзя* (см. выше), что вряд ли правильно). Ср. еще укр. диал. *огáзнути* 'покрыться инеем' (о котором неверно — к **gaziti* — см. Р. Смаль-Стоцький. — «Slavia» 5, 1926, стр. 37), удачно связываемое со словен. *gáziti se* 'возбуждать отвращение' в последнее время Безлаем, который допускает и близость к к русск. *гвáздать*, при общем исходном **g(v)azd-* (так F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika, рукопись, Любляна). Ср. еще, с отличиями в деталях, О. Н. Трубачев. О составе праславянского словаря. «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 176.

Мы имеем в виду блр. диал. *газ* 'брод': «В Лепельщине еще употребляют слово *газ* в значении 'мелкое место во всю ширину реки или озера'. Такой газ я видел на Красненском озере (Дисненский у.), это, как мне кажется, искусственная подводная дорога, какие строились в доисторические времена с стратегическими целями» [9].

Южнославянские слова с корнем *gaz-* и значениями 'брод', 'переходить вброд' этимологизировались в литературе весьма разнообразно. Начнем с мнения издателей сербохорватского словаря Загребской академии: «Основа *gaz-* находится только в южнославянских языках, откуда следует, что это — иноязычное слово, возможно, венг. *gáz* с тем же значением, *gázolni* 'переходить вброд'» [10]. С венгерским связывает это южнославянское слово и Миклошич [11]. Лишь Бернекер, вслед за Ашботом, дал правильную оценку этим отношениям, отвергнув мысль о венгерском происхождении славянского слова: «скорее венг. *gázolni* произошло из слав. *gaziti*» [12]. Совершенно недвусмысленно — как заимствованное из южнославянских языков — характеризуется венг. *gázol(ni)* (засвидетельствовано с конца XV в. и обнаруживает практически все значения своего славянского первоисточника: 'переходить вброд', 'топтать, попирать ногами', 'идти') в новом венгерском историко-этимологическом словаре [13]. Венгерское слово используется при этом иногда как след существования **gaziti* в ассимилированных венгерским паннонскославянских диалектах, т. е. в зоне, непосредственно примыкающей к историческим южнославянским языкам [14].

Существует ряд индоевропейских этимологий слав. **gaziti*. Бóльшая их часть, правда, не приурочена специально к конкретному индоевропейскому ландшафту Балканского полуострова. Таковы этимология **gaziti* из и.-е. **gāg'-* или **gōg'-*, ср. арм. *kacan* 'узкая дорога, тропинка' [15]; сближение слав. **gaziti* с др.-инд. *gā́hate* 'погружается' [16]; с праслав. **gasati* 'бить' <

---

[9] В. Ластоўскі. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924, стр. 42. Ср. еще І. Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971, стр. 43: «*газ* 'очень широкий брод в реке или озере' (Леп.); урочище Газ на Красенском озере в Дисенщине. . .»

[10] RJA D. III, стр. 116 и след.

[11] Miklosich, стр. 61.

[12] Berneker I, стр. 299.

[13] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Főszerkesztő Benkő L., szerkesztők Kiss L., Papp L. I. kötet. Budapest, 1967, стр. 1039.

[14] Skok I, стр. 557.

[15] Так, вслед за Э. Лиденом, см. Berneker I, стр. 299; Младенов, стр. 96.

[16] V. Machek. Ario-slavica. — KZ LXIV, стр. 266 (цит. по: RS XIV, 1938, стр. 188); Mayrhofer I, стр. 334—335 (сомневается в семантической стороне славянско-санскритского сближения, предлагаемого В. Махеком).

и.-е. *ghes- 'резать, уничтожать', но с другим расширением [17]; сложная этимология, предполагающая родство слав. *gaziti 'переходить вброд' с лит. диал. góti 'идти', лтш. gãju, прошедшее время от iêt 'идти', и контаминацию со слав. *laziti [18]; сближение с лит. gõžti 'опрокидывать, проливать', 'неуклюже, неловко шагать' [19]. Наряду с этим выдвинута этимология, объясняющая болг. га́зя, сербохорв. га̏зити, словен. gáziti как древнее заимствование из местных индоевропейских языков Балкан, причем прототип в предполагаемом дако-мизийском субстрате возводится к и.-е. *g^{w}ādhjo-s и этимологически отождествляется с др.-инд. gādhá- 'мелкий, неглубокий'; ответственная роль в передаче и.-е. dhi̯ как z (необъяснимой на славянской языковой почве) приписывается при этом фракийскому (дако-мизийскому, праалбанскому) субстрату, принимая во внимание наличие такой фонетической трактовки именно в албанском [20]. Еще более серьезное значение, чем этому формально-фонетическому критерию, автор названной этимологии придает тому, что «эти слова встречаются только в южнославянских языках» [21]. Очевидно, что этот последний аргумент сохраняет свой вес до того момента, пока не обнаружится его опровержение в виде соответствия в другой группе славянских языков, каковое мы получаем в форме блр. диал. *газ* '(широкий) брод' (см. выше). Древнеалбанские, или фракийские, заимствования в белорусском неизвестны и невозможны, поэтому остроумную новую этимологию В. Георгиева нужно отклонить так же решительно, как это было в свое время сделано (и, как мы судим из наличия того же белорусского диалектного свидетельства, — справедливо) со старой венгерской этимологией.

Таким образом, в общем ряду продолжений слав. *gaziti— *gazъ белорусское соответствие приобретает значение отнюдь не рядового свидетельства. С его помощью удается доказать ошибочность двух только что названных этимологий, опиравшихся на моменты внешней лингвистики (заимствование из неславянских языков в славянские при наличии территориальных и культурноисторических условий). Блр. диал. *газ*, изолированное в своем конкретном языковом окружении и лишенное поддержки соответствующего глагола, тем не менее, обнаруживает то же четкое, вполне сложившееся значение 'брод', что и южно-

---

[17] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС XXIII, 1921, стр. 236—237.

[18] J. Otrębski. Studja indoeuropeistyczne. Wilno, 1939, стр. 63; Он же. Les mots d'origine commune dans des langues slaves et baltiques. — LP I, 1949, стр. 130.

[19] Fraenkel I, стр. 162.

[20] В. Георгиев. Въпроси на българската етимология. София, 1958, стр. 38—39; ср. I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 17. О древнеиндийском слове ср. еще Mayrhofer I, стр. 333.

[21] В. Георгиев. Въпроси на българската етимология, стр. 38; ср. еще БЕР III, стр. 224.

славянское имя. Это тождество, наблюдаемое в двух несообщающихся, изолированных районах, показывает нам древность этой формы в этом значении. Сказанное приобретает характер немаловажного внутрилингвистического критерия, поскольку очевидная древность значения 'брод' позволяет сделать выбор между этимологиями (а этимолог знает, как трудно бывает подчас именно сделать обоснованный выбор при изобилии существующих этимологий). В этом смысле значение 'брод' благодаря своей однородности и ранней отграниченности представляет благодарный материал из области семантической типологии этимологических исследований. Как получено значение 'брод'? Это наглядно демонстрирует этимология синонимических обозначений в различных индоевропейских языках. Лат. *vadum* 'брод' связано с лат. *vādere* 'идти' < и.-е. *$g^{u̯}$*ādh-*, расширение *$g^{u̯}$*ā-* 'идти' или **u̯ādh-* < **u̯ā-* с тем же значением [22]; авест. *pərətu-* 'брод', галльск. *ritu-* 'брод', нем. *Furt* то же < и.-е. **pr̥tu-* < **per-* 'переходить, перевозить', сюда же греч. πόρος 'брод' [23]; слав. **brodъ* 'брод' < **bredǫ*, **bresti* 'брести, идти'. Сопоставление древних синонимов, обозначающих брод, заставляет нас отдать предпочтение тем из рассмотренных выше этимологий слав. **gazъ* 'брод', **gaziti* 'переходить вброд', которые связывают эту славянскую основу, в конечном счете, с и.-е. *$g^{u̯}$*ā-* 'идти' (см. выше сближения Отрембского и других с лит. диал. *góti* 'идти', лит. *góžti* 'неуклюже шагать').

Начав нашу заметку о слав. **gaziti* с разграничений между **gaziti* и омонимизирующимся с ним глаголом **gaz(d)iti*, мы закончим ее еще одним таким наблюдением: между **gaziti* 'переходить вброд' и **gaz(d)iti* 'вызывать отвращение' (словен.), 'ломить' (русск.), 'бранить' (болг.) и т. п. (см. подробнее выше), кроме территориальных различий, наблюдаются еще более серьезные семантические различия. Если значения **gaz(d)iti* явно тяготеют к центральному экспрессивному значению 'гадкий, отвратительный', то значения 'брод', 'переходить вброд' базируются на исходном значении 'идти', 'переправляться', т. е. на значении нейтральном.

Что касается глагольно-именной пары **gazъ*—**gaziti*, то свидетельство блр. диал. *газ* полезно и для суждений о хронологии образования членов этой пары. Белорусский пример представляет вполне сложившееся имя при отсутствии парного глагола. Отсутствие глагола могло быть вызвано его утратой, но оно могло быть и изначальным для данного диалекта. Глагол на *-iti* **gaziti* — каузативный (фактитивный) глагол, семантически и формально (ср. корневой вокализм) построенный на базе имени **gazъ*: 'осуществлять переход вброд'. Если говорить о более

---

[22] Walde^{2}, стр. 802; Ernout — Meillet^{3} II, стр. 1256—1257; Pokorny I, стр. 463 и след.; 1109.

[23] Pokorny I, стр. 816—817.

древней предыстории форм, то имеет смысл охарактеризованные выше индоевропейские родственные связи относить в первую очередь к имени *gazъ, а глагол *gaziti считать собственным новообразованием части славянских диалектов.

49. Праслав. диал. *napъtъ/*napъta — *napъtati

В настоящем этюде речь пойдет о слове, представленном рядом вариантов в памятниках церковнославянского языка главным образом русской редакции: *напъ* 'наемник, mercenarius'. — *Напъ*, обиталникъ (πάροικος καὶ μισθωτός, advena vel mercenarius; по др. сп. наимитъ и обитательникъ). Исх. XII. 45 по сп. XIV в. Аще ли напъ ес҃, да будеⷮ емꙋ за напа даемꙋ (по др. сп.: аще ли напъ есть, да боудеть емоу за напасть; да бꙋдеть емꙋ запона на преди). Исх. XXII. 15 (Библ. 1499 г.). Напъ ерѣевъ (πάροικος, inquitinus, по др. сп. наимитъ, населникъ). Лев. XXII. 10. Ꙗкоⷤ напа ѡиденань (ѡиденьна — поденного) жизнь его (ὥσπερ μισθίου αὐθημερινοῦ). Иов. VII. 1 по сп. XVI в. (В. II. 20). Аще ли напъ, то възираи на възѧтиѥ тъчиѫ (εἰ μισθωτός, πρὸς τὸ λαβεῖν βλέπε μόνον). Гр. Наз. XI в. 106. Паче же и напа бѣгоунива приеметь сѫдъ (μισθίου). Панд. Ант. XI в. л. 247. Не бо напъ бысть (μισθωτός, mercenarius). Жит. Еутх. 31. Мин. чет. апр. 116. Бяахомъ на поути пять насъ: самъ же бл҃женыи и азъ и два напа и инъ слоуга оунъ (duo agazones). Жит. Порф. 14. Мин. чет. февр. 287 [24]. *Напъта* 'наемник': Стоужающи си ѿгонѧхоу напъты своꙗ, дроузи же рабы своꙗ. Жит. Нифонт. XIII в. 106. Ничсо же небрѣгъ ѿгна напты своꙗ. т. ж. 107 [25]. *Напьда=набьда* μισθός, merces, μίσθωμα: Да не даси набды ѿ блоудницы (μίσθωμα, mercedem; по др. сп. мьзды). Втз. XXIII. 18 по сп. XIV в. Да не лишиши набды ꙋбогаго (μισθόν, mercedem; по др. сп. наіма). Втз. XXIV. 14. т. ж. Да не ѿдаси нап'ꙋд емꙋ. Втз. XXIV. 15. Библ. 1499 г. Вся напьды ея запалять огнемь. Мих. I. 7. И отъ кыхъ зълии съзьдасѧ и лишеныхъ напьдъ просѧ, и отъмьштениꙗ врѣжденыихъ възиска. Изб. 1073 г. (ср. Иер. XXII. 13). Напъдоу възимаста цѣноу или наимъ (μισθόν; в лат. пер. нет). Пат. Син. XI в. 122. Имаше отъ обою напьдоу (mercedem operis, μισθόν). т. ж. Не стыдяся, приди възяти напьдѫ. Конст. Сказ. XII. в. 235. Кыꙗ же соуть мьзды и напьды и въздааныꙗ. т. ж.[26]

Таким образом, в нашем распоряжении представлены формы *напъ*, *напъта*, *напьда*, *набьда*, *напъда*, *набда*, которые, несмотря

---

[24] Срезневский II, стб. 314—315; см. также Miklosich LP, стр. 410.
[25] Срезневский II, стб. 316.
[26] Там же.

на серьезные различия, являются не словообразовательными, а чисто формальными вариантами одного и того же слова. Количество вариантов должно быть даже умножено, потому что, например, слово *напъта*, даваемое Срезневским только из Жития Нифонта, реально представлено в тексте в форме винительного падежа множественного числа (как это видно и из цитат у Срезневского), на базе которой может быть реконструирован незасвидетельствованный именительный падеж как в форме *напъта*, так и в форме *напътъ* [27]. Множество письменных вариантов и значительные колебания между ними — первый признак того, что слово было темным и недостаточно понятным. К каким кривотолкам и разночтениям это приводило, хорошо видно хотя бы на примерах одной цитаты на слово *напъ* в разных списках: 1) . . . да бꙋде*ть* емꙋ за напа даемꙋ; 2) . . . да боудеть емоу за напасть; 3) . . . да бꙋдеть емꙋ запона на преди (так! см. Срезневский, выше). Современный русский перевод этого места Библии (Исх. XXII, 15: «(если он взят был в наймы за деньги,) то пусть и пойдет за ту цену».

Как показывает употребление в церковнославянских цитатах и значение греческих и латинских эквивалентов, изучаемое слово выступало то в значении ʻμισθωτός, μίσθιος, mercenarius, наемникʼ, то в значении ʻμισθός, μίσθωμα, merces, наемная плата, плата по наймуʼ. Наличие функций имени деятеля и имени действия обычно характеризует отглагольные существительные, и об этом важно помнить при этимологизировании слова. Двойственная семантическая функция слова помогает как-то объяснить множественность его вариантов, сделать правдоподобным наличие здесь единого слова, из чего согласно исходят все известные этимологии, не пытаясь доказать то, что также нуждается в определенном доказательстве. Можно заметить, что значение ʻнаемникʼ закреплено за формами *напъ*, *напътъ* / *напъта*, а значение ʻнаемная платаʼ — за формой *напьда* / *набьда* / *напъда* / *набъда*. В последнем случае не исключено, как нам кажется, формальное влияние семантически близких слов *мьзда* (есть в качестве варианта в списках, см. Срезневский, выше), особенно — созвучное *набъдꙗ* ἐπιμέλεια, т. е. ʻзабота, попечениеʼ, ʻделоʼ [28]. В случае с формами *напъ*, *напътъ* / *напъта* влияние посторонних форм как будто отсутствует, сами формы *напъ*, *напътъ* ни с чем не ассоциируются и представляются темными, что все вместе и позволяет нам считать их этимологически наиболее авторитетными вариантами, в отличие от форм с иным исходом *напьда* / *набъда*, где нетрудно увидеть подравнивание под извест-

---

[27] К. И. Ходова. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. IX, М., 1954, стр. 189.

[28] Цслав. набъдꙗ, видимо, калькирует греч. ἐπι-μέλεια (*на-* + основа глагола *бъдѣти*); от него, в свою очередь, произведено русск. *снабдить*, ст.-слав. сънабъдѣти, не имеющее никакого отношения к нашему *напъ*, *напъта* ʻнаемный работникʼ.

ную лексику и вторичное осмысление. Таково, как нам кажется, необходимое доказательство того, что перед нами единое слово.

В семантическом, а также этимологическом отношении существенно, далее, отметить, что *напъ*, *напъта* обозначало не наемного солдата, как иногда толкуют его в литературе [29], а говоря точнее — наемного рабочего [30], поденщика, «напа ѡиденьна», а это также влечет за собой не одни лишь семантические уточнения, но и ограничения в выборе этимологий: так, этимологии, исходившие из молчаливого принятия первоначального значения 'наемный солдат', уже, видимо, не подойдут, см. специально ниже.

Изучение цитатного материала помогло произвести уточнения по всем основным характеристикам слова: значение ('наемный работник', 'плата по найму'), грамматическая функция (вероятное отглагольное существительное), этимологически наиболее авторитетная форма (*напъ*, *напътъ* / *напъта*). Сделать это удалось до известной степени независимо от этимологии в собственном смысле, к которой мы и переходим теперь. Предпринятый выше предварительный филологический анализ, помимо полезных показаний и направляющих ограничений, ставит перед собственно этимологическим исследованием отдельные вопросы, на которые этимология должна будет дать ответ, т. е. своеобразно программирует направление этимологического анализа. Так, если выше поставлен вопрос о наличии у имени *напъ*, *напътъ* / *напъта* признаков отглагольного существительного, то отсюда вытекает необходимость наличия исходного глагола. Далее, сказанное надо понимать как свидетельство о незаимствованном происхождении данного слова.

Этимологизация этого церковнославянского слова имеет уже более чем столетнюю историю, если начать с чисто умозрительного, не обязательного ни в формальном, ни в семантическом плане толкования А. Фика [31], который объясняет *напъ* из **на-апъ*, где *на-* — приставка, а корень *-апъ* сближается с др.-инд. *apa-* 'достижение, обретение' (точнее — *āpa-* 'дело, действо, священнодействие' [32]). Еще более случайна этимология, сближающая слово *напъ* с названием народа Ναπαῖοι [33].

Очевидной слабостью приведенных этимологий является невозможность объяснить с их помощью наиболее полный вариант *напътъ*, *напъта*. Этот недостаток объединяет их с третьей эти-

---

[29] Ср. Фасмер III, стр. 42; см. еще V. Pisani [Рец. на кн.:] M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. 12—14. Lief. «Paideia» X, N 4, 1955, стр. 261 (толкует *напъ*, вернее — *напьда* 'наемный солдат' из 'наемная плата', этимологически: приставка *на-* + **pidā*, где **pi-* якобы древняя приставка 'на-', а корень — к и.-е. **dō-* 'давать'). — Отсутствие слова *напъ*, *напъта* в «Истории военной лексики в русском языке XI—XVII вв.» Ф. П. Сороколетова (Л., 1970), таким образом, вполне оправдано.

[30] К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 189.

[31] A. Fick. Etymologische Beiträge. KZ XIX, 1870, стр. 260.

[32] Mayrhofer I, стр. 75.

[33] Срезневский II, стб. 314.

мологией, самой популярной до недавнего времени. Мы имеем в виду объяснение И. Ю. Микколы, который увидел в цслав. *напъ* заимствование из древневерхненемецкого *knappo* (=современное нем. *Knappe*) [34]. Автор этой этимологии объяснял разность начала слова нем. *kn-* при слав. *n-* субституцией, или заменой немецкого сочетания *chn-* (Миккола останавливается на варианте *chnappo* немецкого слова) славянским *n-*; форму *напъты* он производит от соответствующего древневерхненемецкого образования с элементом *-t-*, не указывая конкретно, — какого именно. Древневерхненемецкое *knappo* обозначало юношу, который готовится стать рыцарем, пажа, оруженосца [35]; это значение отражено и в нем. *Knappe* 'паж, оруженосец'. Военный, рыцарский термин плохо подходит как прототип для названия поденного рабочего. Древневерхненемецкое производное с суффиксом *-t-* от *knappo* пока что нам неизвестно, а следовательно, объяснить форму *напътъ* / *напъта* средствами немецкого словообразования не представляется возможным. Субституция *kn-* > *n-* на славянской почве крайне сомнительна (в другом месте мы уже показывали устойчивость звукосочетания *kn* в славянском), и апелляция к варианту *chn-* в начале немецкого слова тоже не спасает эту этимологию. Как видим, данное толкование всесторонне уязвимо и ненадежно, и хотя А. Вайян не так давно высказался в его поддержку [36], оно, вероятно, должно быть оставлено. В довершение сошлемся на старопольское слово *knap* 'ткач, суконщик', заимствованное из средневерхненемецкого *knappe* довольно рано (известно с XV в.[37]) и, как видим, отлично сохранившее начальное *kn-* немецкого слова.

Критика перечисленных этимологий и доэтимологические постулаты об отглагольности и незаимствованном происхождении слова *напъ*, *напътъ* / *напъта* (см. филологический анализ, выше) толкают нас на поиски иной этимологии. Попытки интуитивного толкования от какого-либо «подходящего» глагола имели место и ранее. Так, П. О. Потапов производил *напътъ* / *напъта* из «Жития Нифонта» от сербохорв. *нàпатити* 'приобретать, наживать, зарабатывать' [38]. Сербохорватский глагол совершенного вида *нàпатити* 'измучить', 'приобрести, нажить, заработать, стя-

---

[34] J. J. Mikkola. Zur slavischen Wortkunde. «Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 359; J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik. I. Teil. Lautlehre, Vokalismus, Betonung. Heidelberg, 1913, стр. 11. Против см. Фасмер III, стр. 42.

[35] O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch. 2. Aufl. Halle a. S., 1872—1882, стр. 501 (производного с суфф. *-t-* словарь не дает).

[36] A. Vaillant. Vieux-slave napŭ «serviteur à gages». «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор» 25. Београд, 1959, стр. 256—257.

[37] Sławski II, стр. 284. — Включение рыцарского, сословного термина в состав терминологии развитой цеховой ремесленной организации в данном случае понятно и оправдано, и состоялось оно еще на немецкой почве.

[38] Цит. по: К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 189.

жать' [39] образован от бесприставочного *пàтити* 'страдать, мучиться', также 'разводить, умножать, размножать' [40]. Близкое слово может быть указано еще в болг. *пáтя* 'испытывать, переносить, терпеть' [41]. Названные сербохорватское и болгарское слова являются очевидными романскими заимствованиями из лат. *patior*, *pati*, народнолат., ит. *patire* 'терпеть, страдать' [42]. Как видим, сербохорватское *-а-* корневое представляет собой здесь этимологически полный гласный, что абсолютно противоречит увязке сербохорв. *патити*, *напатити* с русск.-цслав. *напътъ*, *напъта*, не говоря о других возражениях (позднее, местное заимствованное происхождение болгарского и сербохорватского глаголов, существенное семантическое различие между этими «глаголами страдания» и обозначениями наемной платы, наемного рабочего).

Тем не менее, глагол, послуживший словопроизводящей базой для *напъ*, *напътъ*, существует, и он относится к исконнославянскому фонду лексики. Мы имеем в виду чешское диалектное слово *naptat'* 'нанять на работу' [43], *naptať* 'нанять рабочих' [44].

Семантические отношения русско-церковнославянского *напътъ* / *напъта* 'наемный рабочий', 'наемная плата' и чешского диалектного *naptat'* 'нанять на работу', 'нанять рабочих' не нуждаются в комментариях. Чешское диалектное слово образовано с приставкой *na-* от чеш. *ptáti* 'спрашивать, просить'. Несколько слов об этой исходной форме, поскольку знание ее особенностей помогает внести ясность в главный вопрос настоящей заметки. Чеш. *ptáti* (*se*) продолжает праслав. **pъtati*, родственное прежде всего праслав. **pytati*. Отношения между ними весьма контрастны в плане лингвистической географии, причем **pъtati* сохранилось только в чешском языке, а **pytati* представлено во всех остальных славянских: польск. *pytać*, русск. *пытать*, слвц. *pytat'* (диалектно **pytati* есть и в чешском). Чеш. *ptáti* так относится к **pytati* прочих славянских языков в количестве своего корневого гласного, как чешское же *psáti* 'писать' к общеславянскому **pisati*. Вероятно, *ptáti*, *psáti* обобщили вокализм старых претеритальных форм **pŭtas*, **pĭsas*, как это имело место в инфинитиве **bьrati* 'брать', правда, в последнем случае явление охватило все славянские языки, а формы *ptáti*, *psáti* носят выразительно чешский характер. Так или иначе, **pъta* (прошедшее время) — **pytati* (инфинитив на *-ati* с продлением корневого гласного) — **pъtati* (инфинитив, не содержащий упомянутого продления), при всей

[39] RJA D.VII, стр. 482.
[40] Указ. словарь. D.IX, стр. 701.
[41] БТР, стр. 542.
[42] Младенов, стр. 415.
[43] A. Kašík. Popis a rozbor nářečí středobečevského (=«Rozpravy České Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění». Třída III, ročn. IX, číslo 26). Praha, 1908, стр. 94.
[44] F. Svěrák. Karlovické nářečí. Brno, 1941, стр. 126.

локальности следов вокализма *_ръtati_, отражают старые апофонические отношения еще праславянского времени. Хотя существует мнение об общеславянском характере связи форм *_ръtǫ_ — *_pytajǫ_ (итератив с удлинением _ъ_ > _у_)[45], мы не можем игнорировать того, что свидетельства о *_ръtati_ есть только в чешском, почему и говорим здесь о праславянском диалектизме. Только чешскими являются и отмеченные в современных диалектах следы приставочного глагола *_napъtati_ (см. выше чеш. диал. _naptat'_). Исключительно на чешской языковой почве могло возникнуть и производное отглагольное имя *_napъtъ_, *_napъta_, содержащее все ту же отмеченную краткость гласного в корне.

Свидетельства географии слов и корневого чередования гласных (только чешская ступень краткости в *_ръtati_, *_napъtati_, *_napъtъ_) позволяют считать слово _напъ_, _напътъ_ / _напъта_ в русско-церковнославянских текстах еще одним весьма достоверным чехоморавизмом лексики церковнославянской письменности. Неустойчивость написания, наличие ряда вариантов (о чем см. выше), наличие явной порчи в _напъ_, усеченном из _напътъ_, делаются понятными, если взглянуть на это слово как на иноязычное и неясное для древнерусских книжников и переписчиков.

50. Праслав. диал. *brusna

В древнерусском памятнике «Степенная книга» встречается неясное слово в форме множественного числа _брȣсны_ 'какая-то часть тела или лица?', отмечаемое И. И. Срезневским вслед за А. Х. Востоковым на основании единственной цитаты: Плеща же и груди отъ стрѣльнаго ударения и отъ сабельнаго и брусны его бяху сини яко и сукно[46].

Изолированность слова как среди известной русской лексики, так и в целом в словаре славянских языков давала простор для реконструкции и этимологизации, одновременно существенно затрудняя и ту и другую. Исходя из естественного допущения, что русское слово, по-видимому, проделало большой путь видоизменения и развития, начиная от праславянской формы, Э. Бернекер восстанавливал для др.-русск. _брȣсны_ праславянскую форму с носовым гласным в корне и редуцированным в суффиксе *_brǫsъna_[47]. Повторяя эту реконструкцию вслед за О. Видеманом, он приводит, вслед за последним, и семантическую реконструкцию 'верхняя часть руки, плечо'. Бернекер не скрывал своих сомнений насчет правильности этой реконструкции и этимологии Видемана (последняя состояла в отнесении славянского слова к и.-е. *_bhrenk̂_- 'крепко обхватывать', ср. греч. φράσσω 'окружаю, заключаю').

---

[45] Machek[2], стр. 496.

[46] Срезневский I, стб. 181; см. также Miklosich LP, стр. 45.

[47] Berneker I, стр. 88.

Скепсис Бернекера кажется вполне оправданным, даже если бы мы не могли предложить для этимологизируемого слова никакого более убедительного толкования. Достаточно обратить внимание на то, что здесь приходится иметь дело в сущности с двойной реконструкцией — и внешней формы слова и его значения. И то и другое необходимо, но тогда любой неверный ход толкования оказывается неверным вдвойне.

Предположим, что перед нами древнее слово, сохранившее, несмотря на свою древность, практически неизменным свой первоначальный вид. Если вспомнить изолированный характер слова *брѹсны*, подобное предположение не покажется странным. Короче говоря, предположим простейшую возможную реконструкцию: праслав. **brusna*. Идентичная праформа (и.-е. **bhrusnā*) восстанавливается для целого ряда слов в кельтских языках: кимрское *bronn* ж. р. 'грудь', бретонское *bronn*, *bron* то же, ср., с иным древним исходом основы, др.-ирл. *bruinne* (< **bhrusnįo-*) 'грудь' [48]. Названное этимологическое тождество праславянского диалектного слова **brusna* (после сказанного выше серьезных сомнений в его вероятном праславянском характере как будто не должно оставаться) и упомянутого кельтского названия груди, сводимое к исходному индоевропейскому **bhrusnā*, представляет собой заметную славяно-кельтскую изоглоссу, не упоминаемую в известной нам литературе. Славянское слово — архаизм лексики, с явным забвением значения (*'грудь'? 'часть груди'?), ср. плеонастическое в таком случае употребление рядом с ним в единственной известной нам древнерусской цитате (см. выше) слова *груди*. И.-е. **bhrusnā* членится, далее, на основу с расширителем **bhru-s-* и суффикс *-nā*, ср. родственное слав. **br'uxo* (русск. *брю́хо* и др.), содержащее корень с вокализмом в иной апофонической ступени (и.-е. **bhreu-s-*). Сближение слов *брѹсны* и **br'uxo* дал еще А. Брюкнер [49], одновременно приписывавший без достаточного основания древнерусскому слову *брѹсны* значение 'бедра, ляжки'. Еще менее убедительно предложенное им там же сближение *брѹсны* также с литовским *prusnà* 'морда (коровы, быка)', которое объясняется совершенно иначе, как специфически литовское образование.

51. Праслав. диал. **perestъjь*

Современное чешское слово *peřestý* 'пестрый' [50] имеет вполне отчетливую структуру прилагательного, производного с суффиксом *-est-* от *pero* 'перо', т. е. первоначально что-то вроде 'пернатый'. Этот состав слова *peřestý*, по-видимому, хорошо ощущается

---

[48] Pokorny I, стр. 170 (без славянского слова).
[49] A. Brückner. — «Slavia», ročn. 13, 1935, стр. 275.
[50] PSJČ IV, 1, стр. 211.

в современном чешском языковом сознании, о чем свидетельствуют составители цитированного нами большого толкового словаря чешского языка, где современное значение 'pestrý' выводится из 'peřitý, peřovitý'. Как будто по своим данным слово *peřestý* не нуждается в специальном этимологическом анализе ввиду очевидности своего состава и прозрачности словообразования. Сведения по истории слова в чешском у нас отсутствуют, в доступных нам диалектных материалах оно не встречается. По словам В. Махека, «слово *peřestý*, в конечном счете, — исключительно литературное слово в чешском языке» [51]. Усматривая в описанной своеобразной изолированности чешского слова (отсутствии соответствий в чешских народных говорах, в близкородственных языках) сигнал якобы имевшей место перестройки структуры, Махек толкует чеш. *peřestý* как контаминацию чешских слов *pelestý* 'пестрый, разноцветный' и *pestrý* 'пестрый', причем первое из них он относит к праслав. **pel-es-ъ*, а второе восходит к **pьstrъ* (ср. русск. *пестрый* и другие славянские родственные формы этого общеславянского слова); Махек приходит к выводу, что слово *peřestý* «получило значение 'пестрый' скорее в домыслах писателей». Пока в нашем распоряжении остается такое же ограниченное количество фактов, какое было в данном случае у Махека, мы не можем не считаться с предложенным им объяснением, хотя нас может не удовлетворять заведомая сложность самого объяснения (контаминация двух разных слов); равным образом мы не можем отказать этимологу в праве подойти критически к так называемому языковому сознанию или чутью носителей языка, т. е. усомниться в словопроизводстве *peřestý* $<$ *pero*, как это и сделал Махек. С неменьшим основанием мы могли бы выдвинуть, пожалуй даже более логичную, этимологию чеш. *peřestý* как метатезы слова *pestrý* $<$ слав. **pьstrъ*, с последующим сближением с *pero* 'перо', достигнув этим путем включения более или менее изолированного слова в ряд продолжений общеславянской по своему распространению формы.

Однако в славянской лексике есть факты, оставшиеся неизвестными Махеку, которые корректируют вывод покойного чешского ученого о значении чеш. *peřestý* 'пестрый' как сложившемся якобы лишь в домыслах писателей и — главное — кладут конец сомнениям в древности формы чеш. *peřestý*. Мы имеем в виду блр. *пярэсты* 'пестрый', 'пегий, чубарый (о масти лошадей)' [52]. Нам неизвестно, было ли это белорусское слово предметом этимологизации в литературе и сравнивалось ли оно, в частности, с чеш. *peřestý*, тем более, если учесть очевидный характер связи, тождества формы и значения чеш. *peřestý* 'пестрый' и блр. *пярэсты*

---

[51] M a c h e k [2], стр. 445.

[52] «Белорусско-русский словарь». Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962, стр. 771; М. Б а й к о ў і С. Н е к р а ш э в і ч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 266.

'пестрый'. Это тождество тем более значительно в наших глазах, что названное белорусское слово одиноко в восточнославянском. Данное соответствие исключает мысль о контаминации или метатезе, приведшей к образованию какого-либо из этих двух слов или обоих сразу. Трудно предполагать тут также вторичное проникновение или заимствование из языка в язык. Мнение о совершенно независимом параллелизме образования чешского и белорусского слов было бы, как нам кажется, неубедительно ввиду оригинального развития значения 'пестрый' из 'пернатый', 'цвета перьев' (ибо примерно таково этимологическое значение данного слова, производного от названия пера). Единственно возможное заключение, к которому приводит сближение чеш. *peřestý* и блр. *пяр́эсты*, — это вероятность существования диалектного праславянского слова **perestъjь*.

52. Праслав. диал. **kъrmyslъ/*čьrmyslъ*

Слово, на котором базируется первый из двух приведенных выше вариантов праславянской реконструкции, распространено исключительно в восточнославянских языках и в первую очередь — в русском языке.

Русск. *коромы́сло* ср. р. 'деревянная дуга с выемками или крючками на концах для ношения ведер', (обл.) 'длинный и тонкий шест у колодца, употребляемый в качестве рычага при доставании воды', диал. *коромы́сло* 'стрекоза', 'палка, которой толкут в ступе белье'[53], *коромы́сло* 'коростель, дергач'[54], *коромысло* 'кормовая веревка'[55], *коромы́сло* 'пара ведер воды'[56], 'детская игра (в ножички)'[57]; *коромы́сел*, род. п. *-сла*, м. р. 'коромысло' (новг., твер.), 'стрекоза, насекомое' (нижег.)[58], *коромысл* 'коромысел', 'плечная кость'[59], *коромы́с* 'созвездие Большой Медведицы' (Буирск. у.)[60], *коромысел*, род. п. *-сла*, м. р. 'коромысло'[61], *коромы́с*, *коромы́сел* 'коромысло'[62], сюда же уменьшительное производное *коромы́сик* 'стрекоза' (сарат.)[63].

---

[53] Куликовский, стр. 41.

[54] Н. Кедров. Материалы лексикографические по новгородским говорам. Слова ладожские. — ЖСт VIII, 1898, стр. 402.

[55] «Труды Московской диалектологической комиссии» (Новосильский у. Тульской губернии). — РФВ LIX, 1908, стр. 310.

[56] Сл. Сред. Урала II, стр. 50.

[57] Там же.

[58] Опыт, стр. 90.

[59] Добровольский, стр. 346.

[60] А. Мотовилов. Симбирская молвь. К материалам для изучения областных наречий русского языка. — Сб. ОРЯС XLIV, № 4, 1888, стр. 23.

[61] Говоры Прибалтики, стр. 129.

[62] Сл. Сред. Урала II, стр. 50.

[63] Картотека Словаря русских народных говоров. Институт русского языка АН СССР, Л.

Укр. *корóмисел*, род. п. *-сла*, м. р., и *корóмисло* ср. р. ‘коромысло’, ‘рычаг, которым приводятся в движение при звоне языки маленьких колоколов’, ‘детская игра: двое детей становятся друг к другу спиной, переплетаются руками и поочередно каждый нагибается вперед, отчего другой подымается на воздух’[64], диал. *корóмисел*, род. п. *-сла* ‘перекладина на возу, к которой прикрепляются постромки’, ‘коромысло’[65], сюда же *корóмыслы* мн. ‘часть ткацкого станка’[66], *корóмысло*, *корóмисло* ср. р., *корóмыс’ол*, *корóмысел* м. р., *корóмыслы*, *корóмысли*, *корóмисли* мн. ‘короткая палка, которая в упряжке «на орчик» привязывается к «ручке», а в дышловой упряжке — к «стельваге»; прочная жердь, укрепленная в передке телеги’[67].

Блр. *карóмысел* м. р. ‘коромысло’, диал. *карóмісла* ср. р. то же[68].

Др.-русск. *коромыслъ* (Тежъ вѣсъ мѣдовы (дѣдовы), соляныи, музолки, коромыслъ, тымъ его милость Смолнянъ жаловалъ. Жалованная подтвердительная грамота смоленскому владыке Иосифу 1505 г.[69], коромыслъ дубовый на крюках железных (1647 г.)[70], *коромыселъ* (. . . на*д* меха*ми* коромысе*л* деревяно*и* виси*т* на крюку желѣзно*м*. . . 1657—1663 гг. Куплено др͠вни Бо*р*цова у кр͠стьянина Дениска Му*р*нака восмьна*т*ца*т* коромысе*л* вѣдръ дано за коромысел по по*л* восмы д͠нги итого два*т*цать два а*л*тына по*л*торы д͠нги. Книга Иверского монастыря. 1665 г. . . . а въ тѣхъ важняхъ двои терези, карамыслы желѣзные и доски окованы желѣзомъ, да старой корамыселъ желѣзной. . . Псковские акты. 1699 г.)[71], *коромысло* (коромысло желѣзное отъ вѣсковъ . . . 1709; . . . 2 ска*л*ки да коромысло деревя*н*ные. . . 1710 г.)[72], сюда же производное *карамысцы* мн. (. . . серги жъ серебреные карамысцы съ зерны жъ. Рядная на замужество, 1695 г.)[73].

Польское диалектное слово *koromysło*, известное только на востоке польской языковой территории, заимствовано из восточнославянских языков, как полагает Брюкнер, из украинского[74]. Прочим славянским языкам слово неизвестно. Однако существует одно бесспорно родственное слово, остававшееся до последнего

---

64 Гринченко II, стр. 287.

65 П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 36.

66 Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 222.

67 Л. И. Масленникова. Из полесской терминологии транспорта. «Лексика Полесья», стр. 173.

68 Г. Юрчанка. Дыялектны слоўнік (з гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966, стр. 109.

69 Срезневский I, стб. 1291.

70 Картотека МДРС.

71 Там же.

72 Там же.

73 Там же.

74 Brückner, стр. 257.

времени как будто неизвестным для славистов-этимологов. Это кашубское plurale tantum *čårmëslë* 'деревянные коромысла, которые кладут на плечи для переноски ведер и корзин'[75]. Кашубско-словинские говоры — типичные окраинные диалекты, которые уже не раз открывали и, видимо, еще будут открывать в дальнейшем взору внимательного исследователя архаические черты фонетики, морфологии, словообразования и лексического состава славянских языков. К числу таких архаизмов может быть отнесено и слово *čårmëslë*, соответствий которому ни в соседнем польском, ни в других дальних и близких славянских языках мы пока не знаем. Реконструируя на этом основании праславянское **čьrmysly* мн. ч., а отсюда — совершенно регулярное **čьrmyslъ* м. р. (см. второй вариант праславянской реконструкции в заглавии настоящей заметки), мы не можем не обратить внимания на разительную близость этой формы и восточнославянского названия коромысла. С первого взгляда ясно, что мы имеем здесь дело не со случайным сходством, а с фактом близкого родства. Собственно, если говорить о сходстве, то необходимо указать и на своеобразные отличия, которые обнаруживаются между нашими словами и которые, как увидим ниже, могут быть в своей сущности сведены к историческому тождеству. Сближать оба слова, очевидно, следует на приблизительно одинаковом временно́м уровне, для чего необходимо получить праславянскую реконструкцию также для русск. *коромысло* / *коромысел* и др. (см. перечень форм выше). Этот вопрос тесно связан с этимологией (или этимологиями) слова *коромысло*. Вся сложность заключается в том, что мы имеем дело с этимологически темным словом. Но «этимологически темный» еще не значит «заимствованный», и в этом косвенно убеждают нас неудачи попыток объяснить русск. *коромысло* как заимствование (из греч. κρεμαστήρ 'крюк для котла', лат. *cremasclum*, рум. *curmeziş* 'поперек'. . .[76]). Пожалуй, у нас во всяком случае не меньше оснований предположить здесь старое, исконнославянское слово. Но с какой древней формой? При недостатке как внешних, так и внутренних критериев нам остается выбирать между несколькими теоретически одинаково возможными реконструкциями: **kor(o)myslo*, **kolomyslo*[77], **kъrmyslo*. Но несомненное родство русск. *коромысло* и кашуб. *čårmëslë* все-таки позволяет предпринять некоторые ограничения выбора возможностей и, тем самым, остановиться на наиболее вероятной реконструкции. Прежде всего делается очевидной древность *-р-* (праслав. *-r-*) в составе русского слова и, соответственно, отпадает реконструкция **kolomyslo*. Остаются **kor(o)myslǫ* и **kъrmyslo*. Мы предпочитаем праформу **kъrmysl-* (о конечном гласном см. специально ниже), так как вариант **čьrmyslъ*, вос-

---

[75] Sychta I, стр. 149.

[76] См. обзор соответствующих объяснений: Фасмер II, стр. 334.

[77] Н. М. Шанский, В. В. Иванов. Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2. М., 1971, стр. 213.

становленный из кашубского слова, свидетельствует, по нашему мнению, именно в пользу реконструкции праслав. **kъrmysl-*, а не **kormysl-*. Хотя отношения типа **čьrm-* (**kĭrm-*): **korm-* возможны, их следовало бы ожидать в морфологически и словообразовательно оправданных обстоятельствах, тогда как здесь представлены тождественные словообразовательные модели, следовательно, здесь можно говорить только о фонетических вариантах типа **krъtъ* : **čьrtъ* [78], без четкой словообразовательно-морфологической функции. Таким образом, прав был Брюкнер, который, говоря о русск., укр. *коромысло*, *коромисло*, утверждал: «drugie *o* niepierwotne» [79]. Приходя после сказанного к дублетным **kъrmysl-* / **čьrmyslъ*, мы отмечаем определенную диспропорцию в морфологическом оформлении восстановленных вариантов. Не представляет, конечно, труда проецировать в праславянское состояние морфологический тип наиболее авторитетного сейчас русского варианта *коромысло* и предположить существование праславянского **kъrmyslo*. Но диалектология и история подсказывают другое решение вопроса. Укажем на хорошо известное колебание типов склонения *коромысло* ср. р. и *коромысел* м. р.[80] Правда, такая квалификация как «колебание» еще совершенно недостаточна для суждений о направлении развития. Подлинную услугу оказывают нам поэтому данные лингвистической географии, которые рисуют в общих чертах такую картину для территории русского языка: если брать в расчет относительно старую территорию, освоенную русскими в Европе, то форма *коромысло* ср. р. (и исторически тождественные ей вроде *коромысла* в южновеликорусских говорах) занимает в южновеликорусских говорах подобие неширокого коридора, вытянутого в направлении ЮЗ—СВ, с расширением в области средневеликорусских говоров (откуда форма *коромысло* ср. р. и попала в литературный язык) и с абсолютным господством в северновеликорусском наречии приблизительно к северу от линии Новгород—Боровичи—Ярославль—Солигалич. В то же время на значительных периферийных пространствах к западу и к югу от Новгорода, далее — на запад от линии Бежецк—Калинин—Мосальск—Жиздра—Брянск—Трубчевск с одной стороны от означенного выше «коридора» и к востоку и к юго-востоку от Костромы, Ярославля и Мценска, Орла, Курска — с другой стороны — господствуют формы типа *коро́мысел*, *коро́мысл* м. р.[81] Опыт исследований в плане лингвистической геогра-

[78] Об этимологическом тождестве этих двух слов, нередко объясняемых по-разному, говорит сходство их поведения и употребления, ср. сложения **krъtoryja* : **čьrtoryja*.

[79] Brückner, стр. 257. — В русской научной литературе такие случаи определяются как второе полногласие.

[80] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Единственное число. Л., 1927 (=Сб. ОРЯС, т. С, № 3), стр. 45.

[81] «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957, сводная карта № 13; остальные сведения почерпнуты

фии учит, что центр ареала как правило занимают новообразования, а архаизмы имеют тенденцию смещаться к периферии, где они и лучше сохраняются. Картину распределения форм *коромыс(е)л* ∾ *коромысло* нужно толковать совершенно однозначно, а именно: более древним является *коромыс(е)л* м. р., тогда как *коромысло* ср. р. — новообразование. К сожалению, лингвистическая география соседнего белорусского языка не представляет столь яркой картины распределения родственных форм. Восточная часть белорусской языковой территории является как бы продолжением западного русского периферийного ареала форм мужского рода: на территории к востоку от линии Полоцк—Минск—Мозырь абсолютно преобладают формы *карóмысел*, *карэ́мысел*, *карóмiсел*, *карэ́мiсел*, *карамы́сел* м. р., а к западу от этой линии — формы среднего рода *карóмысла*, *карэ́мысла*, *карóмiсла*, *карэ́мiсла*, *карамы́сла* [82]. Данными по географии украинских форм мы пока не располагаем. Известные нам древнерусские формы XVI—XVII веков согласно показывают мужской род (см. выше). Все это дает нам право восстановить праславянскую форму мужского рода **kъrmyslъ* и этим довершить словообразовательно-морфологическое тождество фонетических вариантов **kъrmyslъ* и **čьrmyslъ* (последний вариант, будучи, как сказано выше, классическим примером периферийного реликта, убедительно подтверждает наше лингвогеографическое наблюдение об относительной хронологии русск. *коромысло* / *коромысел* также в плане общеславянской лингвистической географии).

Итак, получив с немалой достоверностью праславянскую реконструкцию **kъrmyslъ*, а не **kъrmyslo*, мы можем заняться дальнейшим пересмотром морфологической и словообразовательной характеристики слова. Неоднократно высказывалось мнение о том, что русск. *коромысло* — производное с суффиксом *-сло*[83]. Суффикс *-сло* — древний формант отглагольных имен, достаточно привести образования с ним из «Материалов» И. И. Срезневского — *масло*, *весло*, *число*, *сусло*, *поврѣсло*, *увѧсло*, *съвѧсло*, *прѧсло* [84], — чтобы стало очевидно, что мы здесь имеем дело уже с праславянскими производными **maz-slo*, **vez-slo*, **čit-slo*, **sut-*

из неизданных томов Атласа: «Атлас русских народных говоров к западу от Москвы» [=т. V], карта № 358; «Атлас. . . к северу от Москвы», карты № 368, 369; «Атлас . . . . северо-западных областей», карта № 150; «Атлас. . . к югу от Москвы [=т. IX], карта № 257. Диалектные и исторические сведения см. еще: А. П. Семенова. Из склонения имен и местоимений по данным нижегородской письменности XVII века. «Статьи и исследования по русскому языку и языкознанию» (=«Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та имени В. И. Ленина», т. 450). М., 1971, стр. 178.

[82] Дыялекталагiчны атлас беларускай мовы. Пад рэд. Р. I. Аванесава, К. К. Крапiвы i Ю. Ф. Мацкевiч. Мiнск, 1963, карта № 249.

[83] Brückner, стр. 257; Н. М. Шанский. В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Указ.соч., стр. 213.

[84] Indeks a tergo do Materiałow do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Opracowały I. Dulewicz, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniak pod kierunkiem A. Obrębskiej-Jabłońskiej. Warszawa, 1968, стр. 217.

slo, **poverz-slo*, **uvęz-slo*, **sъvęz-slo*, **pręd-slo*. Ясна и связь этих производных с соответствующими глаголами. Если мы, далее, заинтересуемся древнерусскими именами с исходом *-слъ*, то обнаружим только *-мыслъ* и сложения с ним (*замыслъ*, *премыслъ*, *розмыслъ*, *примыслъ*, *домыслъ*, *зъломыслъ*, *промыслъ*, *умыслъ*, *съмыслъ* и т. п.[85]), объясняемые особо, с которыми древнерусское *коромыслъ*, стоящее рядом в обратном словаре, не имеет, конечно, ничего общего, а также обнаружим знаменательное полное отсутствие парных образований на *-сло* и *-слъ*. Бесспорная первичность дублета *коромыслъ* и — наоборот — праславянская древность форманта *-slo* говорят о том, что перед нами разные образования с различными формантами. К тому же, нельзя назвать сколько-нибудь убедительно глагол, от которого могло бы быть образовано слово *коромысл* / *коромысло*, праслав. **kъrmyslъ*, поэтому приходится отвергнуть мысль о наличии здесь суффикса *-slo*, который предполагает отглагольность.

Всесторонне обосновав реконструкцию праформы **kъrmyslъ* / **čьrmyslъ*, мы, однако, еще не решили вопроса о ее происхождении. Этот главный вопрос этимологии каждого слова в данном случае до конца сохраняет некоторую проблематичность, хотя критическое рассмотрение примера с названием коромысла кажется весьма поучительным случаем «трудной» этимологии и поэтому излагается нами подробно. Слово такой длины как **kъrmyslъ* может быть суффиксальным производным или двукорневым сложением. Совершенно очевидно наличие здесь древнего звукосочетания **tъrt* / **tьrt*. Это само собой разумеющееся утверждение открывает, как кажется, перед нами дополнительные эвристические возможности. Необходимо решить вопрос о морфемном составе; следует ли членить слово как **kъr-myslъ* или как **kъrm-yslъ*? Сочетания согласных с плавным типа *tьrt*, *tъrt* обнаруживают в славянском ту особенность, что они всегда состоят из одной основы (в широком смысле слова, поскольку согласный, следующий за плавным, может быть суффиксом). Случаи членения *tъr-t. . .* нуждаются в особом объяснении и, насколько нам известно, не отражают древнего состояния, например русск. *кур-носый*, польск. *kur-dupel* 'карапуз', в которых состоялось стяжение, гаплология первоначальных **kъrno-nosъ*, **kъrno-dup-*. Одноосновность сочетаний *tьrt*, *tъrt* закономерна, в ней прекрасно проявляется апофоническая природа этих сочетаний. Следовательно, единственно возможный морфемный состав нашего слова: **kъrm-yslъ*. Вторая морфема представляет собой суффиксальную группу *-ys-l-*. Основу слова верно проэтимологизировал уже Брюкнер, связав ее с русск. *кормá*, праслав. **kъrma*[86], во всяком случае предложить более удовлетворительное толкование было бы трудно. Его ошибочное выделение в слове

---

[85] Indeks a tergo. . ., стр. 255.
[86] Brückner, стр. 257.

коромысло суффикса *-сло*, неприемлемое по изложенным нами выше причинам и не объясняющее всех особенностей слова *,котором-ы-сло*, мы отвергаем. Но имеющееся у Брюкнера там же сближение также с украинским словом *кормúга* ж. р. ʻиго, ярмо, властьʼ[87] представляет для нас интерес и кажется ценным, поскольку **kъrmyslъ* может быть развитием некоего суффиксального **kъrm-ys-* (ср. блр. диал. *храслы́* мн., *красёл* м. р. ʻгриб груздьʼ < **xręs-l-*), которое могло дать и **kъrm-yx-a* (с переходом *s* > *x*) наряду с суффиксальным вариантом **kъrm-yg-a*. Предвидя скептическую реакцию на сближение двух как будто далеких семантических слов *корма*[88] и *коромысло*, напомним одно не совсем обычное значение слова *коромысло*, записанное в начале века в Новосильском уезде Тульской губернии для «Трудов Московской диалектологической комиссии» (см. обзор в начале заметки): ʻкормовая веревкаʼ.

Уже после того как была написана эта статья, автор ознакомился с работой Ф. Хинце «Die Namen Scharmützel, Schermützel, Zermützel, Schermeisel und ihre Deutung. Zugleich ein Beitrag zur Etymologie von ostslav. *коромысло* ʻWassertrageʼ (ZfS XVII, 1972, стр. 19 и сл.). Ф. Хинце, опираясь на более раннюю статью Г. Поповской-Таборской «Kaszubskie čerep, čᵉrmëslë polską wersją czerepa i koromyseł» («Slavia Orientalis» 18, 1968, стр. 369—370), также неизвестную нам прежде, связывает русское слово с реликтовым прибалтийскословинским *čårmëslë*, встреченным в словаре Сыхты. Немецкий ученый, правда, реконструирует праславянские варианты **kormyslo* и **čьrmyslo*, тогда как мы пришли на основании изложенных выше доводов к другой концепции вокализма корня и конца основы этого слова, почему представилось целесообразным сохранить наш этюд в полном объеме.

---

[87] Гринченко II, стр. 285.

[88] Необходимо, разумеется, считаться и с эволюцией реалии, обозначаемой словом *корма* и первоначально, по-видимому, весьма примитивной.

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. II*

(**slęnǫti, *ratiti, *ridati, *ǫlajь, *prilyka* и **lykadlo, *zakъlo* и **nakъlo, *zaǫkъ, *zarotъ, *děd (ъk)ъ, *koporul'a*)

**slęnǫti*

В Жалованной грамоте Тверского великого князя Михаила Борисовича Кириллову монастырю от 1 янв. 1486 г. употреблена глагольная форма *заслянетъ*: . . .въ нашой отчинѣ въ Великомъ Княженiѣ, в Тверьской землѣ, и вы мои мытники и таможники и заказщики и всѣ пошлинники не имали бы есте съ игуменова купчины, и съ его людей. . . ни мыта, ни тамги. . . ни побережного, ни съзорного, ни явленого, ни ѣзового, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ; а *заслянетъ* ихъ судно манастырьское усть Дубны, и они выкладываются изъ того судна въ три подвозки, и мои мытники и таможники и заказщики и всѣ пошлинники потому жъ на игуменовѣ купчинѣ. и на его людехъ и на его наимитѣхъ, и с тѣхъ с трехъ подвозковъ, въ которые выкладутся изъ паузка, мыта и тамги, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ не емлютъ. . .[1] Судя по контексту, речь идет об освобождении судна и подвозков Кириллова монастыря от пошлин, в том числе — от побережного, т. е. от пошлины за привал судов к берегу[2]. В грамоте указано число подвозков, в которые перегружались товары с судна (три), следовательно, перегрузка была обычной, регулярной процедурой (а не следствием, например, того, что судно случайно сядет на мель). В таком случае, значение глагола *заслянетъ* может быть истолковано как 'достигнет, пристанет'. Данной форме настоящего времени должен соответствовать инфинитив *заслянуть* (как и реконструировал его, без определения значения, Срезневский [3]).

Судя по данным картотек словарей древнерусского языка (Картотека ДРС и Картотека МДРС в Институте русского языка АН СССР), этот глагол не зафиксирован в других письменных памятниках. Кажется, не отмечен он и в говорах. Однако, если это не описка или искажение какого-то другого слова, глагол *заслянуть* заслуживает внимания: предполагаемое значение 'достигнуть, пристать' позволяет связать его со слав. **sloniti* 'при-

* Первую статью этой серии см. «Этимология. 1971», М., 1973.

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии Наук, т. I. СПб., 1836, стр. 88 (№ 116).

[2] Срезневский II, стб. 984—985 (*побережьныи*).

[3] Срезневский I, стб. 946 (*заслѧнѫти*).

слонять, опирать' — ср., например, возможность обозначения производным от *sloniti побережья реки: арханг. *прислóн* 'окраина лесистой близ реки возвышенности. . .; гористое прибрежье у реки'[4].

Признание глагола *заслянуть* родственным *sloniti и реконструкция на его основе праслав. *slęnǫti связаны с вопросом о возможности и форме *-nǫ*-основ для глагольных корней с конечным носовым (*m* или *n*). Кажется, можно привести лишь два случая подобных образований, причем существенно отличающихся друг от друга по их диахронической значимости. Во-первых, это *-nǫ*-основа, родственная *dǫti, *dъmǫ: др.-русск. *въздынути* 'поднять'[5] и чеш. диал. валаш. *zdymnut'* 'украсть, убежать'[6]. Корневой вокализм этих образований обнаруживает их производность от итератива *-dymati (др.-русск. *воздымати* 'поднимать'[7], чеш. *dýmati*), так что *-nǫ*-основы здесь поздние, возникшие, вероятно, в истории отдельных славянских языков. Второй случай — это слав. *potęnǫti (ст.-слав. ПОМѦНѪТИ, с.-хорв. *помéнути*, ст.-чеш. *potanúti*, русск. *помянуть*), родственное *тьnětі. Эта *nǫ*-основа, во всяком случае, восходит к праславянскому языку. Однако, опираясь на сравнение с родственным лит. *atmiñti*, *àtmenu*, Махек высказал предположение о том, что праслав. *potęnǫti возникло в результате преобразования более древнего корневого инфинитива *potęti (с основой настоящего времени *potenǫ*): по аналогии с типом *stati, *stanǫ, к *potęti была образована вторичная основа настоящего времени *potęnǫ, а затем к последней — инфинитив *potęnǫti [8]. В обоснование этой гипотезы Махек привел форму настоящего времени чеш. *zapomenu*, которая косвенно свидетельствует о возможности соответствующего корневого инфинитива. Вероятно, Махек прав. Как подтверждение его предположения может быть истолковано и чеш. диал. *opomječ'* 'забыть' [9]: < *ob-po-męti.

Для слав. *sloniti, *slęnǫti нет таких точных (как для *тьnětі, *potęnǫti) соответствий в других языках: из предложенных сопоставлений слав. *sloniti ближе всего структурно к лтш. *slenêt* 'бить', *slànît* 'набрасывать, накладывать (слоями), бить', семантически — к др.-инд. *çráyati* 'прислоняет, накладывает', лит. *šliẽti* 'наклонять, прислонять', греч. κλΐνω 'прислоняю, склоняю', лат. *clīnō* 'наклонять, гнуть', др.-сакс. *hlinôn* 'прислонять, опираться' [10]. Реконструкция *slęnǫti со значением 'достигнуть, при-

---

[4] Подвысоцкий, стр. 139.

[5] Срезневский I, стб. 355.

[6] Machek [2], стр. 124.

[7] Срезневский I, стб. 282.

[8] Machek [2], стр. 370. Предполагаемое Махеком для *potęti развитие частично наблюдается в истории *klęti в русском языке: ср. др.-русск. *кляти*, *кльну* и совр. *клясть*, *кляну*.

[9] A. Lamprecht. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963, стр. 91. Ср. относительно отражения *ę в этом говоре *mjeky* 'мягкий' (там же, стр. 76).

[10] Фасмер III, стр. 675.

стать’ отчетливо характеризует *sloniti как соответствующий каузатив: ‘прислонить’=‘расположить что-либо так, чтобы оно касалось чего-то, опиралось на что-то, пристало к чему-то’. В таком случае слав. *sloniti, *slęnǫti и семантически логично сближается с лтш. slenêt ‘бить’, slànît ‘накладывать, бить’: значение ‘достигнуть, пристать (к берегу)’ может быть согласовано с ‘бить’ — ср. русск. *прибиться* к берегу, к стае, к дому. Лтш. slenêt восходит к старой -ē-основе, которая параллельна славянской -nǫ-основе в *slęnǫti, как слав. *тьпěti и *pomęnǫti. Таким образом, в отличие от *pomęnǫti, нет прямых оснований считать, что *slęnǫti является результатом преобразования морфологически более простой (корневой) основы.

Интересно отметить, что А. Вайян в сущности предугадал наличие глагола типа рассмотренного др.-русск. *заслянуть*: в своей Сравнительной грамматике Вайян высказал предположение, что слав. *sloniti (как и *kloniti) является фактитивом от основы настоящего времени на -ne-, только корень реконструируется им в форме *slь-, как тождественный лит. šlieti [11]. Вокализм др.-русск. *заслянуть* в сопоставлении со *sloniti убедительно свидетельствует об исходной форме корня *slen-, которая хорошо объясняет форму *slon- в каузативе и при оценке родственных глаголов за пределами славянских языков заставляет отдать предпочтение как наиболее близким лтш. slenêt, slànît.

*ratiti

В резьянских говорах Бодуэном де Куртенэ был отмечен глагол *srańati*, записанный им в следующем контексте: Jisá Učjá nú tə (ánu te) B$_i$íle Pötők, ní sə *sráńata* u̯kóp — Diese Uccea und der Rio Bianco (Weiße Bach), sie laufen zusammen [12]. Близкая форма *-ratati-* зафиксирована в черновершском диалекте: nȩ̏č mi ni *rātḁl* — nič se mi ne posrečilo; šunica pȁr̥ nḁs nḁ *râtḁ* — ne uspeva [13]. Эти записи определяют значение глагола *srańati*, *ratati* как ‘встречать(ся), попадаться’, что связывает его со слав. *-rěsti*, *-rętjǫ*. Форма словен. *sraćamo* и была включена Ф. Миклошичем в статью слав. *rět-*, но автор, судя по размещению материала и отсутствию комментариев о форме корня, счел ее вариантом литературного *srečati* [14]. Между тем, формы *sráńata*, *sraćamo* (с сохранением графики записей) и *rātḁl* позволяют ре-

[11] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. III, p. 2. Paris, 1966, стр. 425—426.

[12] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии I. Резьянские тексты, собрал в 1872, 1873 и 1877 гг. СПб., 1895, стр. 344.

[13] J. Tominec. Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964, стр. 190.

[14] См. Miklosich, стр. 278.

конструировать в качестве исходной глагольную основу на *-i-* — **ratiti*, производными от которой могут равно и *sráħati* (<**sъratjati*, ср. наличие такой же йотации в *-a*-основах, производных от *-i*-основ: **goniti* — **gan'ati*, **kaziti* — **-kažati*) и *ratati* (ср. отсутствие йотации в случаях **lomiti* — **lamati*, **točiti* — **takati*).

Эта *-i*-основа **ratiti* представляет интерес с точки зрения основообразования и группировки славянских глаголов. Слав. **-rěsti*, **-rętjǫ* входит в очень малочисленную группу славянских глаголов I класса, характеризующихся носовым инфиксом в основе настоящего времени. Помимо **-rěsti*, **-rętjǫ*, сюда относятся **sěsti*, **sędǫ* и **legti*, **lęgǫ*, причем все эти глаголы обозначают начало состояния (в группу инфиксальных глаголов входит также **bǫdǫ*, **byti*) [15]. Структурное сходство основ **sěsti* и **legti* распространяется и на образование соответствующих *-i*-основ, имеющих в обоих случаях корневой вокализм в ступени **o* и каузативное значение: **saditi* и **ložiti* (в корне с исходным долгим гласным ступень **o* закономерно выступает в виде **ō* > *a* — **saditi*).

Глагол **-rěsti* в этом отношении до сих пор стоял как будто особняком, поскольку для него вообще не отмечалось соответствующей *-i*-основы. Реконструкция **ratiti* на основании словен. диал. *ratati* и *sraħati* дополняет гнездо **-rěsti* этой *-i*-основой и завершает картину структурного единства славянских глаголов с инфигированной основой настоящего времени, поскольку структурному сходству корневых основ **sěsti* и **rěsti* с вокализмом **ē* соответствует сходство *-i-* основ **saditi* и **ratiti* с корневым апофоническим **ō*. Различия внутри группы **sěsti*, **legti* и **-rěsti* обнаруживаются лишь в семантике *-i*-основ: если **saditi* и **ložiti* являются каузативами, то **ratiti* имело, вероятно, исконно итеративное значение, достаточно стершееся уже в сохранившихся производных словенских *-a*-основах.

**ridati*

В предшествующем томе «Этимологии» Т. В. Горячева предложила этимологическое истолкование русск. диал. арханг. *спорыдать* 'вставать (о солнце)' [16]. Этот интересный севернорусский глагол зафиксирован и Опытом областного великорусского словаря, и Далем, но до сих пор не был предметом этимологического анализа. Опираясь на семантическую типологию описаний восхода солнца и утренней зари, Горячева объяснила *спорыдать* как итеративную основу, производную от *рдеть* (<**rъděti*), с первоначальным значением 'краснеть, окрашиваться в красный цвет'.

---

[15] См. П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, стр. 140, а также Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, стр. 53.

[16] Т. В. Горячева. К этимологии русского диалектного *спорыдать*. «Этимология. 1971». М., 1973.

В таком случае сочетание *солнце спорыдает* ('встает')[17] оказывается возможным лишь при забвении словообразовательных связей и этимологического значения глагола

В ином свете предстает русск. *спорыдать* на фоне некоторых, хотя и очень немногочисленных, данных других славянских языков. В своем «Этимологическом словаре чешского и словацкого языка» В. Махек привел слвц. *rydat'sa*: nože *sa* už *rydaj*! 'ну же, убирайся!', *zridat' sa* 'отправиться, подняться'[18]. С этим глаголом и может быть сближено русск. *спорыдать* с его значением 'вставать'. В отношении солнца употребление глагола движения вполне оправдано. Что касается сочетания *заря спорыдается*[19], то и оно не является единственным случаем описания зари через глагол движения: ср. *Встает заря* во мгле холодной (Пушкин).

Одно из предложенных Махеком объяснений слвц. *rydat'sa* — истолкование его как принадлежащего к гнезду и.-е. **reidh-* с исходным значением 'двигаться', при условии первичности в славянском глаголе корневого *i*. Представляется, что наличие русск. *спорыдать* и его территориальная и языковая отдаленность от слвц. *rydat' sa* делают реконструкцию слав. **rydati* < **ridati* < и.-е. **reidh-* более вероятной, чем это казалось Махеку[20]. Как продолжение этого глагола в польском языке может рассматриваться несколько отличное по значению диал. *redać* 'идти вброд, бродить, топтать'[21].

Таким образом, славянские языки сохранили индоевропейский корень **reidh-* не только в интенсиве с суффиксом *-st-* — **ristati*, но и в нерасширенном виде — **ridati*. Причем этой более архаичной форме соответствует и более древнее значение: для **ridati* можно реконструировать значение 'двигаться', тогда как **ristati* значило 'ездить верхом'.

**ǫlajь*

В серпуховских говорах в начале этого века было зафиксировано слово *ула́й* 'обрывистый овраг'[22]. Кажется, оно не отмечено ни для других русских диалектов, ни для других славянских языков. Однако этимологическая ориентация этого слова представляется достаточно определенной: оно может быть включено

---

[17] Даль² IV, стр. 297.

[18] Machek¹, стр. 430. Ср. и *ridat'sa* 'двигаться': SSJ III, стр. 742.

[19] См. Т. В. Горячева: Указ. соч. (приведены *заря спорыдается* в тексте причитания из собрания Е. Барсова и *спорыданье зари* из его же Северно-русского словаря).

[20] Ср. иное толкование слвц. *rydat'sa* (из рум. *a ridica*): Machek¹, стр. 417 (*redikat'sa*). Во втором издании словаря Махека в статье *redikat'sa* нет упоминания о слвц. *rydat'sa*.

[21] Варшавский словарь V, стр. 493.

[22] Труды Московской Диалектологической комиссии. Свод материалов, собранных комиссией. — РФВ LIX, N 1—2, 1908, стр. 306.

в группу именных производных от глаголов с корнем **lei-* 'лить'. Семантически *улáй* 'обрывистый овраг' хорошо согласуется с такими именами этого гнезда, как русск. диал. новг. *лойна* 'лог, долинка или овраг с ровным дном; травная балка'[23], *полóй* 'заливное, поемное место, берег, луга; мелкие впадины, куда полая вода заливается. . . '[24], моск. *залóй* 'полой, поем, пойма'[25], яросл. *залóбина* 'низкое место, неглубокий ручей' и *залóвина* 'залив'[26], др.-русск. *разлои* 'долина'[27]. Ср. также и блр. *палóй* 'впадина, берег луга'[28]. Если, таким образом, значение 'обрывистый овраг' может быть выведено из 'впадина, углубление, вырытое водой', то в структурном плане этому соответствует возможность реконструкции префикса *у-* < **ǫ-* со значением 'в-' (ср. праслав. **ǫtorъ*, **ǫdolьje*).

Наибольший интерес в данном образовании представляет корневой вокализм. Для бессуффиксальных имен, входящих в данное гнездо, характерен вокализм в ступени **o* (**lojь*, **polojь* и т. д.), закономерно связанный со ступенью **e* в глаголе **liti*, **lьjǫ*. Но праславянский имел и другой набор родственных основ — **lьjati*, **lějǫ*, с долгим вокализмом в основе настоящего времени. В соответствии со ступенью **ē* в глаголе Махек допускал наличие ступени **ō* в имени, толкуя как производное от **lějǫ* — через посредство корневого имени **lajь* — праслав. **lajьno* 'кал, навоз' (др.-русск., ц.-слав. *лаино*, болг. *лáйнó*, с.-хорв. *лȁјно*, словен. *lájno*, др.-чеш., слвц. *lajno*, чеш. *lejno*, польск. *łajno*, укр. *лáйно*)[29]. Аналогичным образом и имя **ǫ-lajь* может быть объяснено как производное с корневым вокализмом в ступени **ō* от глагола **lějǫ*.

Следует отметить тождественность набора значений для обоих структурных типов имен, образованных от глаголов гнезда **lei-* 'лить' — с кратким и долгим вокализмом: если в именах с формой **lojь* представлены, с одной стороны, название жира (='жидкая масса'?) и, с другой стороны, название низкой, заливаемой местности, то имена с корневым *-*laj-* обнаруживают значения 'навоз, глина' (=первоначально 'жидкая масса' — **lajьno*, см. прим. 29) и 'овраг' (**ǫlajь*).

---

[23] Д а л ь ² II, стр. 264.
[24] Д а л ь ² III, стр. 263.
[25] Д а л ь ² I, стр. 597.
[26] М е л ь н и ч е н к о, стр. 117.
[27] С р е з н е в с к и й III, стб. 44.
[28] І. Я. Я ш к і н. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971, стр. 133.
[29] M a c h e k ², стр. 325. Этому **lajьно* 'кал, навоз' генетически тождественно и др.-русск. ц.-слав. *лаино* 'кирпич' (см. B r ü c k n e r, стр. 306). Вероятно, **lajьno* первоначально обозначало всякую жидкую массу, кашицу, в частности и глину. Поэтому возведение **lajьno* к гнезду глаголов **liti*, **lьjǫ*, **lьjati*, **lějǫ* представляется семантически оправданным: ср. лит. *įlajaĩ* 'глина' от *líeti* 'лить'. Иное этимологическое толкование праслав. **lajьno* см. B e r n e k e r I, стр. 687, Ф а с м е р II, стр. 452.

**prilyka, *lykadlo, *lykati*

Основанием для реконструкции праслав. **prilyka* может быть польск. диал. *przyłyka* 'женщина, прибывшая с мужем из другой местности' [30]. Структура его вырисовывается достаточно прозрачно на фоне синонимичного польского же диал. *przytyka* [31] и русск. *прилýка* 'привораживание' [32], 'привада, приманка' (ср. особенно: есть там у молодца *прилука*, зазнобушка) [33]: речь идет, очевидно, об отглагольном имени с префиксом **pri-*, родственном слав. **lučiti* 'попадать, достигать, получать' (ст.-слав. лоучити τυγχάνειν, болг. *лучá* 'целюсь', с.-хорв. *слýчити се* 'случиться, очутиться', словен. *lučíti* 'бросать, кидать', чеш. *lučiti*, слвц. *lúčit'* то же, польск. *łuczyć* 'метить, попадать', н.-луж. *łucyś se* 'случаться, встречаться', русск. *лучить*, *получить*, *прилучить*, *случиться*, *залучить* и т. п., укр. *лучúти* 'метить, попадать', блр. *лучыць* 'случиться').

Польск. *przyłyka* отличается от **lučiti* ступенью корневого гласного. Для славянского гнезда с корнем **luk-* обычно не отмечается возможность чередования гласного, т. е. наличия форм с корневыми *y* или *ъ* (удлинение последнего также могло бы объяснить появление *y* в имени типа *przyłyka*). Но в литовском среди родственных образований представлен глагол с корневым *ū* (соответствующим славянскому *y*) — *lūkěti*, *lūkiù* 'поджидать' (удлинение гласного в корне довольно часто встречается в литовских глагольных основах на *-ė-* [34]). И в славянских языках польск. *przyłyka* — не единственное имя, которое позволяет предполагать долгую ступень вокализма *-y-* в глаголах гнезда **luk-*: в чешских говорах зафиксировано *lykadlo* 'веревка, которую натягивали через дорогу перед свадебными гостями' [35]. Свадебный обычай задерживания гостей (=з а л у ч е н и я?) для п о л у ч е н и я от них выкупа, подарков дает основание толковать чеш. *lykadlo* так же как родственное глаголу **lučiti*, причем структура этого имени предполагает наличие производящего глагола **lykati*. Непосредственным продолжением праслав. **lykati* может быть н.-луж. *łykaś* 'подкарауливать, подглядывать' [36]. Отглагольные имена польск. *przyłyka* и чеш. *lykadlo*, подтверждая древность вокализма *y* в н.-луж. *łykaś*, свидетельствуют о более широком рас-

---

[30] Варшавский словарь V, стр. 319.
[31] Там же, стр. 395.
[32] Дополнение к Опыту, стр. 213.
[33] Д а л ь ² III, стр. 424. В псковских говорах для *прилýка* отмечено значение 'случай' (см. материалы Картотеки Псковского областного словаря, в Ленинграде), в смоленских — 'случай, нечаянность' (Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 714).
[34] См. J. K u r y ł o w i c z. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 291—292 (Далее — J. Kuryłowicz. L'apophonie).
[35] Fr. K o t t. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910, стр. 52.
[36] М у к а, I, стр. 797.

пространении глагола с корневым *y* в древности, чем в современных славянских языках, и обосновывают реконструкцию **lykati* как праславянской глагольной основы.

Существенно отметить, что значение н.-луж. *łykaś* 'подкарауливать, подглядывать' соответствует древнейшему значению, реконструируемому для этого славянского гнезда — 'смотреть за чем-либо, выжидать' (ср. лит. *láukti* 'ждать', *lūkėti* 'поджидать') [37]. С тем же вокализмом и значением, что и *łykaś*, в нижнелужицком функционирует и *-nǫ-* основа: *łyknúś* [38]. При определении степени древности огласовки *y* в этом образовании следует учитывать, что удлинение корневого гласного было известно и некоторым праславянским *-nǫ*-основам (ср. *gybnǫti*, *vyknǫti* и т. д.) [39]. Следовательно, *łyknuś* может быть древней глагольной основой, родственной *łykaś*, но не обязательно вторично образованной от последней.

Отсутствие в польском и чешском языках глаголов, продолжающих праслав. **lykati*, позволяет считать польск. *przyłyka* и чеш. *lykadlo* образованиями праславянской древности и дает основания для реконструкции праслав. **prilyka* и **lykadlo*.

**zakъlo* и **nakъlo*

Лексема* *zakъlo* реконструируется на основании данных главным образом украинского и белорусского языков: укр. *зáкло* 'кусок земли, вдающийся в чужую землю' [40], 'часть местности, огражденная с трех сторон оврагами, залив, поворот дороги' [41], блр. *зáкла* 'изгиб реки' [42], полесск. *зáкло* 'отроговый овраг' [43]. Возможности этимологического истолкования слова часто подсказываются синонимами. В данном случае синонимы обнаруживают две различные семантические модели, определяющие поиски этимологического родства в двух разных направлениях.

Во-первых, изгибы, повороты реки обычно обозначаются производными от глаголов со значением 'гнуть, сгибать': например, слав. **lǫka* (др.-русск. *лука* 'залив, берег залива, берег излучины реки', русск. *лукá* 'изгиб, поворот реки, луговое или лесное пространство в излучине реки', укр. *лукá* 'мыс, образуемый рекой, заливной луг', блр. *лукóвіна* 'излучина' и т. д.) — к **lękti* 'гнуть', ср. также *колено* как обозначение поворота реки, чеш. *oklika* řeky 'изгиб реки' (к праслав. **kl'uka*). Если исходить из семантической

---

[37] См. Фасмер II, стр. 538 (*лучи́ть* II).
[38] Мука I, стр. 797.
[39] См. J. Kuryłowicz. L'apophonie, стр. 291.
[40] Гринченко II, стр. 50.
[41] А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики Северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 22.
[42] І. Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971, стр. 71.
[43] Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 83.

модели ʽсогнутоеʼ > ʽизгиб рекиʼ > ʽчасть местности, ограниченная изгибом реки, оврагами или межамиʼ, то рассматриваемое укр.-блр. *закло* тяготеет к гнезду слав. **kuliti* ʽсгибать, сжиматьʼ (укр. *кулити* ʽскорчить, съежить (от холода)ʼ, польск. *kulić* ʽкорчить, сгибатьʼ, *kuleć* ʽхроматьʼ, блр. *куляць* ʽнизко наклонятьсяʼ [44], возможно — и чеш. *chouliti* ʽсгибать, корчитьʼ [45]). В славянских языках, помимо ступени корневого вокализма **o*, для данного корня предполагается также ступень **e*[46]. Если укр.-блр. *закло* относится к этому гнезду, то оно занимает в нем место ступени редукции, в других образованиях пока не зафиксированной.

Второе направление этимологического объяснения укр.-блр. *закло* предсказывается образованиями, которые являются синонимами для *закло* в значении ʽкусок земли, вдающийся в чужую землю (или ограниченный оврагами)ʼ. П. Белецкий-Носенко в своем словаре приводит в качестве синонима для *закло* укр. *зáзубень* ʽвыходящий угол на полеʼ [47] — производное от *зуб*. Таким образом, участок земли, вдающийся в чужую землю, выдающийся в сторону, определяется как нечто острое, ʽостриеʼ. Такова же в общем семантическая модель и слав. **klinъ*, широко употребляющегося для обозначения узких, остроугольных участков земли (откуда далее обозначение земельного участка вообще). Принятие для *закло* этимологического значения ʽостриеʼ делает правомерным его отнесение к гнезду слав. **kolti* ʽколотьʼ. В это гнездо входят близкое к *закло* семантически слав. **klinъ*, название заостренной палки — **kolъ* и название зуба, клыка — **kъlъ*: словен. диал. *kę̑l*, литер. *kèl*, *klà*, с.-хорв. *каљак*, чеш. *kel*, род. *klu*, слвц. *kel*, род. *kla*, польск. *kieł*, род. *kła*, н.-луж. *keł*, род. *kła*, полаб. *klåi̯* мн., укр. *кол*, род. *кла*, диал. *кло*, блр. *икол*, род. *икла*, русск. *клык* [48]. Праслав. **kъlъ* особенно близко по структуре к *закло*: их объединяет тождество корневого вокализма, бессуффиксальный характер основ (ср. особенно *закло* и укр. *кло*). Существенна в этом отношении и возможность для **kъlъ*, **kъlo* приставочных образований: ср. словен. *óklǫ* ʽклыкʼ [49] и *закло*. Можно поэтому думать, что слав. **zakъlo* (укр.-блр. *закло*) родственно с **kъlъ*, как укр. *зáзубень* — с *зуб* (интересно при этом тождество префиксов в *закло* и *зазубень*).

Наличие большего структурного сходства в сопоставлении **kъlъ*, **kъlo* — **zakъlo* делает это этимологическое истолкование **zakъlo* более вероятным, чем вышеизложенное предположение

---

44 Berneker I, стр. 642—643; Фасмер II, стр. 413 (*культя*); Sławski III, стр. 349—350.

45 Machek², стр. 203.

46 См. Л. В. Куркина. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгами на -*u̯*-. «Этимология. 1971». М., 1973, стр 60—61.

47 П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 144.

48 Фасмер II, стр. 255—256 (*клык*); Sławski II, стр. 142, Machek², стр. 248.

49 Pleteršnik I, стр. 810.

о его связи с *kuliti. Некоторые трудности встречает этимологизация *zakъlo через *kъlъ в семантическом плане: маловероятным представляется развитие на основе значения 'кусок земли клинообразной формы' второго значения *zakъlo — 'залив, изгиб реки, поворот дороги' (см. выше). Приходится допустить, что формирование этого второго значения шло независимо от первого, параллельно ему по линии 'острие' > 'отроговый овраг' (ср. значение полесск. *зáкло*), 'залив' > 'изгиб реки, поворот дороги'.

Возможно, к реконструированному праслав. *zakъlo восходит также болг. диал. *зàклът* 'железный треножник перед очагом' [50]. Его суффиксальное оформление сопоставимо с с.-хорв. диал. *oklet* 'острая скала' [51], значение которого позволяет предполагать его родство с *kъlъ с большей степенью вероятности.

Рассматриваемое праслав. *zakъlo по форме и значению близко к праслав. *nakъlo, к которому восходят чеш. диал. *náklo* 'место у реки, где складывается груз', *nákel* 'сырое место, обычно с низкой ивовой порослью', *náklí* 'молодой ивняк, ивовые прутья', ст.-чеш. *náklo* 'какое-то место у реки', *nákel* 'пристань' и 'остров', с.-хорв. *nâklja* 'изгиб реки', диал. *nâkla* 'глубокое место в реке' и многочисленные славянские топонимы (полаб. *Nackel*, польск. *Nakło*, *Nakiełko* и т. п.; чеш. *Náklo*; *Naklo*, *Nakal*, *Naklia*, *Nakla* в Югославии; болг. *Наклата*; *Накло* в юго-западной Белоруссии) [52]. Праслав. *nakъlo обычно толкуется как восходящее в конечном счете к *kolti [53], причем главное внимание обращается на значения 'молодой ивняк, ивовые прутья', представленные в чешских продолжениях праслав. *nakъlo, вследствие чего *nakъlo связывается прежде всего с *kъlъ 'росток, молодой побег' [54] (этимологически тождественным с *kъlъ 'зуб, клык'). Приведенное выше блр. *зáкла* 'изгиб реки' — рефлекс праслав. *zakъlo, возведенного к *kolti, — является точной этимологической параллелью к другой линии развития *nakъlo — с.-хорв. *nâklja* 'изгиб реки'. Этот параллелизм, с одной стороны, служит опорой для тождественных истолкований *zakъlo и *nakъlo как производных от *kolti. С другой стороны, он позволяет предполагать для *nakъlo (как для *zakъlo) первичное значение, близкое к 'острие, выступ', откуда возможно дальнейшее развитие и к 'побег, поросль', и

---

[50] Петко Китипов. Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. — БД V, София, 1970, стр. 117.

[51] Сообщено югославским лингвистом В. Михайловичем в докладе о сербохорватской географической терминологии, прочитанном осенью 1970 г. в Секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР.

[52] Machek [1], стр. 317; Machek [2], стр. 388; J. Nalepa. Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968, стр. 70—72; P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (статья *nâkla*; выписки из рукописи словаря сделаны О. Н. Трубачевым для картотеки Этимологического словаря славянских языков).

[53] Brückner, стр. 354; Machek [1], стр. 317 (во втором издании своего словаря Махек воздержался от объяснения слова); Skok. Указ. соч.

[54] Brückner, стр. 354; Machek [1], стр. 317.

к ʻизгиб (реки, местности)' — см. выше. Вторичными производными от значений ʻвыступ, изгиб' являются и другие значения, зафиксированные для продолжений **nakъlo*: ʻостров', ʻглубокое место в реке', ʻместо у реки', ʻпристань'.

Таким образом, для праславянского языка в качестве производных от глагола **kolti* (или родственных ему?) может быть реконструирована группа близких по значениям бессуффиксальных имен с корневым вокализмом в ступени редукции: бесприставочное **kъlъ* и приставочные **zakъlo* и **nakъlo*.

Специального рассмотрения требует словен. *naklo* ʻнаковальня'. Ф. Миклошич и вслед за ним Ф. Безлай выводят словен. *naklo* из *nakovalo*, причем Ф. Безлай, рассматривая гидроним *Naklo*, связанный, вероятно, с группой чеш. *nákel*, с.-хорв. *naklja* и т. д., специально оговаривает непричастность к ней словен. *naklo* [55]. Это истолкование словен. *naklo* ʻнаковальня' < *nakovalo* представляется, однако, не бесспорным, а формальное тождество этого слова с рассмотренным выше **nakъlo* побуждает проанализировать возможности объяснения и словенского *naklo* как производного от праслав. **kolti*.

Функционирующие в славянских языках глаголы, восходящие к праслав. **kolti*, имеют значения, сводимые к ʻколоть, рубить, бодать, бить чем-либо острым', что и служит основанием для реконструкции значения праслав. **kolti* как ʻколоть, толкать чем-либо острым' [56]. Эта реконструкция семантики глагола хорошо объясняет значение ʻострие', предполагаемое для отглагольных **kъlъ*, **zakъlo*, **nakъlo*, но, возможно, не охватывает всех аспектов первоначального функционирования глагола. На эту мысль наводит как раз словен. *naklo* ʻнаковальня'. Разумеется, можно было бы предположить, что значение ʻнаковальня' является производным от ʻострие' > ʻвыступ'. Но обращение к материалу родственных языков позволяет перенести возникновение этого нового, «кузнечного» значения в глагол: дело в том, что лит. *kálti*, близкородственное и структурно тождественное слав. **kolti*, помимо значений ʻдолбить, вбивать', имеет так же, как и лтш. *kal̂t*, значение ʻбить молотом, к о в а т ь'. Производным от этого глагола является лит. *príekalas* ʻнаковальня'. Сопоставление значений словен. *naklo* ʻнаковальня' и лит. *kálti* ʻковать' служит реальным доказательством функционирования праслав. **kolti* в значении ʻковать'. Следовательно, существенное различие славянской и литовской кузнечной терминологии, выразившееся в использовании славянскими языками глагола **kovati* (и далее производных от него) при употреблении в литовском *kálti* [57], может быть результатом вторичного расхождения, которому предшествовало

---

[55] M i k l o s i c h, стр. 153; Fr. B e z l a j. Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1961, стр. 48.

[56] S ł a w s k i, II, стр. 275.

[57] См. О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 346.

сходство литовского и хотя бы некоторых диалектов праславянского в наборе исходных глаголов-терминов и соответствующих производных имен. Реликтом этого состояния является словен. *naklo*, которое, как это нередко случается, сохранило древнее значение, утраченное уже производящей глагольной основой. Интересно структурное тождество словен. *naklo* < **na-kъlo* и праслав. **na-kovъ*, *na-kova* ‘наковальня’ (реконструируемого на основании чеш. диал. морав. *nákova*, слвц. *nákova*, в.- луж. *nakow*, н.-луж. *nakowa*), которое является наиболее архаичным обозначением наковальни из ее названий, производных от **kovati*[58]. При всей свободе и мотивированности соединения префикса *na-* с корнем глагола можно предположить, что здесь обнаруживается воспроизведение одной и той же модели на базе разных глаголов соответственно разным хронологическим уровням: раньше **nakъlo*, затем — по его модели — **nakovъ*, *nakova*.

**zaǫkъ*

В 1956 г. диалектологической экспедицией МГУ, в которой я принимала участие, было записано в Вологодской области слово *зау́к* ‘участок травы между деревьями (=луг, вдающийся в лес)’, не упоминающееся в опубликованных диалектных словарях. Слово представляется интересным, поскольку оно позволяет расширить одно из архаичных и ограниченных по составу славянских этимологических гнезд — **ęk-*/**ǫk-*.

В гнездо слав. **ęk-*/**ǫk-* входят имена **ęčaja* ‘ячейка’, **ęčьmy*, *-ene* ‘ячмень’, **ǫkotь* ‘коготь, якорь’ и **paǫkъ* ‘паук’. Значение слав. **ęk-*/**ǫk-* (и.-е. **ank-*, **onk-*) реконструируется как ‘сгибать, гнуть’. Волог. *зау́к* по своей структуре близко к **paǫkъ*: оба имени являются приставочными бессуффиксальными образованиями с основой на *-o-* и с корневым вокализмом в ступени **o*. Объяснить семантическое развитие в волог. *зау́к* помогает близкое по значению *лука́* ‘изгиб, кривизна, излучина; заворот реки. . . ; низменный и травный или лесистый мыс; поемный луг, огибаемый рекою’[59]: как в слове *лука* на базе этимологического значения ‘изгиб’ развилось значение ‘луг, огибаемый рекою’, так и в *заук* первичное значение корня ‘сгибать, сгиб’ могло послужить основой для позднейшего ‘луг, огибаемый лесом’ (=‘вдающийся в лес’). Интересно, что значение ‘луг’ имеют некоторые германские имена (нем. *Anger*, др.-исл. *eng*), которые восходят к и.-е. **ong-*, рассматриваемому обычно как вариант и.-е. **onk-*[60].

---

[58] Там же, стр. 348—349, 355.

[59] Даль[2] II, стр. 272.

[60] Pokorny I, стр. 45—46; развитие значения ‘изгиб’ > ‘луг’ в германских формах произошло, вероятно, аналогично русск. *лука*, т. е. через промежуточную ступень ‘излучина реки’ — ср. др.-сканд. *angr* ‘залив’.

В славянских языках не отмечены глаголы, которые могли бы быть отнесены к рассматриваемому гнезду. Однако наличие соответствующих глаголов в родственных языках (др.-инд. *a(ñ)cati* 'сгибать') и некоторые морфонологические характеристики славянских имен, сближающие их с отглагольными образованиями (корневой вокализм **o* в бессуффиксальных именах **pąkъ* и **ząkъ*, **e* — в суффиксальных **ęčaja* (ср. **verěja*) и **ęčьmy*), оправдывают рассмотрение их среди отглагольных имен. При утрате производящих глаголов еще на уровне праславянского языка имена, подобные лексемам гнезда **ęk-/*ąk-*, могут сохранить наиболее архаичные структурные признаки различных типов образований, производных от глаголов.

**zaromъ*

В «Материалах для географии и статистики России» Департамента Генерального штаба, относящихся к Пермской губернии, отмечено выражение *заром делать* со значением 'срубить три первых дерева для новой избы' [61]. Слово *заром* не зафиксировано ни другими диалектными словарями, ни древними письменными памятниками. Разумеется, единичная фиксация делает возможным предположение о наличии ошибки, искажения, неточной записи (например, не **зарон* ли? — ср. *ронить* лес 'рубить с корня, валить' [62], *выронить* дерево, *выронить* сруб 'вырубить в лесу' [63]). Пока, однако, нет определенных данных в пользу такого предположения, представляется правомерной попытка этимологической ориентации этого слова.

Значение выражения *заром делать* 'срубить три первых дерева для новой избы' вводит слово *заром* в сферу плотнической терминологии и позволяет предполагать для него значение 'основание, опора'. В таком случае *заром* сопоставимо с индоевропейским этимологическим гнездом, базирующимся на корне **rem-*: ср. особенно лит. *remti* 'подпирать, поддерживать', *paramà* 'опора, поддержка', *ramentas* 'посох, костыль', *ramstis* 'подпорка', *remẽsas* 'плотник', др.-прусск. *romestue* 'топор', а также др.-ирл. *fo-rim* 'класть', др.-в.-нем. *rama* 'опора, станок, ткацкая рама', др.-исл. *rǫnd* 'край, щит', норв. *rand* 'перекладина, карниз' [64].

Из славянской лексики к гнезду и.-е. **rem-* относят **remьstvo* (русск. *ремство* 'ненависть, злоба, досада', укр. *ремство* 'недовольство', *ремст* то же — ср. лит. *susiremti* 'столкнуться' [65]) и общее название ремесла (др.-русск., ст.-слав., серб.-ц.-слав. *ремьство*, серб.-ц.-слав. *ремезьство*, чеш. *řemeslo*, слвц. *remeslo*, польск.

---

[61] Дополнения и заметки И. Ф. Наумова к Толковому словарю Даля. — сб. ОРЯС, т. XI, № 6, 1874, стр. 13.

[62] Даль² IV, стр. 103.

[63] Даль² I, стр. 310.

[64] Pokorny I, стр. 864; Fraenkel, стр. 694, 695, 717, 718.

[65] Фасмер III, стр. 469.

rzemiosło, в.-луж. *rjemjesło*, н.-луж. *ŕeḿesło*, русск., укр. *ремесло́*, укр. *реме́ство́*, блр. *ремество́* [66]). При этом Махек считает, что славянское название ремесла связано с присущим многим производным от и.-е. **rem-* значением 'покой' (ср. лит. *rãmas* 'покой', др.-инд. *ramate* 'успокаивается, отдыхает'), так что слав. **remen-* обозначало первоначально собственно мирные занятия, в отличие от военных [67]. Если, однако, признать достоверным русск. *заром*, то его сопоставление с балтийскими родственными (см. выше) позволяет думать, что в образовании славянского названия ремесла решающую роль сыграли представления из области плотнического дела. И так же, как возникшее в ткаческой терминологии слав. **obsnova* приобрело впоследствии более широкое, нетерминологическое значение, так и на базе значения 'опора, основание', характерного для **rem-* в плотнической терминологии, развилось более общее значение 'прочная работа, мастерство, искусство'; так могут быть объяснены укр. *уреме́нити* 'прочно сделать работу', *уре́менння* 'счастье, удача' [68], основа которых — **remen-* — вероятно, тождественна основе названия ремесла.

**dĕd(ъk)ъ*

В славянских языках представлено немало имен с корнем **dĕd-*, обозначающих различного рода ремесленные и сельскохозяйственные орудия или части орудий. Например: чеш. *dĕdek* 'столярный верстак, станок для нарезания дранки, изготовления обручей и т. п.' [69], слвц. *ded* то же [70], словен. *dédak* 'подушечка для иголок', *ded* 'деревянный гнет в виноградном прессе' [71], с.-хорв. *дȅдāк* 'малая ось в плуге, ось в колесе' [72]. Обычно подобные образования толкуются как производные с переносным значением от праслав. **dĕdъ* 'avus', что как будто подтверждается наличием сочетаний типа слвц. *dedová stolica* 'верстак, станок для обработки дерева' [73] и вариантностью названий вроде *dĕdek/strýček* 'станок' [74], *дȅдāк/бабица* 'ось' [75]. Но прозрачность сочетания *dedová stolica* должна скорее настораживать, а указанная вариантность может быть вторичной.

---

[66] Machek², стр. 530; Фасмер III, стр. 468.
[67] Machek², стр. 530.
[68] Гринченко IV, стр. 350.
[69] Kott I, стр. 217; III, стр. 676 (статья stolice); I, стр. 53 (статья bednář).
[70] Machek¹, стр. 82 (статья dĕd).
[71] Valjavec. K slovensko-nemškemu slovarju Wolfovemu. — «Ljubljanski Zvon», XIII, 1893, стр. 690.
[72] РСА IV, стр. 150.
[73] Machek¹, стр. 82 (статья dĕd).
[74] Kott III, стр. 676 (stolice).
[75] РСА IV, стр. 150 (в тексте: на витлу су витленице натакнуте на «*бабицу*» или *дедака*).

Рассмотрение значений слов данной группы с корнем *děd- показывает, что преобладают обозначения опоры, подставки, опорного элемента орудия или (противоположное значение) гнета. Это позволяет выдвинуть предположение, что соответствующие лексемы принадлежат к гнезду праслав. *děti, для которого признается первичным значение 'класть, располагать'. Известно широкое использование глагола *děti и производного от него *dějati для обозначения различных работ (особенно в бортничестве, ткачестве, шитье — ср. польск. dziać 'вязать, ткать, шить', dziać barć 'устраивать борть', dziać kiełbasy, dziać ciasto 'месить тесто', н.-луж. źaś 'вязать, вышивать, стегать, плести кружева, ткать'). Поэтому для соответствующих производных имен вероятны значения 'опора, подставка' (при какой-либо работе, в каком-либо орудии) и 'нечто налагаемое, гнет', что подтверждается существованием бесспорно производных от *děti (или родственных основ) имен типа ст.-польск. dzienia 'подкова', ст.-чеш. dienicě 'покрывало, ковер'. Ср. приведенные выше словен. ded 'деревянный гнет в виноградном прессе', dédak 'подушечка для иголок', с.-хорв. дѐдāк 'ось' (=опорный элемент колеса или плуга). Семантически мотивировано также отнесение к гнезду *děti болг. диал. д'а̀дǫ, д'а̀ду 'свиной желудок, начиненный мясом и приправами' [76], поскольку известны польск. диал. dziać kiełbasy и чеш. nadívati 'начинять, фаршировать'.

Если рассматриваемые имена принадлежат к гнезду праслав. *děti, то они являются производными от древнейшей формы основы настоящего времени, соответствующей инфинитиву *děti, — от *ded-. Эта основа сохранилась в ст.-лит. demì < *dedmi, а в праславянском получила расширение -je-: *dedjǫ. Производные имена должны были бы иметь корневое e: *dedъ, *dedъkъ, *dedakъ (ср. праслав. *nadedja, *obdedja). Рефлексы ě в анализируемых образованиях славянских языков могут быть следствием как древнего влияния основы инфинитива *děti, так и последующей контаминации с *dědъ 'avus'. Контаминации гнезда *dědъ 'avus' с *dedъ 'опора, подставка' могло способствовать сочетание в коррелятивном гнезде праслав. *baba значений 'женщина, бабушка' и 'столб, колода, пест, трамбовка' (ср. значения русск. баба).

*koporul'a

В своем этимологическом словаре болгарского языка Ст. Младенов привел болг. копра́ля, копра́л 'длинная заостренная палка, которой во время пахоты погоняют волов и очищают лемех от приставшей земли', и объяснил его как производное от корня

[76] Горо Горов. Странджанският говор. — БД I. София, 1962, стр. 78; Николай Ив. Колев. По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III, София, 1967, стр. 297.

**kop*-, представленного в глаголе *копая* [77]. Младенов не отметил близких имен в других славянских языках. И болг. *копра́ля*, *копра́л* не упоминается, кажется, более в этимологической литературе, воспринимаясь, вероятно, как специфическое болгарское образование. Между тем, болгарское слово имеет близкие инославянские соответствия и вместе с ними является, возможно, продолжением праславянского имени.

Прежде всего, болг. *копра́ля* тождественно по структуре с.-хорв. диал. *kopralja* ʻплоский железный наконечник на палкеʼ [78], ʻдлинная палка с плоской железной веерообразной ложкой для очищения лемеха плугаʼ [79], ʻнебольшая мотыгаʼ [80]. Несколько отличается от них лексема, представленная в русском языке,— *копоруля*: перм. *копару́ля* ʻральник на крюку, лопатка, которою счищают землю с сошниковʼ [81], урал. *копару́ля* ʻпримитивная соха, деревянная лопатка для копки картофеля, окучникʼ, *капору́ля* ʻдеревянные вилы с двумя загнутыми рожкамиʼ (и *капору́ля*, *копору́ля*, *копору́ша* ʻо человеке с изуродованной рукой; растяпаʼ) [82].

Предложенное Далем и Младеновым объяснение русск. *копоруля* и болг. *копраля* как производных от праслав. **kopati* подтверждается многочисленными славянскими образованиями, принадлежащими к тому же гнезду и имеющими значения ʻострая палкаʼ, ʻкочергаʼ, ʻмотыгаʼ, ʻвилыʼ, ср.: праслав. **kopьje*, н.-луж. *kopawa* ʻмотыга, киркаʼ, *kopéło* ʻмотыга для навозаʼ [83], польск. диал. *kopacz* ʻдеревянная лопатка для копки картофеляʼ, *kopysz* ʻорудие для собирания навозаʼ [84], словен. *kopáč* ʻкочерга, двузубые вилы для навозаʼ [85] и т. д. Вопрос заключается в определении древнейшей формы имени, давшего ю.-слав. *kopralʼa* и русск. *копоруля*, и способа его образования. В этом отношении существенны данные о древнейшей фиксации соответствующих лексем.

Русск. *копоруля* со значением ʻмотыгаʼ зафиксировано в памятниках с XVII в., например: Отведено . . . десять *копоруль* чем землю копают (Архив Онежского Крестного монастыря. Отв. Кор. с. 1688); Церковь камена бѣла, о едином версѣ, гора из церкви празеленая, а другая гора вохра, и со обоихъ горъ

---

[77] Младенов, стр. 250.

[78] RJA V, стр. 309.

[79] Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дiјалекта, I. Београд, 1932.

[80] Др. Ђорђевић. Живот и обичаjи у Лесковачкоj Морави. — СЕЗб LXX. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаjи народни, 31. Београд, 1958, стр. 24.

[81] Даль [2] II, стр. 157 (помещено в статье *копать*!). Составители «Опыта областного великорусского словаря» дают *копору́ля* (Опыт, стр. 89).

[82] Сл. сред. Урала II, стр. 15, 47.

[83] Мука I, стр. 671.

[84] Варшавский словарь II, стр. 463, 470.

[85] Pleteršnik I, стр. 433.

рѣки текутъ вмѣстѣ, а по них пловутъ люди наги в однѣх портах с лопатами и с *копорулями* и с ломы и тѣ рѣки в камень пошли. . . (Подлинник иконописный. Изд. С. Т. Большакова, под ред. А. И. Успенского. М., 1903, стр. 27, 17 в.); *копоруля* σκαλίς (Γερασίμου Βλάγου Θησαυρός. . . τετράγλωσσος μετὰ της των ἐπιθέτων ἐκλογῆς. . . Venetiis, 1658. С рукописным переводом Сильвестра Медведева, сп. к. XVII в., 560)[86].

Форма *копоруля* встречается и раньше, с XI в., в церковнославянских памятниках русского извода, но с иным значением — 'ткацкий челнок': чрьноризица же ꙗко то слыша. ꙗко очи ѥѧ прѣльщаѥта оуношю. тогда дрьжѧщи *копороулю* ѥю же тъкаше тоѭ абиѥ обѣ очи истъче си (Синайский Патерик, XI в., л. 40 об.; близкий текст — в Юрьевском прологе XIV в., л. 146 в.); ꙗрость лютыи оружникъ и воєвода. і жены нѣ бѣаху безъ ѡружьꙗ. тогда годинѣ приближающи сѧ. оружьє бо бѣаху имъ *копорулѧ* (XVI слов Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского по сп. XIV в., л. 166 об.)[87].

Появление значения 'ткацкий челнок' в производном от **kopati* достаточно мотивировано: в индоевропейских языках для обозначения челнока используются слова с первоначальным значением 'палочка, тростинка' (что говорит и о древнейшей форме челнока), праславянское название челнока **sovadlo*, **sovidlo* образовано от **sovati* 'стремительно двигать, бросать, метать' и родственно **sudlica* 'копье'[88], а производные от **kopati* имена имеют нередко значение, связанное с 'палка' (см. выше болг. *копраля*, с.-хорв. *kopralja*), и родственны праслав. **kopьje*. С другой стороны, поскольку в славянских языках продолжения глагола **kopati* обобщают значение 'рыть землю, делать углубление в земле', существительное *копоруля* (как и **kopьje*), связанное с более древним значением глагола **kopati* — 'долбить, колоть', должно быть древним образованием, восходящим к праславянскому состоянию.

Древняя фиксация формы *копоруля* позволяет считать ее наиболее близкой к исходной праславянской форме, которая может быть, таким образом, реконструирована как **koporul'a*. Ю.-слав. *kopral'a* в таком случае объясняется вторичной субституцией *ra* вместо *or* по аналогии с закономерными южнославянскими рефлексами праслав. *tort*. Суффикс *-ul'a*, завершающий основу **koporul'a*, довольно продуктивен в славянском именном словообразовании; он соединяется равно и с именными, и с глагольными производящими основами, ср.: словен. *nosulja* 'человек с большим носом', с.-хорв. *rogulja* 'рогатая корова', русск. *сонуля* 'сонливый человек' и с.-хорв. *vrulja* 'источник', болг.

---

86 Картотека МДРС.

87 Картотека ДРС.

88 См. О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 35, 37—38.

щекуля 'спорщица', русск. *хрипуля* 'охрипший человек' [89]. Производящая основа **kopor-* в свою очередь могла бы рассматриваться как именная, образованная от корня глагола **kopati* при помощи суффика *-or-*, дающего славянские имена со значением орудия или действующего лица (ср. **kosorъ*/**kosorь*, **čexorъ* [90], **motorъ* — русск. *мотор* 'рычаг, дубина' и т. д. [91]). Однако окончательному признанию именного характера этой основы препятствует существование в славянских языках целого ряда глаголов с основой **kopor-*/**kopr-*/**kopyr-*, являющейся *r*-расширением слав. **kop-*, например: с.-хорв. *kopòrati*, *kopirati* 'двигаться, шевелиться, копошиться', *kopàrati* 'ковыряться, рыться, скрести, царапать', *kopȑljati se* 'метаться' (и далее *čepȑkati* 'рыться') [92], польск. диал. *koperzać* 'сгребать листья', *pokoperzać rolę* 'заборонoвать кое-как', *koperlić się* 'беспокоиться, жениться', русск. диал. *копы́рсать* 'возиться, рыться' и т. д. [93] Следовательно, **kopor-* — глагольно-именная основа, возможно — первоначально экспрессивное образование от **kop-*. Именными производными от основы **kopor-*, помимо **koporul'a*, являются также русск. диал. арханг. *копари́(ы́)га* 'род кирки, мотыги' [94] и подмоск. *копо́рка* 'человек, занимающийся прополкой' [95].

В западнославянских языках именные образования, продолжающие **kopor-* или **koporul'a*, кажется, не зафиксированы. Но в польском языке представлены производные от соответствующих глаголов (с основой **kopyr-*), очень близкие по значениям к **koporul'a*: польск. диал. *kopernacz* 'кочерга, деревянная лопатка для копки овощей', *kopersacz* 'длинная палка для помешивания огня', *koperacz* 'кочерга'; ср. и русск. диал. *копыря́лка* 'огородная мотыга, тяпка' [96]. При всей очевидности зависимости этих имен от экспрессивных глаголов, возможно предположение, что они заменили более архаичное, праславянское образование, в котором не было следов производности от глагольной *-a-* основы.

Сопоставление болг. *копра́ля* с с.-хорв. *kopralja* предложено во втором томе Этимологического словаря П. Скока (см. P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, knj. II. Zagreb, 1972, стр. 149), который вышел в свет после того, как настоящая статья была сдана в печать.

---

[89] См. W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I. B. Göttingen, 1906, стр. 439.

[90] Там же, стр. 432—433.

[91] Фасмер II, стр. 664.

[92] Iveković-Broz I, стр. 560, 562, 156; RJA V, стр. 308—309.

[93] Sławski II, стр. 457 (статья *kopernacz*).

[94] Даль² II, стр. 157 (статья *копать*).

[95] Иванова. Подмоск., стр. 215.

[96] Sławski II, стр. 457.

Л. В. Куркина

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. II

Русск. *пéтать*

Русск. *пéтать* встречается в диалектах в двух основных значениях 'бить, колотить' и 'мучить', 'употреблять усилия'. Ср. зап., юж. *пéтать* 'бить, колотить', *пéтовать* 'мучить, тиранить' [1], *пéтаться* 'мучиться, стараться' [2], арханг. 'о к.-л. работе; употреблять все усилия, трудиться до поту' [3], 'отбиваться, карячиться (во время борьбы)' [4], 'долго возиться, устать, утомиться' [5], *пѣ́таться* 'силиться, усиливаться' [6], *пéтиться* 'биться, колотиться, маяться, возиться, заботиться, добиваться чего' [7]. Словари отмечают и приставочные формы: *впéтать*, *впéтывать* зап. 'вбить, вколотить, впихнуть' [8], *напѣ́таться* 'наработаться, потрудиться' [9], *упéтать* кого яросл., волог., вят., арханг., тамб., курск. 'измучить, замаять; уморить, покончить, порешить, потерять (кого), погубить' [10]. На территории белорусского языка представлены гл. *пéтаць*, *пéтаваць*, *пéтывыць* 'бить, колотить' [11].

О. Н. Трубачев предполагает для белорусских лексем исходную основу **petati*, сопоставляя с лат. *petō*, *-ere* 'набрасываться, стремиться, желать' и включая тем самым в этимологическое гнездо с и.-е. корнем **pet-*, **petə-* 'на ч.-н. сбрасывать, падать, лететь' [12].

Махек сопоставлял русск. *пéтать* с греч. παίω 'бить, ударять' и рассматривал русское образование как интенсив с суф. *-t-* (**pě-ta-ti*) типа лат. *canto—cano* [13]. Но греч. παίω имеет в исходе

---

[1] Д а л ь [3] III, стб. 264.

[2] Г. П о т а н и н. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — ЖСт., год девятый, вып. II, 1899, стр. 230.

[3] Опыт, стр. 157.

[4] Б о г о р а з, стр. 106.

[5] М. К. Г е р а с и м о в. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910, стр. 69.

[6] П о д в ы с о ц к и й, стр. 121.

[7] Д а л ь [3] III, стб. 264.

[8] Д а л ь [3] I, стб. 622.

[9] П о д в ы с о ц к и й, стр. 144.

[10] Д а л ь [2] IV, стр. 501.

[11] Б я л ь к е в і ч. Магіл., стр. 362; см. также: О. Н. Т р у б а ч е в. О составе праславянского словаря. «Славянское языкознание. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 182 со ссылкой: М. Б а й к о ў і С. Н е к р а ш э в і ч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 237.

[12] P o k o r n y I, стр. 825—826.

[13] V. M a c h e k. [Рец. на кн.:] M. V a s m e r. Russisches etymologisches Wörterbuch. Zweiter Band. — «Slavia» 28, 1959, стр. 271.

корень с дифтонгом *ou̯-* (ср. кипр. παϜιω), его можно признать родственным лат. *pavīre* 'бить, толочь', *putare* 'обрезать', лит. *piáuti* 'резать, косить, убирать урожай, надоедать, мучить, кусать'[14]. Однако можно согласиться с тем, что на индоевропейском уровне в славянских образованиях выделялся элемент *-t-* в качестве расширителя.

Наиболее удовлетворительным следует признать то объяснение, которое давал Фасмер русск. *петать*[15]. Фасмер, считая фонетически неубедительным сближение с *пехтать*[16], признавал русские образования родственными словам *питать*, *пестун*. Связывая эти основы чередованием *ě* : *i*, он, видимо, отталкивался от приводимых Подвысоцким форм с корневым *ѣ*: *пѣтаться*, *напѣтаться*. Такой реконструкции, казалось бы, противоречит отмеченная в диалектах именная основа *пётка* 'драка', 'возня, хлопоты'[17], отражающая в таком случае незакономерный переход *ě* > *'o*. Но та же основа известна в форме с корневым *е*: *петка* 'мучение, труд, мука'[18]. По наблюдениям диалектологов, произношение *'o* на месте *ѣ* в некоторых диалектах связано с определенными категориями слов и обусловлено нефонетическими причинами[19]. Если признать, что слова типа *петка* принадлежат к числу экспрессивно окрашенных, и допустить возможность влияния структурно и семантически близких лексем типа *трепка*, то представляется вполне правдоподобной мысль о вторичном появлении *'o* на месте первоначального *ѣ*. Такое допущение снимает противоречие в фиксации именной основы и позволяет принять реконструкцию исходной основы с корневым *ě*.

Итак, русск. *петать* восходит к и.-е. корню **poi̯-* с расширителем *-t-*. Этот корень лежит в основе греч. πο(ί)α 'трава, корм; земля, поросшая травой' < беот. ποιϜᾱ πεπιτευόντεσσι, ἀπίτευτα, лит. *piẽtus* 'обед', *píeva* 'луг', др.-инд. *pitúṣ* 'питание', авест. *pitu-* 'пища' и др.[20]

В отношении *петать* — *питать*, по мнению Фасмера, остается необъясненным значение 'бить'. Возможность семантической связи 'бить, колотить' → 'мучиться, прилагать усилия', на наш взгляд, подтверждают такие примеры, как русск. *би́ться* 'бить других, драться' и 'силиться, домогаться; маяться,

---

14 Boisacq, стр. 740; Fraenkel 8, стр. 584.

15 Фасмер III, стр. 251.

16 Преображенский II, стр. 52.

17 Даль³ III, стб. 264.

18 Подвысоцкий, стр. 121.

19 В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 86—87 со ссылкой на работу: Е. С. Скобликова. О судьбе этимологического *ѣ* в первом предударном слоге перед твердым согласным в г-рах владимирско-поволжской группы. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962, стр. 112—120.

20 Boisacq, стр. 798; Фасмер III, стр. 268; Fraenkel 8, стр. 588.

перемогаться' [21], укр. *троскати* 'хлестать, бить' и *трóскатися* 'заботиться, печься, убиваться' [22].

Основа **pětati*, образующая одно этимологическое гнездо с **pitati*, **pěstunъ*, известна не только восточнославянским языкам. Данная основа имеет более широкие связи и в некоторых славянских диалектах отражает в своей семантике архаичное состояние, предшествующее формированию всей этой группы.

В этом отношении богатый материал дают болгарские диалекты, где основы с корнем **pět-* и **pit-* сохраняют некоторые архаичные особенности. Небезынтересны некоторые глагольные образования с корнем **pět-*, не имеющие структурных соответствий в других славянских языках. Это — болг. диал. *пѐтним* 'воспитывать' [23] и прич. *пѐтим'ън*, *пѐтимен* 'жаждущий, сильно желающий' [24], которые, судя по структуре, произведены от основы на *-iti*, т. е. для болгарского можно предположить существование гл. **pětiti*, видимо, в значении 'питать, воспитывать'.

В болгарских диалектах выделяется особая группа лексем с корнями **pit* и **pět-*. По своей семантике она примыкает к терминологии, связанной с обозначением способов получения и приготовления пищи из хлеба, зерна [25].

В кругу этих лексем архаичное состояние отражают родопские глагольные основы с корнем **pit-*: ср. *пѝтêм* 'мну, давлю, чтобы получилась лепешка', 'жму', *питкам* 'толкаю, бью, колочу', отсюда *пѝтена кàшê* 'густо сваренная кукурузная мука, разложенная на противне и политая маслом' [26]. Результат действия, передаваемого этими основами, закрепляется в обозначении зерна, т. е. того, что размельчено, размолото: ср. пирдоп. *петлѐ* ср., *петлàк* м. 'печеные зерна кукурузы', 'косточка, ядро ореха' [27], родоп. *петѐлка* 'целое ядро ореха' [28], ботевград. *петѐл. . .* в выражении *петѐл'а го връàл* 'очень крупно размолото' [29]. Семантическое отношение 'бить, колоть, толочь' → 'зерно, крупа' имеет широкие параллели: ср. русск. костр. *пятиво* 'толокно' [30] от **pęti*, слав. **pъšeno* от **pъxati* [31]. Данная же основа служит для обозначения некоторых видов хлеба, ср. *пѝтъ* ж. 'пшенич-

---

[21] Д а л ь [3] I, стб. 219—220.

[22] Г р и н ч е н к о IV, стр. 287.

[23] З. Б о ж к о в а. Принос към речника на софийския говор. — БД I, стр. 259.

[24] Н. К о в а ч е в. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 33; Г. Г о р о в. Странджанският говор. — БД I, стр. 125.

[25] См. О. Н. Т р у б а ч е в. Из истории названий каш в славянских языках.—«Slavia» XXIX, 1, 1960, стр. 1—30.

[26] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. —БД II, стр. 234—235.

[27] И. К ъ н ч е в. Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV, стр. 130.

[28] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД V, стр. 196.

[29] Ст. И л ч е в. Към ботевградската лексика. — БД I, стр. 198.

[30] Опыт, стр. 186.

[31] Ф а с м е р III, стр. 417.

ный хлеб' [32], *пи́та, пи́тка* 'круглый, плоский хлеб', 'хлеб (кислый и пресный) круглый', ср. става на *пи́та* 'делается плоским, расплющивается' [33] и многочисленные производные типа *пита̀р* 'большой домашний хлеб' [34], *пѝтник* 'пирог из овощей', *питу́лица* 'eine Art gefüllter Krapfen, placentarum faectarum genus'. Последнее, видимо, было заимствовано сербохорватским, где оно отмечено дважды Вуком в форме *питу̀љица* и в том же значении [35]. Наличие в болгарских диалектах прилаг. *пѝтен* в значении 'некислый' [36] может служить косвенным основанием для предположения, что первоначально *пита* обозначало пресный хлеб, пресную лепешку, а потом стало общим обозначением хлеба, пирога, лепешки из пресного и кислого теста.

Особо следует остановиться на некоторых лексемах, представленных преимущественно в болгарском и древнерусском и употребляемых в узком специальном значении 'церковный хлеб'. При этом имеются в виду др.-русск. *пита* 'хлеб?', отмеченное один раз в уставе 1193 г.[37] и болг. *пету́рка, питу̀рка* 'церковный хлеб из чистой пшеницы'[38]. В связи с тем, что др.-русск. *пита* считается заимствованием греч. πίτα 'Kuchen' [39], встает вопрос о том, как соотносятся эти основы со значением 'церковный хлеб' с рассмотренной выше группой лексем. Учитывая, что *pita* в специальном значении закрепилось на очень узкой территории, можно предположить, что здесь произошло совмещение старой основы, родственной разбираемым гл. **pitati*/ **pětati*, с заимствованной из греческого созвучной лексемой в строго терминологическом значении 'церковный хлеб'. Греч. πίτα как церковный термин проникло в румынский и венгерский. Можно думать, что на славянской почве имело место сближение двух омонимичных основ.

Приведенный материал показывает, что болгарские диалекты, в отличие от других славянских языков, сохраняют именную основу на *-а* (*пита*). В южных и западнославянских языках представлена только основа **pitja* с основообразующим показателем *-ja* в значении 'корм для скота', 'снедь', 'пища' [40].

Гл. **pitati*, **pitěti*, известные не всем славянским языкам (отсутствуют в польском, лужицких языках), являются отымен-

---

[32] Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, стр. 218.

[33] Дювернуа VI, стр. 1644; М. Младенов. Лексика на ихтиманския говор. — БД III, стр. 135.

[34] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 235.

[35] Дювернуа VI, стр. 1644; RJA IX, 42, стр. 904.

[36] Г. Горов. Странджанският говор. — БД 1, стр. 125.

[37] Срезневский II, стр. 942.

[38] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 234—235.

[39] Фасмер III, стр. 268; М. Фасмер. Греко-славянские этюды. — Сб. ОРЯС, т. 86, 1909, стр. 151.

[40] Фасмер III, стр. 270. О значении **pitja* см.: А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 182—189.

ными образованиями. Исходной для них считается основа *pitja. Процесс образования этих глагольных основ представляется Мейе следующим образом: первоначальные формы *pitjěję, *piijěti > *pitěję (диссимиляция двух j), *pitjati, далее в результате обобщения складываются формы *pitěję, *pitěti и *pitaję, *pitati [41]. Наличие в болгарском следов основы на -a дает основание предполагать, что именно эта основа на -a и явилась исходной для гл. *pitati, -ěti. В таком случае процесс образования глагольных основ упрощается, поскольку снимаются некоторые фонетические допущения.

Формирование лексической группы с корнем *pit-/*pět- в плане семантики протекало по разным направлениям. Только в русских диалектах утратившее первоначальную мотивированность *петать(ся)* перешло в семантический ряд 'мучиться, прилагать усилия'. В основном же в славянских языках эта лексическая группа, как показывает болгарский материал, втягивается в сферу обозначения продуктов растительной пищи, отражая в какой-то степени эволюцию способа их производства: ср. 'бить, толочь' → 'нечто размельченное, зерно' → 'каша', 'хлеб', 'пища'. Естественным развитием этого семантического ряда представляется значение *pitati, -ěti 'кормить, питать, давать жизненные силы', *pěstunъ* 'воспитатель'.

Некоторые данные славянских языков как будто бы показывают другое направление семантического развития. Для отдельных, обособленно стоящих восточнославянских лексем кажется допустимым предположение о родстве с *pět-/*pit- и их развитии на базе первоначального значения 'бить, колотить'. Таково блр. *пётун* 'обжора' [42], ср. семантически русск. диал. *лупеж* перм. 'обжора' [43] от *лупити*; *трескать* 'жрать, жадно поедать', *трескун* 'обжора' при *трёскаться*, *треснуть* 'лопаться', 'сильно ударить' [44].

Возможным отражением семантического ряда 'бить, колотить' → 'очесы, шелуха' и т. д. будут русск. диал. *питча* твер. 'дерюга, грубый холст из оческов' [45].

Слав. *muz(g)ati

принадлежит к этимологическому гнезду с и.-е. корнем *(s)meug-/k-, в состав которого включаются, с одной стороны, слав. *smuga 'полоса' и лтш. *smaugs* 'тонкий, стройный', лит. *smáugti* 'мучить, душить' [46], а с другой,— слав. *smukati / *smykati (ср.

---

[41] A. Meillet. Notes sur quelques faits de morphologie. — MSL, t. 11, f. 1, 1899, стр. 14—15.
[42] Бялькевiч. Магiл., стр. 326.
[43] Даль [3] II, стб. 709.
[44] Даль [2] III, стр. 429.
[45] Даль [2] III, стр. 115.
[46] Фасмер III, стр. 693; Fraenkel 11, стр. 841.

ст.-слав. смыкати са ξύρεσθαι Супр., с.-хорв. *смŷк* 'уж' и др.) и лит. *smaũkti*, *smaukiù* 'стягивать, сдергивать, тянуть', лтш. *šmukt*, *šmùku* 'скользить' [47].

Учитывая подвижный характер начального *s-* и возможность расширения корня различными элементами, в том числе палатальным *g'* и непалатальным *g* [48], можно внести некоторые уточнения в состав данного этимологического гнезда, установить генетические отношения для основ, не имеющих этимологии, и углубить понимание семантических отношений в пределах большой группы родственных слов.

Многочисленные славянские материалы убедительно свидетельствуют о том, что данное этимологическое гнездо может быть расширено славянскими образованиями с корнем **mug-*/ **muz-*/**muzg-*, отражающими в исходе и.-е. детерминатив **g-*/**g'-*. Небезынтересно поэтому проследить особенности именно этого ряда родственных лексем, выявить их структурные и семантические связи и отношения.

В первую очередь остановимся на глагольных образованиях. Наиболее разветвленную систему глагольных основ с общим значением 'тереть, сдирать', 'скользить', 'ухмыляться' представляют южнославянские языки.

В одной из своих работ Ф. Безлай обратил внимание на возможность сопоставления слав. **smuga* и словен. *múga* 'линия, полоса', *mugati* 'разглаживать, гладить' (Каринтия, зап. Штирия) [49]. Этот ряд соответствий могут продолжить словен. *múzati*, *am* 'делать гладким', *veje m.* 'сбрасывать листву', *korenje*, *čepo m.* 'очищать от грязи' (вост. Штирия), *pečene kostanje m.* 'лущить' (Каменица в р-не Марибора), 'давать пощечину', *múziti se* 'подкрадываться, ползти', 'ухмыляться', *mūžiti* 'отделять кору от веток', 'давить, жать', *grozdje m.* 'есть, жевать ч.-н. мягкое', 'есть беззубым ртом', *múzgati* то же [50], ср. резьян. *múzgalo* 'губы' [51].

Отражением этой основы являются болг. *мỳзам* гл. несв. 'обрывать листья, обдирать зерна; стирать, растирать', *умỳзам* гл. св. 'оборвать, стереть' [52] и *мỳжга се* 'скользить' с вторичным *ž* из *z* [53], макед. *музга се* 'скользить' [54], с.-хорв. *smûždìti*, *smûždim* 'стащить, стянуть', 'обобрать плоды', также *smug* 'дере-

---

[47] Фасмер III, стр. 694—695; Fraenkel 11, стр. 841—842, 849.

[48] P. Persson. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation. Upsala Universitets Årsskrift, 1891, стр. 5—28.

[49] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. — «Linguistica» VIII/1, 1966—1968, стр. 67.

[50] Pleteršnik I, стр. 621—622.

[51] Бодуэн де Куртенэ. Резьяне. Словарный материал. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 8, л. 246.

[52] С. Стойков. Лексиката на банатския говор. София, 1968, стр. 144, 248.

[53] Геров III, стр. 91.

[54] Конески I, стр. 427.

вянное приспособление, с помощью которого тянут камни' (на Враче) [55].

В западнослав. языках более четко выявлено значение 'жать, давить, мять'. Ср. кашуб. *mužʒёс*, *mužʒi* pf. 'мять, давить, дробить', *mužʒёс są* impf. 'толпиться (о людях)', 'ласкаться' [56], помор. *mᵘužʒəc* 'давить, жать', *mᵘúzgnąc* pf. то же, с глухим расширителем основы *mᵘúsknąc* 'гладить, ласкать' [57]. Сюда же, видимо, принадлежит польск. *muziać się* 'гладко причесываться (с оттенком иронии)', 'наряжаться' [58].

В этом же ряду основ может быть истолковано русск. диал. *смýздать* что, кур. 'стащить, стянуть, украсть', содержащее, видимо, экспрессивное *-d-* [59]. Ср. с тем же корнем словен. *odmúzniti* 'schnipfen, красть' [60]. Семантическую параллель образуют русск. *жулик* и болг. *жуля* 'царапаю, тру, обдираю' [61].

Разветвленную систему значений представляют и соответствующие именные основы, и выделяемые среди них лексико-семантические группы отражают определенные ступени семантической эволюции данного этимологического гнезда.

Вполне естественным и закономерным представляется использование именных основ для обозначения результатов действия, передаваемого соответствующими глаголами. К числу таких обозначений могут быть отнесены укр. *мýзьки*, *-зьок* 'начесы' [62], полесск. *мýз'а* 'вареное льняное семя, употребляемое для пропитания основы' [63].

Особую группу составляют обозначения животных и рыб. Трудно определить отправной момент семантического развития, но для рыб это могло быть значение 'скользкий'. Ср. словен. *múza* 'некая рыба на Бледе' и *smug* 'некая рыба' [64], с.-хорв. *muzga* 'морское животное' [65], русск. *музляй* пенз. 'рыба го́лец, оголе́ц' и новг. 'плакса' [66].

Как продолжение и развитие значения 'жать, давить' можно рассматривать словен. *múza* 'корова с загнутыми назад рогами', 'тонкая ветка (березы или вербы) гибкая и переплетенная', 'клубок спутанных женских волос', *mûzec* m. 'заяц с прижатыми ушами', *mûzelj* m. 'вол с загнутыми рогами', также *komúza* 'плохая шляпа', где *ko-* префикс [67].

---

[55] RJA XV, 66, стр. 819, 829.
[56] Sychta III, стр. 146—147.
[57] Lorentz. Pomor. I, стр. 548—549.
[58] Варшавский словарь II, стр. 1079.
[59] Даль [3] IV, стб. 300; Фасмер III, стр. 693.
[60] Pleteršnik I, стр. 776.
[61] Фасмер II, стр. 65.
[62] Гринченко II, стр. 453.
[63] Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 232.
[64] Pleteršnik I, стр. 621; II, стр. 524.
[65] RJA VIII, 30, стр. 184.
[66] Даль [2] II, стр. 358.
[67] Pleteršnik I, стр. 621, 428.

Если в перспективе глубокой древности исследуемый корень *_теи-_ образовывал чередующийся ряд *_теи-_/*_тй-_/*_тӣ-_, то возможным отражением ступени редукции будут некоторые чешские образования с приставкой _ko-_: чеш. валаш. _komzit'_ 'рвать, драть (платье)', _zkomzit'_ 'испортить, погубить'. Махек предположительно объединяет их с _rozkomsený_ 'взъерошенный, растрепанный' [68]. Последнее, как нам кажется, ближе по структуре основам, родственным русск. _комса́ть_ 'небрежно резать, кромсать', с.-хорв. _ко̀мсати_, _ко̀мса̂м_ 'жевать, грызть', производным от _ком_ [69].

Другая часть этого этимологического гнезда составляют основы с корнем *_myzg-_. Полнее всего лексемы с этим корнем сохраняют русские диалекты. Ср. _мы́згать_, _мы́згнуть_ с основными значениями 'шататься, таскаться без дела взад и вперед', '(об одежде) затаскивать, занашивать, истирать', _мы́знуть_ моск., смол. 'ударить, хлестнуть, стегнуть', 'кататься по льду на ногах', _мы́згаться_ 'кататься по льду', далее _смы́гать_, _смыгну́ть_ ворон., тамб. 'шмыгать, тереть, броснуть', ср. _смыгать_ конопель, с экспрессивным начальным _š-_ _шмыгать_, _шмыгнуть_ 'тереть, дернуть, шаркать' и многие другие [70].

В известном смысле лексико-семантическую параллель образуют русск. _шмыгу́ха_ 'плясунья', 'пронырливая искательная женщина' псков., твер. и польск. _myzia_ 'девчина интересная, проныра, ветреная' [71].

В круг близкородственных лексем, возможно, входит и русск. _мыз_ 'затес, косина от топора в конце бревна', если принять во внимание семантическую емкость глагольной основы. Русск. _мыз_ по-другому истолковывалось Ильинским, который связывал его с _мыс_ 'выдавшаяся клином часть чего-либо' [72]. Объяснение Ильинского предполагает допущение вариантности глухих и звонких согласных в исходе основы [73].

Другим продолжением этой основы можно считать словен. _šmígati_ 'хромать', а также _šemígati_ в том же значении [74]. Последнее Дебеляк относит, правда, к числу образований с приставкой _še-_ [75], однако не исключено, что в данном случае имело место экспрессивное развитие начального _še-_ из приставочного _s-_. Ф. Безлай предлагает разные этимологии для словен. _šmígati_. В одной работе он сопоставляет _šmígati_ с лит. _švaĩgti_ 'шататься, колебаться', выводя из и.-е. *_su̯ei-_, *_su̯oi-_ [76]. Несколько ранее

---

68 Machek [1], стр. 217.
69 Фасмер II, стр. 306.
70 Даль [3] II, стб. 951—952; IV, стб. 303; стб. 1457—1458.
71 Варшавский словарь II, стр. 1089.
72 Фасмер III, стр. 24.
73 G. Shevelov. A. Prehistory of Slavic, стр. 365—366.
74 Pleteršnik II, стр. 639, 623.
75 A. Debeljak. O mrtvih velarnih predponah. — SR V—VII, 1954, стр. 175.
76 F. Bezlaj. Etyma slovenica. Slovenska akad. znanosti in umetnosti. Razprave VII/4. Ljubljana, 1970, стр. 168.

им признавалось, что словен. *šmígati* не только в значении 'хромать', но и в значении 'украшать, наряжать' вместе с польск. *śmigać*, лтш. *mikât* 'давить' образуют одно гнездо родственных слов с очень неясными, расплывчатыми границами [77]. Трудно согласиться с подобным толкованием словен. *šmígati* в обоих значениях, поскольку в значении 'наряжать, украшать' оно является несомненным заимствованием нем. *schmücken*.

Вполне возможно, что в этом ряде основ найдут объяснение некоторые сербские и словенские лексемы с приставкой *ko-*: словен. *komízgati* (z ramo) 'пожимать плечами', *skomízgati*, *-niti* то же [78] и с.-хорв. *komizgati se* impf. 'постоянно двигаться, беспокойно стоять' (Славония), *komiznuti* pf. '(о ласточке) лететь стрелой' (Посавина) [79]. По-разному объяснялась корневая часть этих основ: Шуман сближал словен. *komízgati* с **mĕga*, **migati* [80], Скок относил эти основы к числу звукоподражательных, родственных *micati*.

Не совсем ясно, как относится сюда чеш. вал. *roz-komýzat'sa* 'думать, обдумывать', сравниваемое Махеком с *vy-komizat'* 'упрекать' [81]. Можно допустить, что в силу затемнения внутренней формы произошло фонетическое сближение с **-migati*, **-mĕžiti*, но остается трудно объяснимым семантический переход 'сдирать', 'сновать' → 'думать'.

Подводя итоги, попытаемся определить некоторые общие признаки данного этимологического гнезда. В плане структуры обращает на себя внимание подвижность исходного элемента корня (*k/g*, *z/zg*, *sk*) и возможность присоединения приставки *s-/š-*. Набор значений и их организация подчиняются семантической модели, которая характеризует синонимичные лексико-семантические ряды такие, как *лупить*, *лущить*, *теребить* и др. Основные значения рассматриваемого этимологического гнезда выстраиваются в следующий ряд: 'бить, ударять' — 'жать, давить, мучить' — 'отделять кору, кожу, драть, сдирать' — 'шелуха, отходы' — 'есть, жрать' — 'скользить, ползти' — 'беспокойно двигаться, сновать' — 'улыбаться, ухмыляться' — 'наряжать, украшать' и др.

Слав. **luzgati* / **lyzgati*

Типологически сходную этимологическую группу образуют основы с корнем **luzg-* / **lyzg-* / **lusk-* / **lysk-*. Именно в рамках

---

[77] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica» VIII/1, Ljubljana, 1966—1968, стр. 71—72.

[78] Pleteršnik I, стр. 428; II, стр. 492.

[79] RJA V, стр. 243; Skok. Etim. rječn. (рукопись).

[80] H. Šuman. Etymologische Erklärungsversuche. — AfslPh, XXX, 1909, стр. 297.

[81] Machek[1], стр. 216—217.

данного этимологического ряда могут получить объяснение некоторые не вполне ясные образования типа русск. диал. *лыскáть* 'бегать, рыскать', 'льстить', ст.-чеш. *lyziti sĕ* 'усмехаться', по-разному освещаемые в этимологической литературе. При выявлении внутрилексемных связей немаловажное значение приобретают типологические сопоставления этимологических гнезд одного семантического ряда. Сопоставления синонимичных рядов позволяют более четко определить границы круга родственных лексем, выявить их словообразовательные и семантические возможности, направление деривации, цепь допустимых переходов значений. Основы с корнями **luzg- / *lyzg-*, **muzg- / *myzg-* образуют более или менее однородные микросистемы внутри большой группы синонимичных лексем с общим значением 'шелушить, сдирать кожу'. Общим в строении этих основ является корневой вокализм дифтонгического происхождения и наличие расширителей *-z-/-zg-*, *-sk-*. Отличие их, пожалуй, в том, что в пределах этимологического гнезда с корнем **luzg-* одинаково продуктивны основы с расширителем *-zg-* и *-sk-* и допускаются другие расширители *-sp-*, *-st-*. Возможность появления глухого и звонкого варианта в исходе основы подтверждается такими примерами, как русск. диал. *лезгá*, псков., твер. 'болтун', *лезжáть* 'браниться, брюзжать' и *лéскать*, *лещать* 'хлопать, хлестать', *лозг* калуж. 'низменность со рвами' и *лоск* рязан., тульск. 'лощина', 'плоская низменность' [82], *верезжать* и *верещать* [83] и др.

Слав. **luzg-*, **lusk-* имеют широкий ареал распространения. Им точно соответствуют лит. *láužti* 'ломать', *lū̃žti* 'разбиваться, разламываться', *lū̃žis* 'трещина', *lū̃žtìs* 'куча дров', *lùzgis* 'оборванец', лтш. *laûzt* 'ломать', *laûska* 'обломки, осколки' [84]. Отражение долготы корневого гласного представляют слав. **lyzg-*, **lysk-*.

Этимологическое гнездо с корнем **luzg-*, **lusk-* славянские языки сохранили фрагментарно. Приступая к реконструкции этого этимологического ряда, остановимся в первую очередь на отношениях, образуемых основами **luzg-* и **lyzg-* в славянских языках.

Наибольшую продуктивность и многообразие значений эти основы обнаруживают в русских диалектах. Ср. *лузгá* 'осадка стены в деревянном строении', отсюда *лýзгать*, *лýзгнуть* 'оседать, садиться' арханг. [85] Более распространено *лузгá* в других значениях — 'чешуя, шелуха', 'толстый шов рогожного куля' новг., ворон., тамб. Широкий круг значений передают глагольные основы: ср. *лузжить* 'бить, колотить', *лузнуть* твер. 'клюнуть, выпить вина; хлестнуть, ударить', *лýзнуться* псков., твер.

---

[82] Даль[2] II, стр. 246, 248, 264, 268.
[83] Фасмер I, стр. 295.
[84] См. Фасмер II, стр. 530, 535; Fraenkel 5, стр. 347, 393.
[85] Подвысоцкий, стр. 84.

'поскользнувшись упасть, удариться'. Основы с корнем **lyzg-* представляют глагольные образования, распространенные, по данным словаря Даля, на территории псковских и тверских диалектов: ср. *лызга́ть* 'скользить по льду, кататься на коньках, на колодке или просто на ногах', *лы́згать* 'снашивать сапоги лызгая', *лызгону́ть, лызну́ть* 'улизнуть, дать тягу, ускользнуть, скрыться' [86]. Для этой основы отмечены и приставочные образования: ср. *слу́згать* твер. 'съесть, сожрать' и *слы́згать* псков., твер. 'истаскать об обуви', *слы́зить, слы́знуть* тамб. 'сробеть и отступиться от ч.-л., спасовать, струсить, смириться перед силой, перед угрозой' [87], далее *налызнуть, надолы́знуть* влад. 'надоесть, надокучить', псков. 'натравить, напустить?', *-ся* 'наткнуться, напороться' [88].

Приведенный материал русских диалектов показывает примерно тот же набор основных значений, что и в случае с **muzg-* / **myzg-*: 'ударить' — 'шелуха, чешуя' — 'жрать, есть' — 'убегать, отступиться' и др.

В остальных славянских языках это отношение не так четко выражено и его характеризует более узкий круг значений.

Так, чешские и словацкие материалы позволяют, как нам кажется, объединить в одно этимологическое гнездо следующие основы: слвц. *luznút* 'ударить по лицу', 'дать по уху, цапнуть; наступить' [89], *lúznit' sa s kým* 'ласкать, баловать' [90] и ст.-чеш. *lyziti sě* 'усмехаться, смеяться' [91], *ulyzati sě, ulyznúti sě* то же, валаш. *lyzit' sa* 'глупо смеяться' [92]. Последние Махек сопоставлял с русск. *лы́биться, улыскаться* и видел в них новообразование, возникшее путем мены *-sk-* на *-zg-*. Но, учитывая семантическую параллель, образуемую словен. *múziti se* 'ползти' и 'ухмыляться', а также некоторые другие моменты, о которых речь будет ниже в связи с русск. *улыскаться*, можно считать оправданным рассмотрение этих основ в рамках этимологического гнезда с корнем **luzg-*.

В болгарском основы, связываемые отношением **luzg-/*lyzg-*, закрепляются преимущественно в значении 'толкать', 'скользить, кататься'. Ср. болг. *лу̀згам* 'толкаю' [93], пирдоп. *лу̀згам* и *лу̀скам, лу̀зна, -еш* гл. несов. и сов. 'бью, мучаю' [94], хасков. *лу̀згъм съ, лу̀знъ съ* гл. несов. и сов. 'катаюсь' [95] и *лъзга̣м се* 'поскальзы-

---

[86] Даль[3] II, стб. 703, 714.

[87] Даль[3] IV, стб. 265, 268; Фасмер III, стр. 678.

[88] Даль[2] II, стр. 436.

[89] SSJ II, стр. 70.

[90] Machek[1], стр. 280.

[91] Šimek, стр. 75; Gebauer II, стр. 299.

[92] Šimek, стр. 193; Machek[1], стр. 280.

[93] Фасмер II, стр. 530.

[94] И. Кънчев. Говорът на с. Смолско. Пирдопско. — БД IV, стр. 116.

[95] В. Кювлиева и К. Димчев. Речник на хасковския градски говор. — БД V, стр. 79.

ваюсь', 'катаюсь на санках или прямо на ногах', *лъзгани̂ца* 'скользкое место' [96] — родоп. *лѝзгам са* и *лѝзгна са* гл. несов. и сов. 'катаюсь', *лѝзга са* безл. 'кататься, скользить'[97] и др.

Очень слабо выражено это отношение в сербохорватском, точнее его можно предполагать на основании некоторых сохранившихся лексем. Ср. с.-ц.-слав. *лузгати* 'жевать' [98], с.-хорв. *lȕzati*, *lȕzâm* 'говорить много и выдавать при этом тайну', *lȕzav* прил. 'кто много говорит и не то, что нужно' [99] и, возможно, *lìzgar*, *lizgára* 'заступ, железная лопата' [100], если последнее, как и русск. *лыска́рь* [101] в том же значении, продолжает **lyzgati*, **lyskati* 'бить, ударять'.

Можно думать, что следы отношения этих основ в словенском сохраняют *lúzgati-luskati* 'лущить, чистить' [102] и резьян. *lizgati se* 'подкрашиваться', ср. семантически польск. *muziać się* 'наряжаться'. Привлекаемые Безлаем в связи со словен. *lizgati* лексемы *prilizováti se* 'льстить', *lizûn* 'льстец' по форме и значению скорее соотносятся с гл. *lizati* [103].

Несколько проблематична принадлежность к этому этимологическому гнезду лексемы **lyža*. По мнению Бернекера и Фасмера, именно основа *lyzgati* в значении 'скользить по льду' послужила отправным моментом в формировании этой лексемы [104]. Русск. *лыжа*, которое также значит 'брус в санях, киль баржи', имеет некоторые славянские параллели (ср. укр. *ли́жва* 'лыжа', польск. *łyżwa* 'плоскодонная длинная лодка', ст.-польск. *łyża* 'лыжа'), в числе которых отмечается и с.-хорв. *лѝгуре* (центр. и зап. р-ны Сербии) 'маленькие санки', 'маленькие коньки', 'приспособление, похожее на санки, для перевозки сена, камней' [105]. Основная трудность этого сопоставления связана с объяснением консонантизма в исходе корня. Признание же родства с **lyzgati* исключает одновременное сопоставление с некоторыми балтийскими лексемами, очень близкими по значению, для которых Френкель реконструирует корень **k'leu-* без приставки *s-*: ср. лит. *šliaũžti* 'ползти, скользить', *šliáuža* 'подхалим; пресмыкающееся; лыжник', лтш. *slũžât* 'скользить' [106].

То же отношение корней представляет основа с расширителем *-sk-*. Основа **luska*, имеющая общеславянское распространение

---

[96] Г. Горов. Странджанският говор. — БД I, стр. 108.
[97] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, стр. 184.
[98] Фасмер II, стр. 530.
[99] RJA VI, 25, стр. 230.
[100] RJA VI, 24, стр. 131.
[101] Фасмер II, стр. 541.
[102] Pleteršnik I, стр. 538.
[103] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen.
[104] Berneker I, стр. 752; Фасмер II, стр. 540.
[105] И. Попович. Неколико прилога речнику нашег језика. — «Наш језик» II, 5—6, 1951, стр. 214—215; Skok. Etim. rječn. (рукопись).
[106] См. Фасмер II, стр. 540; Fraenkel 13, стр. 1003, 1007—1008.

(ср. русск. *луска́* 'шелуха, кожица', словен. *lûsk* 'стручок', польск. *łuska* то же и др.) [107], в отдельных славянских языках и их диалектах обнаруживает чередующийся вариант **lysk-*. Ср. с.-хорв.[108] *lȕska=ḽuska* 'шелуха' и *liska* 'стручок, оболочка', болг. *л'у̍скъм* и несов., *л'у̍снъ* гл. сов. 'дать пощечину' [109], *л'ущтę* 'лущить', 'продолжительно играть на свирели' [110] и *ли̍скам* гл. несов., *ли̍сна* гл. сов. 'широко, размашисто выбрасывать жидкость' [111].

Структурная и семантическая модель этой группы лексем допускает истолкование некоторых образований как продолжение и дальнейшее семантическое развитие основ с корнем **lysk-*. При этом имеются в виду др.-русск. *лыснутися* 'улыбнуться', *лыщатися* 'улыбаться', *улыскатися*, *улыснутися* то же [112] и русск. диал. *лы́скать* 'бегать, рыскать', 'уклоняться от дела' псков., твер. и 'вбиваться к к.-л. в честь, стараться приобрести доверие', *лы́ска* 'человек, который суется туда, куда его не спрашивают', *лыско́м* нар. 'лестно, льстиво', *лыскачи́* мн. 'вздорный разговор' [113]. Эти основы с корневым *-ы-* сближаются этимологами и с *ласка*, *ласкать*, и с *лоск*, объясняются и как интенсив на *-ск-* от *лыбить*, *улыбаться* [114]. Семантическим обоснованием возможного родства этих образований с **luskati* служит рассмотренный выше набор значений, характеризующий структурно сходное этимологическое гнездо с корнем **muz(g)-/*myzg-*. Доказательством семантического перехода 'лущить, лупить' → 'скользкий' → 'ухмыляться, улыбаться' служит и приводимое Махеком чеш. опавск. *vylypovat se* 'смеяться', родственное **lupiti* [115].

В русских диалектах отмечено *лускова́тый* в значении 'пологий' [116] и *взлыз* 'взлобок, пригорок' [117]. Можно допустить, что эти лексемы родственны тем же основам **lyzg-*, **lusk-*. Возможность развития их на основе значения 'скользкий' как будто бы подтверждают укр. *слизина* 'крутой, отвесный берег', *склезь* 'крутая скала' [118].

Этот корень получает и другой расширитель — *-sp-*. Основу с этим расширителем в разных ступенях чередования представляют

---

[107] Фасмер II, стр. 535.
[108] RJA VI, 24, стр. 109.
[109] Н. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско.— БД V, стр. 29.
[110] Г. Горов. Странджанският говор. — БД I, стр. 107.
[111] И. Кънчев. Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV. стр. 116.
[112] Срезневский II, стб. 63; III, стб. 1201.
[113] Даль³ II, стб. 717.
[114] Фасмер II, стр. 541.
[115] Machek¹, стр. 280.
[116] Добровольский, стр. 384.
[117] Даль² I, стр. 198.
[118] Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968, стр. 279.

русск. *луспа* 'кожура, полова, мякина' [119] и словен. *lišpati se* 'обдирать', напр. *protje lišpati*, *koža se lišpa* [120].

Некоторые образования как будто бы показывают расширитель -*s*-: ср. русск. диал. *лусúти* 'стучать', 'трещать' [121], возможно, *лусóй* 'холодный и порывистый ветер, сопровождаемый снегом' калуж.[122] и с другой ступенью корневого вокализма словен. *lisiti se* 'ухмыляться' и, возможно, *lisíca* 'дефектная доска' (вост. Штирия), *lisíčasta deska* 'доска без острого канта' [123], семантически ср. русск. *мыз*, *лусковатый*.

Укр. *репатися*

Отдельным славянским языкам известны образования, для которых можно предположить корень **rep-*. Это — укр. *рéпати(ся)* 'трескать(ся), лопать(ся)', *рéпнути* 'треснуть, растрескаться, лопнуть', 'с силой упасть на землю' и производные *репíгати* 'сильно лить', *репíжити* 'сильно колотить, бить', 'плакать, рваться', *рéпанець* 'треснувший плод, хлеб', *рéпаний* 'корявый, потрескавшийся', 'простой, грубый, неотесанный' [124]. Близкородственными образованиями являются русск. диал. *ре(ѣ)паться* юж. 'лопаться, трескаться, щемиться', 'двигаться (о детях)' [125] и болг. *репейáк* 'неровная, шероховатая поверхность' (с. Калугерово) [126]. Отражением этой основы можно признать с.-хорв. *po-rèpiti*, *po-repȋm (se)* 'отступить(ся) от веры' [127], *ȍrepak*, *ȍrepka* 'легкое и плохое зерно, которое отделяется от тяжелого и хорошего' (Вук), *orepine* plur. 'старье, хлам, отрепье' [128].

Поиски дальнейших связей и соответствий приводят к этимологическому гнезду, объединяющему лексемы с основой **ropa* 'гной'. Праслав. **ropa* не имеет определенной этимологии, и сближение его с основами, содержащими корень **rep-*, поможет в какой-то степени прояснить внутренние связи, определившие становление этой лексемы. Наиболее точные соответствия этим основам, связанным чередованием *e* : *o*, находим в латышском языке: ср. *rept* 'зарубцовываться', *repeči* 'нечто неровное, покрытое струпьями, лопнувшая, потрескавшаяся кожа', *aprep(ê)t* 'зарастать, зарубцовываться, потрескаться от грязи', *izrapêt* 'становиться

---

119 Фасмер II, стр. 535.

120 F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, стр. 72.

121 П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров зап. Брянщины, стр. 257. Рукопись.

122 Картотека словаря русских народных говоров.

123 F. Bezlaj. Указ. соч., стр. 73.

124 Гринченко III, стр. 24, 243; IV, стр. 12, 13.

125 Даль³ IV, стр. 92; Фасмер III, стр. 472.

126 Ст. Илчев. Към ботевградската лексика. — БД I, стр. 200.

127 Iveković-Broz II, стр. 119.

128 RJA IX, 39, стр. 163—164.

гнилым, ноздреватым' [129]. Для слав. **гора* близкородственной основой признается др.-инд. *rápaḥ* ср. р. 'ранение, телесный ущерб' [130].

Если структура рассматриваемых основ как будто бы не вызывает затруднений, то их семантическая связь, а именно переход значений 'лопать, трескаться' → 'гной', нуждается в специальном обосновании.

Для доказательства возможности и закономерности этого отношения основ обратимся к более подробному освещению того круга значений, который представляет слав. **гора*.

Праслав. **гора* имеет своим продолжением русск. диал. *ропá* или *рапá* перм. 'крутой рассол, соленая матка, из которой вываривают соль; натечная вода в соляных озерах', *ропá*, *рóпа* стар. 'сукровица, дурной гной' [131], укр. *ропá* 'сукровица', 'рассол', 'нефть', *рóпище* 'место, где имеется в земле нефть' [132], блр. *рóпа* 'пена, выходящая изо рта и носа умершего' [133], польск. *ropa* 'гной', 'черная густая блестящая смола', 'соленая вода, приготовленная для соления огурцов', 'водяной пар', *ropić* 'вызывать нагноение', *ropien*, *-pnia* 'болячка', *ropniak* 'гнойное воспаление' [134], помор. *ropa* 'водяной пар', *ropní* 'душный, знойный', *ropac* 'парить' [135], чеш. *ropěti* 'сочиться, течь' и *rapěti* 'трескаться, лопаться' [136], отмечено также *ropa* в старых названиях соляных источников [137]. Интересные данные дают болгарские диалекты: *рòпка*, *рòпа* 'яма, ров, дыра' [138], *рôпкам* 'ударять, стучать', перен. 'наказывать', *рòпчев* прил. 'кто имеет на лице следы от оспы', *рôпу* м. р. 'суровый, неотесанный, ленивый человек' [139].

Таким образом, материал славянских языков показывает следующие основные значения для основы **ropa*: 'яма, ров', 'источник', 'испарение', 'нагноение, гнойное воспаление'.

Полное семантическое представление основ **rep-* и **ropa* позволяет в следующем виде наметить взаимообусловленность значений в рассматриваемом этимологическом гнезде: 1) 'лопать, трескать(ся)' — 'бить, струиться' — 'трещина, яма, дыра' и 'источник' — 'нагноение, воспаление', 2) 'лопать, трескать(ся)' — 'трещина' — 'неровность' — 'корявый, грубый'. Семантическая модель, по которой строятся отношения основ **rep-* и **ropa*

---

[129] F r a e n k e l 10, стр. 721.
[130] Ф а с м е р III, стр. 501.
[131] Д а л ь [2] IV, стр. 103.
[132] Г р и н ч е н к о IV, стр. 65.
[133] Н о с о в и ч, стр. 566.
[134] Варшавский словарь V, стр. 562.
[135] L o r e n t z. Pomor. II, стр. 146.
[136] K o t t III, стр. 93, 26.
[137] M a c h e k [1], стр. 421.
[138] Д. С а к ъ о в. Принос към речника на кукушкия говор. — БД III, стр. 334.
[139] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД II, стр. 259.

согласуется с тем кругом значений, который показывают близкородственные образования в латышском и древнеиндийском.

Отмеченная зависимость значений хорошо подтверждается следующими параллелями: русск. *ломить*, *ломать* — *лом* диал. 'болото' [140], *лопать(ся)*, *лопнуть* — *лóпань* 'колодец на болоте', название реки *Лóпань* [141], *прыскать* — *прыщ* 'пузырь, волдырь' [142], *трескать(ся)* — *трещина* 'лопнувшее место' — *трескú* мн. 'древесные осколки' — *тресóчник* юж. 'перегной из мелкой щепы и бурьяна для окладки хилых плодовых деревьев' [143].

Изучение семантических возможностей этого ряда основ позволяет определить место таких болг. образований, как *репѐжим се* 'надуваться, важничать, чваниться, сердиться' [144], *рѐпчим се* 'гордиться, важничать' [145]. Наличие в русских диалектах отношения *прыщ* — *прыщиться* и *прущиться* 'раздуваться, пыжиться, ерошиться; вздымать на себе шерсть, перья' [146] служит достаточным основанием для объединения болг. *репѐжим се*, *рѐпчим се* в одно этимологическое гнездо вместе с **rep-*, **ropa*.

Словен. *lohnẹ́ti*

Словарь Плетершника отмечает глагол *lohnẹ́ti* в значении 'чуять; стремиться, требовать' [147]. Этот глагол формально имеет структуру отыменного образования на *-ěti*, производного от основы прилагательного *loh-n-*. Соответствующий глагол на *-iti* отсутствует. Но такому формальному объяснению противоречит фонетический состав основы: перед суффиксом *-ьn-* следовало бы ожидать изменение $x > \check{s}$. Поскольку такое изменение не представлено, можно предположить, что в данном случае имело место или позднее оформление основы *loh-* суффиксом *-n-*, или, что более вероятно, переразложение первоначального глагола на *-nǫti* > словен. *-niti* и осмысление его как отыменного на *-n-iti*. Результатом этого процесса явилось образование словен. *lohnẹ́ti* по образцу глаголов на *-iti/-ěti*.

Славский ставит словен. *lohnẹ́ti* в один ряд с польск. *lochać się* 'проявлять половое влечение (о свиньях, кабанах)' (повсеместно в Мазовии), блр. диал. *lochájec'c'a* то же (Полесье) [148]. С ними сопоставляются разнородные образования, некоторые из них, по всей

---

140 Фасмер II, стр. 515.
141 Фасмер II, стр. 518.
142 Фасмер II, стр. 392.
143 Фасмер II, стр. 429.
144 И. Шапкарев и Л. Близнев. Речник на самоковския градски говор. — БД III, стр. 271.
145 Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, стр. 103.
146 Даль² III, стр. 530.
147 Pleteršnik I, стр. 528.
148 Sławski IV, 3, стр. 319—320.

видимости, имеют иное происхождение. Это — слвц. *lóchat'* 'жадно пить, лакать, хлебать', *láchat'* 'испытывать жажду', которые в словаре Махека справедливо объясняются как экспрессивные образования от **lokati*[149]. Таким же образом можно понять укр. диал. *лóхати*, *лóхатися* 'алкать, чувствовать голод'. Приведенное в числе возможных соответствий с.-хорв. *ljȍsnuti* 'ударить, упасть с криком' следует отнести к числу экспрессивных образований, родственных русск. *лескать*, *лес(к)нуть* 'щелкать, хлопнуть'[150]. Славский приводит объяснение Тарнацкого из нем. *locken* 'манить', при этом отмечает, что исходная основа не установлена.

Представляется возможным истолкование словен. *lohnẹ́ti* и его соответствий как исконно славянских образований в рамках этимологического гнезда с корнем **lasъ*.

Изучение славянского материала показывает, что словен. *lohnẹ́ti* вместе с некоторыми другими изолированными лексемами образует тот ряд основ, который характеризует корневое *o*. В этот ряд соответствий входит польск. диал. *ɫ̃ochać* 'бегать, рыскать'[151]. Варшавский словарь отмечает лишь приставочный многократный глагол с корневым *-a-*: *naɫachać się̧* 'бегать без цели'[152]. Сюда же можно отнести русск. диал. *лóснить* охотн. орл. '(о звере) рыскать, бегать'[153], олон. *лошить* 'стеречь, подстерегать, выжидать удобную минуту', *излошился* 'изловчился'[154]. Возможным соответствием являются русск. волог. *лошить* что 'красть (?)'[155] и блр. *лахыць* (< *lox-) 'ходить, обходить'[156].

В рассматриваемой группе основ наблюдается, как видим, известное семантическое отношение: 'хотеть' — 'выжидать, подстерегать, выслеживать' — 'охотиться', ср. восточнослав. название *охоты* от *хочу*, *хотеть*, нем. *Weidmann* 'охотник': *sich weiden* 'наслаждаться'[157].

В поисках дальнейших связей мы приходим к лексической группе, рассматриваемой Махеком в статье на *lašovati* морав., слвц. 'следить, выслеживать по лакомству (о детях, высматривающих в садах, особенно чужих, овощи, горох, мак)', куда включены ляш. *lašovat'* и *lachovat'*, слвц. *lasovat'*, *lašnovat'*[158]. В словаре Котта приводится слвц. *lašovati* в значении 'следить, подслушивать, поджидать, подстерегать'[159]. Далее сюда относятся польск.

---

[149] Machek¹, стр. 274.
[150] Фасмер II, стр. 486.
[151] 7-й отчет кандидата Станислава Микуцкого. — Изв. ОРЯС IV. СПб., 1855, стб. 404.
[152] Варшавский словарь II, стр. 897.
[153] Даль³ II, стр. 694.
[154] Куликовский, стр. 51.
[155] Даль² II, стр. 270.
[156] Бялькевіч. Магіл., стр. 248.
[157] Фасмер III, стр. 176.
[158] Machek¹, стр. 259.
[159] Kott I, стр. 880.

łasować, *łaszować* 'украдкой пробовать лакомство'[160], русск. *ласовать* псков. 'лакомиться'[161]. Для всех этих образований восстанавливается исходная основа **lasъ* 'лакомый, жадный', входящая в обширное гнездо родственных слов вместе со слав. **laska*, др.-инд. *lasati* 'желает', *lásati* 'сияет, блестит, играет', *lālasas* 'алчный, яростный, жаждущий', греч. λιλαίομαι 'сильно желаю, добиваюсь'[162]. Два основных значения — 'ласкать, льстить' и 'желать; жадный, похотливый' — определяют семантическое содержание всей этой совокупности родственных слов.

Опираясь на особенности структуры изучаемых лексем (чередование *o* ~ *a*) и закономерности семантического развития, можно предположить, что основы **lox-* и **las-*, **laš-* образуют ответвления одного этимологического гнезда, распавшегося на отдельные группы изолированных лексем, утративших исконную связь.

Особо следует остановиться на укр. *лóхнути* 'быть в отчаянии'[163], 'тосковать'[164], которое, как можно думать, продолжает основу **lox-*. Миклошич связывает с ним лексемы, не отмеченные в словаре Гринченко: *лох* 'испуг, страх', *лохати*, *лошити* 'спугивать, прогонять', *лохливый* 'пугливый'[165]. Известные попытки этимологизации укр. *лохнути* наталкиваются на некоторые фонетические и семантические трудности, несмотря на ясность и прозрачность структуры этого образования. Бернекер без особых разъяснений объединяет укр. *лохнути* и слав. **lošь* 'дурной, плохой'[166]. Сопоставление Ильинского с лит. *láukti*, *luketi* 'ждать', др.-прусск. *laukīt* и реконструкцией на этой основе исходного корня **lъx-* представляется фонетически не обоснованным[167].

Предлагаемое объяснение укр. *лохнути*, *лох* на основе сближения со словен. *lohnẹti*, русск. *лоснить* не противоречит структуре этих основ, а в плане содержания опирается на семантическое отношение: 'желать, искать' → 'двигаться, бегать' → 'обозначение определенного душевного состояния, страх, испуг'. Закономерность такого перехода убедительно показана З. Ондрушем на большом индоевропейском материале[168]. Широкое сравнительно-историческое освещение семантики таких слов, как греч. φόβος, нем. *schrechen*, *Furcht*, русск. *пугать*, *полошить*, ст.-слав. *страхъ*, приводит его к мысли, что абстрактное значение 'бояться, страх'

---

160 Варшавский словарь I, стр. 799.

161 Опыт, стр. 101.

162 Bernekeг I, стр. 692—693; Pokorny I, стр. 654; Фасмер II, стр. 461.

163 Гринченко II, стр. 378.

164 Г. Ільїнський. Похождения українських слів. 3. *Лохнути* — сумувати. — Рідне мова I, 3, 1933, стр. 80—81.

165 Miklosich, стр. 172.

166 Berneker I, стр. 734.

167 Г. Ільїнский. Указ. соч., стр. 80—82.

168 Š. Ondruš. K etymologickému výkladu indoeurópskych pomenovaní strachu. «Jazykovedný časopis», X. Bratislava, 1959, стр. 7—20.

сложилось на основе конкретного значения ‘убегать, скакать, трястись’.

Учитывая это семантическое отношение, можно расширить рассматриваемый ряд соответствий русскими *шелбшить*, *шелохну́ть* ‘трогать, шевелить, колебать’ и ‘полошить, пугать, разгонять’ [169], если видеть в их структуре сочетание корня *лох-* с приставкой *ше-*, ср. *лупить* — *шелупина* [170]. Русские образования как будто бы не имеют широких славянских параллелей [171]. При сопоставлении их с русск. *лошить*, *лоснить* и др. следует, видимо, исходить из того, что русск. *шелошить*, *шелохнуть*, будучи экспрессивными образованиями, закрепились в одном из значений, характеризующих весь этот ряд родственных основ, а именно в значении ‘неопределенно двигаться’, на базе которого впоследствии сложилось значение ‘пугать, полошить’.

Подводя итоги, можно сказать, что привлечение рассмотренного выше славянского материала, объединяемого в одно этимологическое гнездо с корнем **lasъ*, позволяет восстановить для этих основ чередование *о* ~ *а*.

Словен. *lẹ́hniti*

Словен. *lẹ́hniti*, также *lejhniti* ‘проходить, прекращать, переставать’ (Прекмурье), ср. sen *lehne*, vse *lehne* [172], по мнению Безлая, точно соответствуют лит. *léisti*, *láisti*, *láidyti* ‘оставлять, покидать’, *laidà* ‘падение, упадок’ [173]. Восстанавливаемый для балтийских основ корень **lēi̯d-/*līd-* делает, однако, это сопоставление фонетически неудовлетворительным [174].

Представляется, что словен. *lẹ́hniti*, а вместе с тем и *lệhet* м. р., ср. to mi je *šlo* v *lehet* ‘потерпел убыток’, могут получить иное истолкование [175].

Семантика словенских основ, их структура допускают возможность корневой этимологической связи со слав. **lixъ*, **lišiti*, которые характеризуют два основных значения: ‘дурной, злой’ и ‘оставлять, лишать ч.-л.’ [176] Словен. *lẹ́hniti*, будучи довольно изолированным в словарном составе языка, интересно в этимологическом отношении тем, что позволяет несколько расширить наши представления об отражении корневого вокализма основы **lixъ* в славянских языках. Предполагаемый для слав. **lixъ* корень **lei̯ks-* имеет ступень чередования *о*, которую отражает не

---

[169] Даль[3] IV, стб. 1419.
[170] Vasmer III, стр. 389.
[171] Vasmer III, стр. 388.
[172] Pleteršnik I, стр. 507.
[173] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, стр. 81.
[174] Fraenkel 5, стр. 351.
[175] Pleteršnik I, стр. 506.
[176] Фасмер II, стр. 505.

только русск.-цслав. *лѣкъ* 'остаток' [177], но и словен. *lẹ́hniti* < **loịks-*.

Таким образом, словенский сохраняет архаичное отношение основ *liš-* : *leh-* с чередованием *e* : *o*. Следы этого чередования можно видеть также в польск. *leszny* / *liszni* 'лишний, ненужный, напрасный', ср. Moszna rzecz *leszna*, lecz zdobi walachy [178].

Словен. *kvŕga*

Словен *kvŕga* 'сучок' [179] вместе с с.-хорв. *kvȑga* 'нарост' [180] могут быть истолкованы как продолжение праслав. **vьrga* с приставкой *ko-* или *ka-*.

Праслав. основа **vьrg-* проделала определенную эволюцию, отдельные этапы которой еще в живой связи сохраняют славянские языки. В совокупности значений, связанных с этой основой, в качестве основных и существенных можно выделить следующие: 'плести, вязать' — 'веревка' — 'нечто сплетенное' — 'обманывать'. Взаимосвязь этих значений, легко поддающаяся установлению, может быть проиллюстрирована хотя бы на примере др.-русск. *вързати* 'вязать', русск. *повересло* 'завязка', *ве́рзни* 'лапти', *ве́рзить* 'нести чушь, лгать' и их соответствий [181].

Этимологическое гнездо с корнем **vьrg-/*vьrz-* обширно. В связи с интересующими нас словами более подробно остановимся лишь на одной лексико-семантической особенности, наиболее четко проявившейся в южнославянских языках. Материалы южнославянских языков указывают на существование целого ряда тождественных лексем в особом значении: 'нечто выпуклое', 'вздутие', 'нарост'. Об этом свидетельствуют болг. диал. *върга* 'опухоль на голове или теле', 'утолщение на палке', *вра̀га* 'опухоль от удара, вздутие, отек', 'открытая рана' [182], *вру̀га* 'затвердевшее место на коже' [183], *вȏрга* 'опухоль', 'нарост', 'небольшое возвышение среди равнины' [184] и многочисленные производные, с.-хорв. *врж* 'нарост на стебле', 'утолщение костного сустава' [185]. Очень определенно прослеживается лексико-семантическое тождество для образований с приставочным *s-*: ср. с.-хорв. *сврж* 'ветка с наростом', *свржак* 'нарост на растении' [186], словен. *svȓg*, *svȓž* 'сердцевина дерева, растения', 'сучок', *svržíka* 'сучок в стволе',

---

177 Там же, стр. 477.
178 Варшавский словарь II, стр. 751, 721.
179 Pleteršnik I, стр. 494.
180 RJA V, 23, стр. 856—857.
181 Фасмер II, стр. 294—295, 298—299.
182 БЕР, стр. 209—210.
183 З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. — БД I, стр. 244.
184 Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 141.
185 БЕР, стр. 209—210.
186 БЕР, стр. 210.

‘сухая ветка’, *zvȑg* ‘сучок’ [187], болг. *свърга* ‘нарост на дереве’, ‘опухоль на теле’ [188]. Из западнославянских языков продолжает эту основу только польск *warga* ‘губа’ [189], сопоставляемое с др.-прусск. *warsus* [190].

Словен *kvŕga*, с.-хорв. *kvȑga* хорошо укладываются в этот ряд соответствий, если принять, что это образования с усеченным префиксом *ka-* или *ko-*. Возможность сочетания этих основ с префиксом *ko-* или *ka-* подтверждают русск. *ка́верза* ж. р. или *ка́верзы* мн. ‘крючки, происки, ловушки или помехи’, *ко́верзень* м. р. смол., псков., *каверзни́* мн. ч. твер., псков. ‘летние лапти на босу ногу’ [191] и с.-хорв. *kavȑgati*, *kavȑgâm* ‘неодинаково и неровно прясть’ (р-н Лики) [192]. С.-хорв. *kavȑgati* вместе с болг. *варзу̀л’ка* ‘узел в пряже или ткани’ [193] содержат тот основной семантический признак (‘некое утолщение’, ‘неровность’), который позволяет объяснить весь этот более или менее однородный ряд образований.

Приведенный материал наводит на мысль, что южнославянские языки, а также русские диалекты отражают лексикосемантический диалектизм с префиксальным *ka-*, *ko-*.

Корректурное примечание. Список славянских соответствий, продолжающих праслав. **muzgati*/**muskati*, дополняет блр. *асмузкваць*, *асмускваць* ‘обрывать зерна у овса, захватывая пальцами один или несколько колосьев’. См. А. Я. Супрун. *Асмузкваць*. — Веснiк БДУ. Серия IV, № 2, 1973, стр. 66.

---

187 Pleteršnik II, стр. 619, 950.

188 БЕР, стр. 210.

189 Brückner, стр. 602; Г. А. Ильинский. Славянские этимологии XXIV. Польск. *warga* ‘губа’. — Изв. ОРЯС, XXIII, 1. СПб., 1918, стр. 164—165.

190 Miklosich, стр. 376.

191 Даль³ II, стб. 171; Фасмер II, стр. 271.

192 RJA IV, 17, стр. 908.

193 Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 136.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. I

С.-хорв. *мрѐна*

С.-хорв. *мрѐна* ʻбельмо, катаракта' не имеет надежной этимологии. Попытка Ф. Миклошича охарактеризовать его как заимствование из латинского (*membrana*) [1] была отвергнута еще составителями Загребского словаря [2]. Действительно, трудно себе представить возможность и реальность столь коренной перестройки структуры слова, каковая предполагалась бы при данном толковании — *membrana* > *мрѐна*! Но, к сожалению, иного, более приемлемого, этимологического решения, по-видимому, не предлагалось. Неточно до сих пор определялась и область распространения рассматриваемой лексемы: считалось, что она обнаруживается, кроме сербохорватского языка, только в словенском (*mrę̂na*, *mrę́na*) [3]. Однако этот ареал следует расширить за счет привлечения еще одной славянской параллели — болг. диал. (родопск.) *мр'ѝнка*, ж. ʻкатаракта' [4]. И тогда нужно говорить о наличии данной лексемы уже в трех южнославянских языках — сербохорватском, словенском и болгарском (диал.).

Изучению этимологической природы «темного» слова в значительной степени может содействовать подробный анализ его семантики в целях выяснения наиболее древнего, первичного, значения. Болгарский материал предоставляет нам лишь два значения (оба — из родопского говора): ʻкатаракта' (см. выше) и ʻжировые блестки, плавающие на поверхности супа' (*мрѐнки*) [5]. Что же касается сербохорватского и словенского слов, то они зафиксированы с более разветвленной семантикой, что также может свидетельствовать в пользу исконного, а не заимствованного характера исследуемой лексемы (ср. слова с аналогичным значением *glaucoma*, *katarakta*, которые, будучи заимствованными многими языками, употребляются в них в узком терминологическом значении ʻбельмо, катаракта', не давая семантических и словообразовательных производных).

Так, в сербохорватском *мрѐна* значит не только ʻкатаракта, бельмо', но и (по отдельным областям Хорватии и Славонии) — ʻтонкая кожица (пленка) под яичной скорлупой', а *мрѐница*

---

[1] M i k l o s i c h, стр. 204.
[2] RJA VII, стр. 54—55.
[3] Там же.
[4] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД V. София, 1970, стр. 188.
[5] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД II. София, 1965, стр. 211.

(первоначально — деминутив от *мрёна*) — не только 'катаракта', но и 'кожица (пленка) вокруг ядра ореха', а также — 'pia mater' ('мозговая оболочка') и 'retina' ('глазная сетчатка') [6]. В словенском *mrę̂na* (*mrêna*) употребляется с таким набором значений: 'катаракта, бельмо', 'плева, пленка', 'оболочка', 'оболочка, в которую заключен плод в материнской утробе (послед)', 'диафрагма', 'пенка' [7].

Таким образом, сербохорватские и словенские примеры демонстрируют нам в качестве основного значение 'тонкая кожица, пленка, плева', которое, будучи безусловно первичным, и явилось базой для возникновения более позднего — 'бельмо, катаракта'. Это основное значение ('кожица, пленка') прослеживается и в производных образованиях: с.-хорв. *мрёнити се* 'покрываться легкими облаками (словно тонкой кожицей, пленкой) (о небе)' [8], словен. *mréniti se* — то же, *mrénast* 'имеющий сходство с пленкой', *mrenàt* 'кожистый, пленчатый, плевистый' [9].

Аналогичную семантическую эволюцию (иногда с одним отсутствующим звеном) ('кожа шкура' →) 'кожица (шкурка, шелуха); пленка; оболочка' → ('пленка, оболочка на глазном яблоке') 'бельмо, катаракта' можно наблюдать в целой серии случаев.

Так, в.-луж. *mjadro* 'катаракта, бельмо', ум. *mjadresko* 'пленка на глазном яблоке' [10] связывается Шустер-Шевцем с праслав. **męzdra/o* [11] (**męsdьra*), представленным в славянских языках с таким кругом значений: русск. *мяздрá*, *мездрá* 'внутренняя сторона шкуры', укр. *мя́здра* 'кора, внутренняя сторона кожи', русск.-ц.-слав. *мяздрица* 'оболочка яйца', болг. *мездрà*, 'почечный жир, сало', с.-хорв. *мéздра* 'кожица, пленка (оболочка)', словен. *mêzdra*, *mézdra* 'внутренний слой кожи', 'молодая кожица на свежей ране', 'заболонь под корой дерева', *mézdro* 'лыко', чеш. *mázdra* 'кожица, пленка', польск. *miązdra* 'мездра', диал. *mięzdra*, также *miazdra* и т. д.[12]

В южнорусских памятниках XVI—XVII вв. употреблялись слова *скороглазина* 'бельмо' и *скороглаз* 'с бельмом'[13], первая часть которых (*скор-*) со значением 'пленка, кожица (на глазу)' соотносится с общеславянской лексемой *skora* 'шкура' [14]. Данная лексема имеет следующие континуанты в славянских языках, фиксируемые М. Фасмером: русск. *скорá* 'шкура', *скóрка* 'корка

---

[6] RJA VII, стр. 54—55.
[7] Pleteršnik I, стр. 610; Хостник, стр. 119.
[8] RJA VII, стр. 55.
[9] Pleteršnik, там же.
[10] Pfuhl, стр. 363.
[11] Х. Шустер-Шевц. Сербо-лужицкие этимологии. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 88.
[12] Фасмер III, стр. 29.
[13] С. И. Котков. Очерки по Лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 104.
[14] См. об этом слове В. А. Меркулова. Народные названия болезней II (на материале русского языка). «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 174.

(хлеба)', севск., укр. *скіра*, *скірка* 'кожа', *скóра*, блр. *скýра* 'шкура; кожа', др.-русск. *скора*, ц.-слав. *скора*, словен. *skóra*, *skórja* 'кора', чеш. *skora* 'шкура; кожа', польск. *skóra*, в.-луж. *skora*, н.-луж. *skóra*, *škóra* [15]. Можно привести еще целый ряд слов и значений в дополнение к перечисленным выше. Это укр. *скорúна*, *шкорúна* 'корка хлеба', *шкорá* 'кусок сосновой коры (служащий поплавком)', *шкіра-шкура* [16], *шкірка* 'пенка на молоке (киселе)' (тернопольск.) [17], польск. *skora* 'шкура, кожа', 'кора; кусок коры', 'корка (хлеба)', 'пенка на молоке', *skórka* 'тонкая кожица, пленка, оболочка', 'заболонь, мезга (мягкая часть коры дерева)', 'корка (хлеба)', 'пенка на молоке', а также — 'pterygium, «шкурка», пленка в глазу, препятствующая зрению'[18] и др. См. еще сложные производные от того же корня, отмеченные, в в частности, в древнерусском — *скорлȣпа*, *скоролȣпль* 'кожица, кожура (у плодов)', *скоролȣща* 'скорлупа', *скоролюбиѥ* 'скорлупы'[19], сербохорватском — *скȍруп* 'сливки', *скорȕпак* 'молодая кожица на заживающей ране'[20] и т. д. Итак, опять налицо цепь значений 'кожа; шкура (кора)' → 'кожица, пленка, оболочка; корка, шкурка (пенка)' → 'бельмо'.

Линде фиксирует сущ. *łuska* (*łuski*, мн.) в значении 'бельмо': «. . .*łuskę* lub *bielmo* z oczu zgania» [21]. Общеславянское *luska*, родственное *luzga*, представлено в славянских языках со значениями 'шелуха', 'кожица, плева', 'чешуйка', 'кожура (стручок)', см., например: русск. *луск*, *лускá* 'лузг, лузга, шелуха, кожура, твердоватая кожица на плодах, семенах; плевелы, полова, мякина', *лузгá* (новгор., ворон., тамбов.) 'чешуйка, чешуя, рыбий клеск', 'шелуха, ракуша, гречишная полова (идет иногда на топливо)', 'попонка на мясе, плева' (псков., твер.) [22]; с.-хорв. *љȕска* 'кожура', 'тонкая кожица вокруг ядра ореха', 'шелуха', 'оболочка зерна', 'чешуйка', 'яичная скорлупа', 'стручок', 'осколок; щепка'[23], польск. *łuska* 'чешуя', 'ореховая шелуха', 'оболочка', 'перхоть' [24] и т. д. Следовательно, опять прослеживается указанная выше семантическая цепочка, в которой отсутствует лишь (факультативное) звено — 'кожа (шкура)'.

Линде приводит польск. *łupież*, одно из значений которого 'шкурка, пленка в глазу, препятствующая зрению' («pterygium nieiaki *łupież* abo skorka w oczu, wzrokowi przeszkadzaiąca») [25]

---

[15] Фасмер III, стр. 650.
[16] Гринченко IV, стр. 140, 502, 501.
[17] K. Dejna. Gwary ukraińskie. Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957, стр. 123.
[18] Linde V, стр. 260—265; I, 2, стр. 1311 (см. под. сл. *łupież*).
[19] Срезневский, стб. 381, 382.
[20] RJA XV, стр. 291—292.
[21] Linde I, 2, стр. 1312; V, стр. 247 (под. сл. *skałka*).
[22] Даль [3] II, стб. 710, 703.
[23] RJA VI, стр. 321.
[24] Linde I, 2, стр. 1312; Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1955, стр. 246.
[25] Linde V, стр. 1311.

близко значению 'бельмо'—'инородная пленка на глазу'. Ср. еще чеш. *lupina na oku* 'глазная оболочка' ('Fell auf dem Auge') [26]: «spadly s očí jeho jako *lupiny*» [27]. Эти слова относятся к общеславянскому корню *lup-*, представленному с такой семантикой: польск. (там же) *łupież* 'содранная кора или кожа, шкура', 'луб', 'membrana', 'перхоть', 'корка, струпья' и др., а также указанное выше — 'пленка на глазу', *łupina* 'стручок', 'зеленая оболочка у ореха', 'скорлупка', русск. *лýпа* 'плоть, струп, шевырюжка, что в бане сходит с тела'. . .[28], макед. *лупешка* 'шелуха, скорлупа, корка, кожура' [29] и др. И снова выявляется отмеченная выше цепь значений.

Ср. еще польск. *skałki* (*na oku*) 'бельмо' («łuski lub *skałki* na oku, albugo, leucoma, nebula») и укр. *скáлка* то же [30], которые восходят к общеславянскому *skala* (сюда же, в частности, русск. *скалá* не только 'каменная глыба', но и (диал.) 'береста', с.-хорв. *скӓла* 'скала; ломтик, кусочек, щепка' и др.), родственному др.-в.-нем. *skala* 'скорлупа, шелуха', лит. *skeliù*, *skélti* 'раскалывать', *skìlti*, *skįlù* 'трескаться', *skalà* 'щепа, лучина', греч. σκάλλω 'копаю, рублю', арм. *çelum* 'раскалываю', хетт. *iškallā(i)-* 'ломать, разрушать', алб. *halë* 'чешуйка, рыбья кость, осколок'. . .[31]. Семантическая цепочка, прослеживающаяся в данном случае, близка, но не идентична уже указанной нами (отсутствует линия 'кожа' (→) 'кожица, пленка, оболочка'). Она развивается на базе значения 'ломать, колоть, рубить, разрушать'. Интересно отметить, что в Полесье и на Украине лексема *скáлка* зафиксирована в том же значении, что и болг. диал. (родопск.) *мрѐнки*—'жировые блестки, плавающие на поверхности супа (воды)' [32].

Очевидно, что бельмо воспринималось как лишняя (чужеродная) пленка (кожица, шкурка), закрывающая глаз и нарушающая нормальное зрение. Поэтому для его наименования и стали использоваться слова со значением 'кожица, пленка, оболочка' или 'шелуха, чешуйка, осколочек' (первоначально в переносном употреблении, в сравнительных конструкциях: словно пленка, как будто кожица). Отсюда значение 'бельмо' (как пленка, появляющаяся в результате заболевания глаза) часто сосуществует со значением (видимо, предшествующим ему по времени появления) 'глазная пленка, оболочка' (как составная часть каждого здорового глаза). Кроме приведенных выше верхнелужицких примеров

---

[26] Jungmann II, стр. 364.
[27] Kott I, стр. 954.
[28] Даль [3] II, стб. 709.
[29] Македонско-русский словарь. Сост. Д. Толовски и В. М. Иллич-Свитыч, под ред. Н. И. Толстого. М., 1963, стр. 246.
[30] Linde V, стр. 247; Гринченко IV, стр. 130.
[31] Фасмер III, стр. 631.
[32] Г. Ф. Вешторт. Названия пищи в говорах Полесья. Лексика Полесья. М., 1968, стр. 403; Гринченко IV, стр. 130.

mjadreško 'пленка на глазном яблоке' — *mjadro* 'катаракта', см. еще с.-хорв. *мéздра* (*горна* и *долна*) 'ка око закрива'[33], чеш. *mázdrice* (*neb lupina*) *oka* 'роговая оболочка глаза, роговица'[34]. Подобное же семантическое сочетание 'глазная оболочка' — 'бельмо (катаракта)' встречается и в других славянских примерах: с.-хорв. *мрȅжница* 'сетчатая оболочка, сетчатка' и *мрȅжа* 'бельмо, катаракта' (только 1 пример)[35], макед. *мрежа* 'перепонка', *мрежница* '(сетчатка (глаза)' и *мрежа* 'катаракта'[36]; ср. еще польск. *błony*, *błonki oczne* 'глазные оболочки (роговица, сетчатка и др.') и *błonka* 'глазная болезнь, бельмо'[37].

Приведенные выше *mjadro*, *скороглазина*, *łuska*, *łupież* (и родственные им) демонстрируют общность значений с южнославянским *mrena*. Это не только 'бельмо, катаракта', но и 'кожица, пленка (плева, перепонка), оболочка (в частности — глазная); шелуха; пенка' и т. д. Поэтому есть основания предполагать, что лексема *mrena* могла быть образована по той же самой модели, что и другие слова со вторичным значением 'бельмо' при исходном — 'кожа (содранная), шкура' или 'кожица, пленка; шелуха, скорлупка, кожура'.

Что касается славянского *męzdra* (< **męsdьra*), то М. Фасмер останавливается на этимологическом решении, предложенном А. Мейе и А. Вайаном, согласно которому это слово является сложным образованием от **męso* и **dьrati*, **derǫ*[38].

Слав. (*s*)*kora*, на базе которого возникло *скороглазина*, имеет такие и.-е. соответствия, как др.-в.-нем. *sceran* 'стричь', алб. *harr* 'пропалываю', *shker*, *shtjer* 'раздираю', лит. *skìrti*, *skiriù* 'разделять', *šķir̃t* — то же; *skarà* 'лоскут', лтш. *skara* 'обрывок; курчавая шерсть', англосакс. *scearu* (**skarō*) 'часть, доля'[39].

Славянские лексемы *luska* (*luzga*) и *lupežь*, *lupina* (к *lupa*) самым тесным образом связаны с глаголами *luskati*, *luščiti* (*luzgati*) и *lupati*, *lupiti* в значении 'бить (первоначально — с определенным звуком, треском)', 'драть, обдирать (кожицу, шелуху, оболочку)'.

Итак, можно отметить, что слова с исходным значением 'кожа, шкура' или 'кожица, шелуха, пленка, кожура. . .' были образованы на базе семантического признака 'бить, рубить, колоть, ломать, полоть, стричь', точнее — 'тем или иным способом отделять какую-то часть от целого, расчленять'. Следовательно, семантическое развитие шло таким путем: 'бить, ломать, дробить. . .' → 'то, что отбивается, обдирается, выпалывается: ('кожа; шкура; кора' →) 'кожица, шкурка, корка, шелуха, кожура, пленка,

---

[33] RJA VI, стр. 637.
[34] Jungmann II, стр. 363.
[35] RJA VII, стр. 57, 55.
[36] Конески, стр. 425.
[37] Linde I, стр. 125.
[38] Фасмер III, стр. 29.
[39] Там же, стр. 650.

оболочка'. Далее, в ряде случаев могли развиться значения 'глазная оболочка' и 'бельмо' (см. выше), хотя серия примеров демонстрирует указанную цепочку без ее последнего или двух последних звеньев.

Это слав. *tęti*, *tьnǫ* 'рубить, резать'(< и.-е. **tem-* 'резать', куда восходит и ср.-ирл. *tond*, *tonn*, кимр. *ton* 'кожа') [40], с которым Ж. Ж. Варбот связывает русск. простор. *отóнки* 'плева, перепонки', кур. *отóнок* 'перепонка, тонкая оболочка, кожура, скорлупка либо плева', ряз. *потóнок*, *потóнка* 'пленка', слвц. *otonec* 'отрубленный кусок'[41].

Аналогично — слав. *pelti* 'полоть' (далее — к лит. *spãliai* 'очески льна', лтш. *spil̃va* 'шелуха', лат. *spolium* 'содранная шкура зверя; добыча', др.-инд. *phálati* 'лопается, трескается', *sphā́ṭati* 'разрывает', *sphāṭáyati* 'раскалывает', др.-в.-нем. *spaltan*, н.-в.-нем. *spalten* 'раскалывать'), связанное отношениями родства, в частности, со славянским *plěva*: русск. *плéвá* 'кожица, тонкая оболочка, перепонка' (см. еще пример, приводимый В. Далем: «у него глаз *плевой* покрыт») [42], 'пленка под скорлупой в яйце', словен. *plę́va* 'глазное веко', словин. *plìeva* 'радужная оболочка глаза' и др. (далее ср. лит. *plėvė̃* 'пленка, кожица', лтш. *plêve* — то же). Сюда же **pelv-* (русск. *полóва* 'мякина', болг. *пля́ва* 'солома' и др.), а также **pelvelъ* (др.-русск. *половелъ* 'сорняк') [43].

Ср. еще слав. *dьrati*, *derǫ* 'драть, обдирать; грабить', родственное лит. *dìrti* 'сдирать', лтш. *dìrât*, *dîrât* 'сдирать, обдирать', *nuõdaras* мн. 'отходы лыка', др.-инд. *dṛṇā́ti* 'лопается, трескается, раскалывается', авест. *dar-*'колоть', греч. δέρω 'сдирать', δορά 'кожа; шкура', кимр. *darn* 'кусок, часть', гот. *distairan* 'разрывать', др.-в.-нем. *zëran* 'разрушать', алб. *djerr* 'уничтожаю, теряю'. Сюда же — русск. *дерь* 'тряпка, лоскут' и *дор* 'новь' (диал.), 'животный жир', 'дранка' и т. д.[44]

Модель, по которой образованы рассмотренные нами слова со значением 'бельмо (катаракта)' ('бить, ломать' → 'отбитое; содранное': 'шкура, кожа' (→) 'шкурка, кожица, пленка, оболочка (в частности — глазная)' → 'бельмо'), наталкивает на мысль, что в славянском должен существовать глагол с аналогичным значением 'бить, драть', родственный исследуемой нами лексеме *mrena*. И такой глагол обнаруживается — это с.-хорв. диал. (Лика) *мéрати*, *мêрâм* 'бить, колотить (вальком белье при стирке)'[45], приведенный составителями RJA без этимологического комментария. Он сопоставлялся Сольмсеном с др.-инд. *mṛṇā́ti*

---

[40] Pokorny I, стр. 1063.

[41] Ж. Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых славянских глагольных основ и отглагольных имен. I. «Этимология. 1971». М., 1973.

[42] Даль³ III, стб. 309.

[43] Фасмер III, стр. 317; 277; 312.

[44] Фасмер I, стр. 504—505; 529, Boisacq³, стр. 178.

[45] RJA VI, стр. 6.

'дробит, крошит, размалывает, толчет, стирает, разрушает'[46]. Однако этот др.-инд. глагол связывался Ю. Покорным с и.-е. 1. **mel-* 'молоть, дробить, толочь' — и при таком толковании с.-хорв. *мéрати* сюда относить было бы нельзя. Но существует еще один др.-инд. глагол — *mṛṇā́ti*² в значении 'грабит', который отделяется Ю. Покорным от приведенного выше и возводится к и.-е. **mer-*; **merə-* 'растирает, уничтожает; грабит'[47]. М. Майргофер, напротив, считает, что размежевание этих двух глаголов и соотнесение их с разными и.-е. корнями часто трудно объяснить («nicht immer klar von *mṛṇā́ti* ² zu trennen» — *o mṛṇā́ti* ¹)[48] — и это замечание кажется вполне справедливым. Действительно, с одной стороны, в и.-е. гнездо **mer-* включены слова не только в значении 'растирать, уничтожать, грабить', но и 'бить, дробить, разрушать' напр., др.-исл. *merja* 'schlagen, zerstoßen', хетт. *marriattari* 'wird zerschmettert', т. е. семантически очень близкие именно к др.-инд. *mṛṇā́ti* ¹. С другой стороны, сами значения 'бить, драть, дробить, разбивать' и 'тереть, тискать, давить' близки друг другу и порой отмечаются у одного и того же глагола: слвц. *mrvit'* 'крошить, дробить' и 'мять, трепать, тереть; мучить'[49]; с.-хорв. *гу̏лити* 'драть, обдирать, лущить' и 'тереть, мять, жать'[50], см. также нем. *zermalmen* 'раздроблять, размалывать, толочь; стирать, уничтожать'[51], ср. еще праслав. **tьrxati* 'драть, рвать, трепать', которое связывается Ж. Ж. Варбот с **ter-* 'тереть'[52]. И еще: значение 'грабить' регулярно развивается именно на основе значения 'бить, драть': см. славянские примеры *dьrati*, *lupiti*, которые означают не только 'бить, драть; обдирать, чистить', но и 'грабить' (русск., чеш., польск. и др. соответствия). Об этом же пишет и М. Фасмер: «Значение 'бить' неотделимо от 'лупить, чистить; грабить'»[53]. На основании данных фактов, видимо, можно поставить вопрос об отнесении *mṛṇā́ti*¹ и *mṛṇā́ti*² к одному и.-е. гнезду **mer-*, в которое следует включать и с.-хорв. *мéрати* < **merati* (< **mě-rati*?). В составе этого же гнезда Ю. Покорный рассматривает и другие славянские примеры: с.-хорв. *мр̏ва* '(хлебная) крошка', ст.-слав. *измрьмьрати* 'корчевать, выкапывать' и др.-русск. *-моромрати* '(из)грызть, источить, искрошить' (см. у А. Мейе характеристику вокализма данных слов[54]).

---

[46] F. Solmsen. Üner einige slavische Wörter mit dem Wurzelelement *mar-*. — Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, 1908, стр. 580.
[47] Pokorny I, стр. 735—736.
[48] Mayrhofer 17, стр. 672—673.
[49] SSJ II, стр. 194.
[50] РСА III, стр. 748—749.
[51] Немецко-русский словарь под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1958, стр. 1238.
[52] Ж. Ж. Варбот. Указ. соч.
[53] Фасмер II, стр. 535.
[54] A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux-slave. — MSL, t. 14, f. 4, 1907, стр. 380.

Ю.-слав. лексема, обозначаемая нами как *mrěna*, очевидно, родственна рассмотренным выше **merati*, *mьrva, *(*moro-/mьr-*)-*mьrati* (далее — к тому же и.-е. корню **mer-*) и должна быть реконструирована как **merna* с первоначальным значением 'кожица, шелуха, пленка', т. е. 'то, что отдирается, о(т)бивается, отчленяется (и часто идет в отходы)'. Ср. близкие значения у праслав. **mьrva*: 'крошка' (с.-хорв., макед.), 'мятая, тертая, раздробленная солома; сено' (укр., словен.), 'пепел' (болг.) и т.п. [55], а также и у некоторых других и.-е. слов, включаемых в гнездо **mer-*: н.-исл. *mor* 'толстый слой пыли, прах' ('Staub'), швед. *morp* 'отбросы, отходы' [56]. Что касается праформы **merna*, то такой реконструкции не противоречит ни одна из южнославянских форм: болг. родопские *'á(мр'àнка)* и *ѐ* (*мрѐнки*) являются в данном говоре закономерными рефлексами именно старого *ě* (**mrěna* < <**merna*) [57], словен. *ẹ́* (*mrẹ́na — Pleteršnik*), *ệ* (*mrệna* — Хостник) также свидетельствуют о старом *ě*, развившемся в результате метатезы (ср. аналогичные случаи, где ять обозначено на письме таким же образом — через *ẹ́* и *ệ*: *mrẹ́ža* < **merža*, *mrệst* < **nerstь* [58]); с.-хорв. *ȅ* тоже может быть континуантом *ě*: ср. приведенное выше **merža* (словен. *mrẹ́ža*), которое дало в с.-хорв. языке — *мрѐжа* [59]. Любопытно, что **merna* имеет формант *n*, как и ряд других и.-е. слов, относящихся к данному гнезду **mer-*: др.-инд. *mṛṇā́ti*, др.-исл. *morna*, норв. *moren*, *maren* [60].

Необходимо отметить, что перечень славянских лексем, включаемых в указанное и.-е. гнездо, может быть продолжен. См., например, (так же, как и **merna* с-*n*-) болг. диал. наречие (так же, как и *мр'àнка*, *мрѐнки*, — родопское!) *мъ̀рнинка* 'немножко'[61] (ср. болг. *мрьфка* — не только 'кусок мяса', но и наречие в значении 'совсем мало'[62] — из **mьrva*), возможно, чеш. *mrňavý*, *mrňous*, *mrně* (разг.) 'малыш, карапуз' [63], которые неубедительно объяснялись В. Махеком как результат скрещивания *krňavý* и *malý* [64]. Сюда же, думается, надо относить и с.-хорв. *мрњав* 'слабый, увядший' («стабло. . . *мрњаво* противно крутоме, над се собом управити не може. . .»), а также *мр́њак* 'хрящевая часть носа' [65] (очевидно, более мягкая и хрупкая, чем костная часть). Все эти

---

[55] RJA VII, стр. 92—93; Конески I, стр. 424; Гринченко II, стр. 417; Pleteršnik I, стр. 615.

[56] Pokorny I, стр. 735—736.

[57] Т. Стойчев. — БД V. София, 1970, стр. 155 и 156 (*б'àла* и *бѐлка* < <**běl-*).

[58] Pleteršnik I, стр. 610. О характере старого *ě* и его отражении в словенском см. Хостник, стр. 11; 48, 49.

[59] RJA VII, стр. 55.

[60] Pokorny I, стр. 735—736.

[61] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II. София, 1965, стр. 211.

[62] Г. Горов. Странджанският говор. — БД I. София, 1962, стр.112, 113.

[63] Чешско-русский словарь. Сост. А. И. Павлович. М., 1960, стр. 298.

[64] Machek ^{1}, стр. 310.

[65] RJA VII, стр. 78, 77.

примеры имеют ту же ступень вокализма корня, что и у семантически близкого **мьr-va* ('крошка, небольшой кусочек' и т. д.) и формант *n*, который представлен в **mer-na*, следовательно, они восходят к праформе **мьr-n-*, к которой возводится и др.-инд. *mṛṇ-āti*. Показательно, что значение 'мягкий, хрупкий' отражено в многочисленных примерах, включаемых в рассматриваемое и.-е. гнездо **mer-*: норв. *moren*, *maren* 'гнилой, ветхий, хрупкий', др.-в.-нем. *mara. wi*, *mur(u)wi*, *mürbe* 'мягкий, хрупкий, трухлявый', англосакс. *mearo* 'мягкий, нежный, хрупкий', кимр. *merw* 'мягкий, вялый, дряблый, слабый' [66]. Представленная здесь семантическая эволюция 'бить, дробить' (см. с.-хорв. *мépamu*) → 'разбитый, раздробленный' → 'дряблый, вялый, мягкий, слабый' (или 'мелкий, дробный') — явление характерное: см. с.-хорв. *млйтав* 'слабый, вялый, медленный', сопоставляемое с **melti* 'молоть' [67], слав. **męgъkъ* 'мягкий', сравниваемое с лит. *mìnkyti*, *mìnkau* 'мять, месить', др.-инд. *mácatē* 'дробит' [68] и т. п. К корню **mer-* следует относить и более позднее с.-хорв. образование *мерýхати* 'тискать, мять, мучить' («Не *меруха*ј ту мачку по рукама!»), приводимое составителями Загребского словаря с пометой «темное» [69], т. к. семантическое сочетание 'бить, дробить, толочь' и 'мять, тискать, мучить' известно, см., например, с.-хорв. *млȁвити* 'бить, ударять', связываемое П. Скоком с гот. *gamalwjan* 'дробить, размалывать, растирать', лит. *mal̃vinti* 'мучить, надоедать' — далее к и.-е. корню **mol-* (праслав. **moltiti*) [70]; сюда же с.-хорв. *мељáвити* 'мять, давить (дробить, жевать)' (к **melti*) с примером, где данный глагол выступает как синоним по отношению к *мерỳхати*: «Не *мељави* ту мачку (т. е. не гњечи је)» [71].

В данное и.-е. гнездо, возможно, следует включать и ряд производных с *-l-*, восходящих к праформе **мьrl-*. Это болг. диал. *смърл'ам*, *смърла* 'затупить острый предмет ударом' [72], а также приводимые В. Махеком с пометой «неясные» — слвц. *mrlač*, *mrliak* 'валух, холощеный баран' (ср. с.-хорв. *мýћи* 'бить, колотить', 'толочь, дробить' и 'кастрировать' [73]) и *mrlit'* 'чесать' [74]. Не сюда ли (обычно рассматриваемые как звукоподражательные) и с.-хорв. *мр̏ља* 'пятно' и *мр̏љати* 'грязнить, пачкать' [75]; 'зачеркивать' [76], если исходить из пояснения к этому глаголу, данного

---

66 Pokorny I, стр. 735—736.
67 RJA VI, стр. 932.
68 Фасмер III, стр. 28.
69 RJA VI, стр. 608.
70 Skok (рукоп., выписки сделаны О. Н. Трубачевым для картотеки Этимологического словаря славянских языков).
71 RJA VI, стр. 599.
72 И. Кънчев. Говорът на с. Смолско, Пирдопско. — БД IV. София, 1968, стр. 143.
73 И. Толстой [1], стр. 962.
74 Machek [1], стр. 310.
75 RJA VII, стр. 70—71; Skok (рукоп., выписки сделаны О. Н. Трубачевым для картотеки Этимологического словаря славянских языков).
76 Караџић, стр. 384.

в Словаре Ивековича-Броз: «писано трти, таруħи прљати» [77] («стирать написанное, стирая пачкать»)? См. еще болг. *мърльо* 'грязный, нечистоплотный человек', *мърляв* 'испачканный, грязный', *мърлям*(*се*) 'пачкать(ся)' и *мърля*(*се*) 'оплодотворять(ся) (об овцах)' [78] и др. Ср. подобное же семантическое развитие ('мять, тереть' → 'пачкать') у с.-хорв. *ме́љати* ('мять, тискать' и 'грязнить, пачкать'), восходящего к **melti* 'молоть, дробить' (с.-хорв. *мље̏ти*) [79]. Интересно, что Ю. Покорный фиксирует в составе гнезда **mer-* примеры с формантом *-l-*: это ср.-ирл. *meirle*, *meirlech* [80]. Не исключено, что при обследовании, специально направленном на выявление всех славянских слов, восходящих к рассматриваемому и.-е. корню, данный список может быть пополнен.

С.-хорв. *га̏ба*

С.-хорв. диал. (Брач) *га̏ба*, ж. 'подагра' [81] фиксируется составителями RJA как слово с неясным происхождением, хотя и сопоставляется ими все же с польск. *gabać*, чеш. *habati*. В этимологическом словаре сербохорватского языка П. Скока это сопоставление, основанное лишь на случайной звуковой близости, уже не приводится, и слово дается без какого бы то ни было этимологического комментария [82]. Действительно, нет оснований предполагать связь с.-хорв. *га̏ба* с праслав. **gabati*. Прежде всего надо принимать во внимание тот факт, что рефлексы **gab-* в с.-хорв., макед. и словен., насколько нам известно, не отмечаются. Это сближение следует отвергнуть и из-за серьезных семантических расхождений: праслав. **gabati* фиксируется в слав. языках со значениями 'хватать, брать' и далее связывается с лит. *gobẽtis* 'быть жадным, жаждать, стремиться', *gobús* 'жадный, алчный', лат. *habeo* 'иметь' и т. д.[83] Следовательно, для данного слова нужно искать какое-то другое этимологическое решение. С этой целью рассмотрим иные образования с тем же значением ('подагра'). Это с.-хорв. *костѐбоља*, *ногѐбоља*, *у̏лози* [84], русск. (отмечаемые в статье Меркуловой) *ломота*, *мозжуха*, *скомнота*, *костолом* [85]. Любопытно, что данные русские названия приводятся в указанной статье в списке под общей рубрикой 'ревматизм, подагра'. Это свидетельствует о том, что данные заболевания (ревматизм и подагра), имеющие близкие симптомы, трудно разграничимы и поэтому, как правило,

---

[77] I v e k o v i ć - B r o z I, стр. 710.
[78] РБЕ V, стр. 115.
[79] RJA VI, стр. 599.
[80] P o k o r n y I, стр. 734.
[81] RJA III, стр. 981; см. еще РСА III, стр. 137.
[82] S k o k I, стр. 541.
[83] F r a e n k e l II, стр. 126—127; S ł a w s k i I, стр. 243.
[84] И. Т о л с т о й [3], стр. 221; 310.
[85] В. А. М е р к у л о в а. Народные названия болезней I (на материале русского языка). «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 160.

обозначаются одним и тем же названием, ср. и с.-хорв. у̏лози, которое также употребляется в двух значениях: 'подагра, артрит' и 'суставной ревматизм' [86].

Приведенные выше сербохорватские и русские наименования подагры связаны с характером ощущений больного. Однако существует и другая модель, по которой образуются названия подагры и ряда других болезней. В этом случае наименования отражают внешние признаки болезни — всякого рода искривления, деформации или наросты. Известно, что именно для подагры характерны отечность, припухлость суставов, их деформация, появление шишек, выростов — «болест у којој отеку зглавци у ногу и у руку» [87]. Это нашло отражение в таком сербохорватском названии, как гу̏та, обозначающем не только нарост на теле, шишку, но и подагру [88]; ср. еще с.-хорв. диал. (Лика) гу̏тла 'нарост на теле' [89], болг. диал. гу̀та 'опухоль (отек) головы', *гутка* 'комок', *гутайв* 'с наростами на теле', *гу̀тура* 'отек (опухоль) от удара; наросты (шишки на теле)', *сгута̀вя се*, *сгута̀вям се*, *сгуту̀рча се*, *сгуту̀рчам се* 'свиваться' [90]. См. также с.-хорв. *вр̏ж* 'сук' и 'подагрическая опухоль в суставах' [91].

Учитывая приведенное выше замечание о том, что подагра и ревматизм часто обозначаются одним названием, представляет интерес и болг. диал. (юго-вост.) наименование ревматизма *кулава боля* [92]. Оно связано со славянским корнем **kul-*: русск. тамб. *культя́* 'беспалый, хромой', укр. *укулíти*, *закулíти* 'согнуть, скрючить, парализовать', *кулíти* 'хромать', блр. *куляць* (*-цца*) 'низко наклоняться', словен. *kȗlj* 'кривогий', *kúljav* 'искалеченный', польск. *kulić* 'искривлять, стягивать' и т. п., далее — к греч. *κυλλός* 'скрюченный, согнутый, изувеченный, хромой', *κυλλαίνω* 'искривляю, парализую' [93]. Следовательно, данное болгарское название отражает представление о ревматизме, как о болезни, которая скрючивает, искривляет, деформирует.

Принимая во внимание все эти факты, видимо, есть основание предполагать, что и рассматриваемое нами сербохорватское наименование подагры *га̏ба* может быть связано с понятием 'кривить, кривизна, искривление (конечностей)'. В пользу этого мнения свидетельствует также семантика сербохорватского диалектного прилагательного (Средняя Далмация) *га̏бав*, производного от *га̏ба*. Оно приводится авторами RJA в значении — 'с искривленными конечностями или суставами' ('крив на којем уду или

---

[86] Iveković-Broz II, стр. 640.
[87] Там же, I, стр. 358.
[88] RJA III, стр. 516.
[89] Там же.
[90] БЕР IV, стр. 296.
[91] И. Толстой [3], стр. 58.
[92] R. Bernard. Quelques mots du dialecte de Bălgari. — RÉS XXXVI, 1—4, 1959, стр. 67.
[93] Фасмер II, стр. 413.

зглобу') с таким примером и пояснением: «Остала му је у лакту рука *габава* (мало искочила кад није лијепо начињена)» [94]. См. еще в Белградском словаре: *гӓбав* 'переболевший подагрой' и 'кривой (о предмете с кривыми сторонами)' [95].

Следовательно, сущ. *гӓба* должно быть связано с каким-то корнем, означающим 'гнуть, кривить; кривизна, искривление'. Таковым в данном случае, очевидно, может быть праслав. **gъb-*/ **gub-*/ **gyb-* < и.-е. **gheub(h)-*. Показательно, что в сербохорватском наличествует и глагол с той же, что *гӓба* и *гӓбав*, огласовкой корня — *гѝнути*, *гӓнēм* (у Скока — и *гӓнути*, *гӓнēм*) < праслав. **gъbnǫti*, первонач. 'сгибать' [96]. Сюда же — ст.-слав. гънѫти, русск. *гнуть* и др., где -ъ- (а также -*b*-) выпало, в то время как в сербохорватском под ударением ъ > *a*, ср. еще словен. *gániti* (*geniti*) 'двигать' [97] (см. и словен. *gábati* 'бедствовать, погибать') [98], очевидно, иная ступень огласовки того же корня, который представлен в семантически близких глаголах **pogybati*, **gybnǫti*, где не только ъ > *a*, но и сохранено -*b*-, как и в сербохорватском *гӓба*; прояснение редуцированного наблюдается также в примере, приведенном у Срезневского: наряду с *гъбежь*, *гбежь* и *гобежь* (< **gъbežь*) 'сгиб, сустав' [99]).

Показательно, что одно из значений сербохорватского глагола *гѝнути (гӓнути)* непосредственно связывает его с семантикой *гӓба*, *гӓбав*. Это 'verrenken'='вывихнуть руку или ногу' [100] — ср. приведенное выше:... у лакту рука *габава* (мало искочила). См. еще болг. диал. (Родоп) *гȍбнат*, прич. 'вывихнутый, смещенный (о руке, ноге)' и *гȍбнувам са*, *гъбнувам*, гл. '(с)двигать(ся)' [101] < **gъbn-*.

Для слов, включаемых в и.-е. гнездо **gheub(h)-* 'сгибать, сдвигать', характерно значение 'искривлять, гнуть', 'искривление (изгиб)', 'предмет округлой формы, бугор': блр. *згiб* 'бугор' [102], словен. *guba* 'складка, морщина', польск. *przegub* 'сгиб, изгиб, сустав', лтш. *gubt*, *gubstu* 'гнуться, никнуть', *gubenis*, *gúbezis* 'груда, куча', *gũba* 'согнутость, стесненность', лит. *gaũbti* 'выгибать, делать выпуклым', *gùbulas* 'клубок; тюк', *gùbužas* 'куча, груда', *gūbrỹs*, *gùburas* 'груда земли' [103]. Покорный присоединяет сюда же англосакс. *géap* 'искривленный, согнутый' [104], а Фасмер кроме того и греч. κύπτω, κέκυφε 'горбиться, гнуться', κῦφος 'изгиб, горб' [105].

---

[94] RJA III, стр. 981.
[95] PCA III, стр. 137.
[96] S k o k I, стр. 576—577.
[97] P l e t e r š n i k I, стр. 207; см. еще (к реконструкции) RJA III, стр. 100; P o k o r n y I, стр. 450.
[98] P l e t e r š n i k I, стр. 205.
[99] С р е з н е в с к и й I, стб. 528—529, 611.
[100] RJA III, стр. 101.
[101] Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — БД II. София, 1965, стр. 145, 148.
[102] Я ш к і н, стр. 79.
[103] F r a e n k e l II, стр. 140.
[104] P o k o r n y I, стр. 450.
[105] Ф а с м е р I, стр. 404.

На основании всего вышеизложенного можно предположить для с.-хор. диал. *га̏ба* (<**gъba*) первоначальное значение 'искривление; шишка (выпуклость)' или (что менее вероятно) 'искривляющая, скрючивающая (болезнь)'.

Слав. **verdъ*

Слово отмечено во всех славянских языках и нашло отражение в этимологических словарях. Однако, если реконструкция его праславянской формы ни у кого затруднений не вызывает (**verdъ*), то при выявлении признака, положенного в основу данного названия, и при установлении и.-е. гнезда, с которым должно быть соотнесено слав. **verdъ*, возникают серьезные трудности, в первую очередь, из-за многозначности славянских примеров. Сложность, разветвленность семантики во многом предопределила тот факт, что в этимологической науке нет единодушия в решении вопроса о происхождении данного слова, причем именно те гипотезы, которые выдвигались в последнее время, вызывают возражения. Дело в том, что с их помощью нельзя объяснить всей совокупности значений славянского **verdъ*, так как они базируются лишь на каком-либо одном семантическом его ответвлении, не учитывая других, в частности, представленных диалектными и архаическими примерами. Чтобы не быть голословными, приведем по возможности полный перечень значений, которые зафиксированы в славянских языках для **verdъ*, а затем рассмотрим, в какой степени они учтены в существующих этимологических версиях.

Кроме значения 'веред, чирей, болячка, нарыв', отмеченного в подавляющем большинстве языков (ст.-слав., русск., блр., с.-хорв., словен., польск., чеш., слвц., в.-луж., н.-луж.) часто в сочетании с 'язва, гнойная язва, гнойник' (ст.-слав., словен., польск., чеш., слвц., н.-луж.), представлены также: 'рана, ушиб, телесное повреждение' (ст.-слав., др.-русск. и русск. диал., с.-хорв. устар. и словен.), 'грыжа' (словен.), 'испорченная кровь, гноекровие' (ст.-слав.), 'затвердение печени или селезенки' (словен.), 'простуда' (макед., болг. диал.), 'эпилепсия' (чеш., диал. ст.-польск.), 'родимчик, корчи, судороги', а также 'костная ломота, головная боль и другие заболевания' (чеш. диал.), 'болезнь, вызванная поднятием больших тяжестей, надрыв' (словен., русск. диал.), 'тяжелая болезнь' (чеш. диал.), 'болезнь' (ст.-слав., др.-русск.). См. еще 'яд (ст.-слав., с.-хорв. диал.), 'зло, беда, вред, ущерб, порча' (ст.-слав., др.-русск. и русск. диал., болг., с.-хорв.), 'оскорбление, обида' (с.-хорв.), 'страсть' (ст.-слав), а также 'капризы, прихоти' (укр. — *ве́реди*) [106].

---

[106] Материал почерпнут из следующих словарей: Срезневский I, стб. 317—318; III (доп.), стб. 32'—33'; Даль[2] I, стр. 179; Филин 4, стр. 127; 2, стр. 246, 251; Добровольский, стр. 58. Гринченко I, стр. 134; Беларуска-рускі слоўнік пад рэд. К. К. Крапівы. Москва, 1962, стр. 149; Чукалов, стр. 77; Бернштейн. Болгарско-

Как видим, семантическая картина сложна и неоднородна, однако утвердившиеся в последнее время гипотезы строятся обычно на основе лишь одного из значений, не принимая во внимание остальных. Так, например, Фасмер и составители Болгарского этимологического словаря, учитывая фактически только значение 'чирей', придерживаются версии о связи славянского **verdъ* с и.-е. корнем **u̯erdh-* 'расти': лтш. *ap-vir̃de* 'нарыв', др.-инд. *várdhati* 'растет' [107]. Одновременно Фасмер (вслед за Клюге и Гётце, Преображенским и другими) допускает возможность родства славянского **verdъ* с др.-в.-нем. *warze*, н.-в.-нем. *Warze*, др.-исл. *warta* 'бородавка' — далее к и.-е. корню **u̯er-d-* 'выступ (бородавка); высокий, возвышающийся' [108], куда, по мнению Махека, относится и слав. ***vorda* (>**vordavъka*, **vordavica*: русск. *борода́вка*, чеш. *bradavice* и т. д.)[109]. Обе эти гипотезы вызывают возражения, т. к. с их помощью невозможно объяснить такие значения, как 'яд', 'рана', 'причуды', которые не выводятся ни из понятия 'расти; нарост', ни из понятия 'торчать, высокий; бородавка'. Первая гипотеза, согласно которой слав. **verdъ* возводится к **u̯erdh-* 'расти', в Словаре Покорного уже не упоминается. Действительно, даже сопоставление славянского **verdъ*, взятого только в одном значении — 'чирей', с корнем **u̯erdh-* 'выросток; расти' с точки зрения семантики не безупречно. Тут надо учитывать тесное переплетение и неразрывность в славянских примерах (см. выше) значений 'чирей, веред, нарыв, гнойник', 'язва, гнойная язва', и, если первое — 'чирей, нарыв' — еще можно осмыслить как 'то, что выросло', то ко второму — '(гнойная) язва' такое толкование не приложимо. Это же обстоятельство следует принимать в расчет и при рассмотрении второй гипотезы, связывающей слав. **verdъ* 'чирей' с корнем **u̯er-d-* 'возвышаться; бородавка'. Надо еще прибавить, что, хотя в составе данного и.-е. гнезда **u̯er-d-* встречаются значения 'шишка', 'волдырь', 'желвак,' 'мозоль', 'ячмень на глазу' (собственно — 'зерно'), 'прыщ' (но не 'чирей, карбункул'!), однако определяющими и характерными являются 'губа', 'сосок груди', 'затылок, шея', 'яйцо', 'бородавка'[110], т. е. названия, относящиеся к округлым, выпуклым частям человеческого тела или округлым выростам, не сопровождающимся болезненными воспалительными (гнойными) процессами (как то имеет место в случае с вередами), — бородавке, желваку, шишке. Поэтому вполне закономерно отнесение Махеком (см. выше)

русский словарь. М., 1953, стр. 87; БЕР III, стр. 184; РСА III, стр. 36; Iveković-Broz II, стр. 748; Djor II, стр. 131; Pleteršnik II, стр. 794; Хостник, стр. 326; Конески I, стр. 83; Варшавский словарь VII, стр. 732; Karlović 6, стр. 168; Kott VII, стр. 1051; Isačenko II, стр. 587.

[107] Фасмер I, стр. 295; БЕР III, стр. 184.

[108] Фасмер, там же; Kluge — Götze[15], стр. 857; Преображенский I, стр. 73—74.

[109] Machek[2], стр. 702.

[110] Pokorny I, стр. 1151—1152.

к *$\underset{\frown}{u}$erd- 'выступ; бородавка' славянского ***vorda* (**vordavica* /**vordavъka*: русск. *бородáвка*, чеш. *bradavice* и др.), в пользу чего говорит и тот факт, что в ряде славянских языков у этого слова, как и у немецкого *Warze*, безусловно включаемого в данное и.-е. гнездо, сосуществуют значения 'бородавка ' и 'сосок (груди)', см.: н.-луж. *brodajca* 'бородавка ' и 'грудной сосок', польск. *brodawka piersiowa* 'сосок (груди)', *brodawka* 'бородавка', а также *brodawki* 'два выроста на шее у козы' [111] и т. д. Что касается славянского существительного **verdъ*, то вполне закономерно, что оно не встречается в качестве обозначения частей тела или выростов невоспалительного характера и не должно возводиться к *$\underset{\frown}{u}$er-d- 'выступ, бородавка'.

Итак, перед нами две гипотезы, ни одна из которых не объясняет всю сумму значений **verdъ*. Покорный и Махек пытаются компенсировать их недостаточность путем расчленения данного славянского гнезда на два (Покорный) или три (Махек) самостоятельных, омонимичных. Однако такой подход к решению проблемы представляется необоснованным и также не дает объяснения всех семантических линий развития славянского **verdъ*. Против него говорит уже тот факт, что Покорный и Махек по-разному дробят данное гнездо. Так, Покорный, кроме указанного выше **verdъ* 1 (к и.-е. *$\underset{\frown}{u}$er-d- 'выступ; бородавка'), выделяет еще **verdъ* 2 — к и.-е. *$\underset{\frown}{u}$er-d- 'рвать, царапать, ранить'. К **verdъ* 1 он относит русск. *вéред* 'Geschwür' (='нарыв, гнойник, язва'), ст.-слав. *врѣдъ* 'Schaden' (='повреждение, вред'), а к **verdъ* 2 — русск. *вéред* 'wunde' (='рана') [112], не замечая того обстоятельства, что значения 'повреждение, вред' и 'рана' столь близки, что их разъединение противоестественно. Такие значения, как 'яд', 'капризы, причуды', 'эпилепсия', 'простуда' и ряд других, остаются у Покорного вообще без всякого объяснения.

Что касается Махека, то в последнем издании своего этимологического словаря он посвящает чешскому *vřed* три отдельные статьи [113]. В первой (*vřed* 1) приводятся чешские и моравские слова (значащие, видимо, 'нарыв, чирей') с их славянскими соответствиями (однако без перечня значений последних), связываемые автором с чешским *bradavice* 'бородавка' (<**vordavica*), далее — с немецким *Warze* 'бородавка'. Во второй (*vřed* 2) даются названия различных болезней (эпилепсии, корчей и «подобных» без их перечня). Очевидно, на основе двойственности форм (*vřed* — *břed*), а также отталкиваясь от семантики глаголов *zbřídit se*, *zvředit se* 'помешаться, сойти с ума', Махек выводит *vřed* 2 из **bredъ*, объединяя его с русским *брéдить* 'бормотать, бредить', *бред* (сюда же он присоединяет и ст.-слав. *врѣдъ* 'болезнь'!). Но ведь и в составе первого гнезда

---

[111] Muka I, стр. 78; Польско-русский словарь под ред. М. Ф. Розвадовской. М., 1955, стр. 47; Варшавский словарь I, стр. 206.
[112] Pokorny I, стр. 1151—1152; 1163—1164.
[113] Machek², стр. 702.

(чеш. *vřed* 1) есть разные примеры, одни из которых имеют начальное *v*-, другие — *b*- (см. чеш. *vřed* и морав. нар. *břed* 'нарыв, чирей', в.-луж. *bród*, *brjód* 'нарыв', н.-луж. *wŕod* и *bŕod* 'язва, нарыв, чирей, гнойник', русск. *вéред* 'чирей, болячка' и диал. *бéред* 'рана, ушиб, повреждение'[114]), а наличие в русском выражения *повредиться в уме* 'помешаться' (<**verditi sę* — к **verdъ*, куда и чеш. *vřed* 1) может свидетельствовать в пользу того, что указанные выше чешские глаголы с идентичной семантикой также выводимы из **verditi*. Третья статья (*vřed* 3) посвящена неясному для автора слову, которое встречается в выражении (бранное) *vřede vředúcný*, с тем же значением, что и польск. диал. *wereda* 'neřad' (='гадость, безобразие'? 'мерзавец'?), очевидно, заимствованное из восточнославянских языков (украинского или русского), см. трактовку польского *nad-węreżyć* 'вредить, портить' как такого рода заимствования в Словаре Брюкнера [115]. Показательно, что любая из этимологических версий, строящихся на основе дробления славянского **verd*- на несколько гнезд, наталкивается на трудности при распределении материала по этим «омонимичным» гнездам. Неясно, например, куда, следуя теории Махека, отнести слова со значениями 'яд', 'рана', 'вред', 'обида' — к *vřed* 1 или *vřed* 2, почему у Покорного оказались разъединенными примеры, означающие 'повреждение, вред' и 'рана' и т. д. Нечеткость границы между вычленяемыми гнездами, отсутствие единодушия при решении вопроса, на сколько омонимов следует разделять славянский комплекс **verd*-, — все это, на наш взгляд, свидетельствует о принципиальной невозможности какого бы то ни было дробления славянского **verd*-.

Однако, как мы видели, и при ином подходе — при рассмотрении всех славянских слов, возводимых к **verd*-, в составе одного гнезда — с помощью этимологических гипотез, отталкивающихся от первичности значения 'веред, чирей', трактуемого как 'нарост (типа бородавки)' или 'выступ, возвышение', не удается удовлетворительно объяснить всю сумму значений, здесь представленных. Поэтому напрашивается вывод о том, что причина неудач кроется в неверном выборе первичного семантического признака, положенного в основу названия. По-видимому, следует исходить из какого-то другого понятия. И здесь необходимо вспомнить незаслуженно забытую теперь мысль, впервые высказанную (согласно Срезневскому) Якобом Гриммом в Немецкой грамматике (1822—1837 гг.) (а затем поддержанную Шаде и Миклошичем), о связи славянского **verdъ* с др.-в.-нем. *wartjan*, ср.-в.-нем. *warden* 'ранить, повреждать, портить', гот. *vardjan*, др. -сканд. *awardjan* 'портить', др.-инд. *vardh*- 'отрезать'[116]. Это сопоставление свидетель-

---

[114] Machek², там же; Pfuhl, стр. 48; Muka I, стр. 78; II, стр. 975; Даль² I, стр. 179; Филин 2, стр. 246.

[115] Brückner, стр. 353 и 634.

[116] Срезневский I, стб. 318; Schade. Alt deutsches Wörterbuch. Halle, 1872—1882, стр. 1101; Miklosich, стр. 383.

ствует о том, что для славянского *verdъ первичным следует считать значение 'повреждать (ранить), вредить; повреждение, вред', исходя из которого можно, на наш взгляд, понять и все другие. Еще одним аргументом в пользу данной этимологии, по мнению Ж. Варбот, могло бы служить русск. диал. *заворód* 'нож'[117] (<*zavordъ), если это не *заворот* <*zavortъ.

Конкретные значения — 'повреждать', 'ранить', 'ушибать', 'бередить рану или больное место (трогая их)' и — соответственно — 'телесное повреждение', 'рана', 'ушиб' представлены большим числом славянских примеров, см., в частности, в русских диалектах: *вередúть*, *бередúть* 'тревожить больное место', *вгредúть* 'навредить, ушибить', *вередúться* 'ушибиться, убиться, порубиться порезаться, наколоться, заболеть от ушибов', *берéдиться* 'ушибаться', *вередéть* 'повредить, поранить', *бéред* 'рана', 'ушиб, повреждение', *бéрежь* 'ушиб'[118]. Аналогичная картина наблюдается и в других славянских языках.

В составе данной группы следует рассматривать и слова со значением 'язва' (собственно — 'повреждение, изъязвление кожи, нарушение ее целостности'), зафиксированные, как мы отмечали выше, в старославянском, словенском, польском, чешском и нижнелужицком языках. Учитывая, с одной стороны, то, что веред определяется как род стержневого нарыва («большого чирья»), который является одним из видов гнойного воспаления, часто сопровождающего язвенные процессы, а с другой, — то, что вереды изъязвляют кожу, как бы вгрызаясь в нее и оставляя по отпадении стержня щербинку, оспинку, «ямку» на теле, слова в значении 'нарыв, чирей, веред', видимо, также должны быть отнесены к данной семантической группе. В пользу этого свидетельствуют регулярно встречающиеся случаи, когда одним словом обозначается как язва, так и нарыв, чирей: это не только указанные выше польск. *wrzód*, чеш. *vřed*, слвц. *vred* и др., но и нем. *Geschwür* 'нарыв, гнойник, язва', лат. *ulcus* 'нарыв, язва', *ulcusculum* 'маленький нарыв, прыщик, язвочка' и далее к *ulcĕro* 'причинять нарывы, изъязвлять, ранить'[119]. Следует отметить, что и сущ. *нарыв* (синоним к *веред* 'чирей') в конечном счете также восходит к корню в значении 'рвать, разрывать, нарушать целостность, повреждать') ('болезненно пухнуть, воспаляться, нагнаиваться, нарывать'). Показательно и наличие общего значения 'надсаживаться' у глаголов *вередúться* и *надрывáться*. Итак, семантическое развитие шло, видимо, от 'ранить, повреждать, изъязвлять' — 'язва' → 'нарыв (веред)'.

---

[117] И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. 11, № 6, 1874, стр. 12.

[118] Даль² I, стр. 82, 179; Подвысоцкий, стр. 16; Опыт, стр. 22; Филин 2, стр. 251; 4, стр. 127.

[119] Немецко-русский словарь под ред. А. Лепинга и Н. Страховой. М., 1958, стр. 481; Латинско-русский словарь под ред. С. Соболевского. М., 1949, стр. 898.

Наряду с конкретными значениями 'ушибать', 'ранить', 'повреждать физически', в славянских языках широко представлены и более обобщенные — 'портить, вредить, наносить моральный ущерб' (ст.-слав., болг., русск. диал., блр., укр.), 'делать назло, растравлять' (ст.-слав., русск.), 'обижать, оскорблять' (с.-хорв.), 'огорчаться, убиваться' (русск. диал.) и — соответственно — 'вред, ущерб' (болг., с.-хорв., ст.-слав.), 'зло' (ст.-слав.), 'беда' (русск. диал.), 'оскорбление, обида' (с.-хорв.) [120]. Сюда же, видимо, следует присоединять и чеш. *vřed* (3) 'neřad', отмеченное выше.

И еще одна любопытная семантическая группа, которую составляют примеры с более узким и специфическим значением — 'портить кого-либо с помощью колдовства, насылая болезнь', см. русск. диал. *вередить*, *вережáть* 'делать умышленно зло, портить заговором, напускать порчу', *свередовать* (?) 'извести, погубить колдовством' [121]. Сюда же относятся и слова в значении 'проказить, привередничать, чудить, капризничать': русск. диал. *вереднúк*, *вередýн* 'пакостник, проказник, прокудник, худой баловник, кто много бедит', *вередовáть* 'причудничать, чудить, привередничать, прихотничать', *приверéды* 'прихоть, причудливость', *приверéдничать* 'причудничать, притворяться' и др., укр. *вéреди* 'капризы, прихоти', *вередíй*, *вереднúк* 'капризник, прихотливый' [122] и т. п. Закономерность связи 'колдовать' и 'чудить, проказничать, капризничать' подтверждается, в частности, таким примером, как *кудéсить*, который означает не только 'волховать, колдовать, заниматься чарами, ворожбой, заговорами, чернокнижием', но и 'бедить, прокудить, проказить, куролесить', ср. также родственные ему — *причýда* 'каприз, странность, чудачество, прихоть' и *причýдливый* 'кто причудничает, прихотничает, привередничает, чудит' [123].

Нужно отметить, что славянские примеры, обозначающие болезнь' или 'тяжелую болезнь', выводимы из указанных выше значений 'вредить, портить, порча', см. у Срезневского: *врѣдьный* 'поврежденный, больной, калека' ('повреждение' — 'калечность' — 'болезнь'). Что касается названий отдельных болезней, то они могли возникнуть на основе конкретизации общего понятия 'болезнь, заболевание'. Однако существует и иная возможность объяснения — 'болезнь как результат колдовской порчи, напущения'. Последнее замечание особенно приложимо к таким болезням, как падучая, корчи, судороги, которые согласно суеверным представлениям могли быть «напущены» на человека с помощью кол-

---

[120] Срезневский I, стб. 316—318; Бернштейн. Болгарско-русский словарь, стр. 87; РСА III, стр. 36, 39; Даль [2] I, стр. 179; Добровольский, стр. 58; Носович, стр. 48; Гринченко I, стр. 134.

[121] Даль [2] I, стр. 179; Добровольский, стр. 817.

[122] Даль [2] I, стр. 179; Даль [3] III, стб. 1048; Филин 2, стр. 147; Гринченко I, стр. 134.

[123] Даль [3] II, стб. 544; Даль [2] III, стр. 460.

довства, ворожбы (хотя не исключена возможность, что это относится и к другим заболеваниям); см. у Даля: *пóрченый* — 'испорченный злым знахарем, на кого находит, напущено, припадки вроде падучей, пляски Вита, кликушества, беснованья и пр.'[124]. Значение 'яд' (ст.-слав., с.-хорв.) также легко объяснимо как 'то, чем вредят, портят'.

Итак, как мы видим, именно значение 'повреждение, вред', рассматриваемое в качестве первичного, дает возможность объяснить становление всех основных значений славянского **verdъ*.

Корректурное примечание. Уже после того, как данная работа была сдана в печать, вышла в свет статья Ф. Безлая Na robu srbohrvatskega (in slovenskega) etimološkega slovarja (Jezik in slovstvo XVIII, 1972—73, 4), где *gâba* 'подагра' (слово дается именно с такой акцентуацией) также связывается со словенским *gábati* 'бедствовать, погибать', которое возводится им к тому же и.-е. корню **gheubh-* 'сгибать', но через ступень **gōb-*, а не **gъb-* (однако Ф. Безлай считает возможным реконструировать ступень **gъb-* для с.-хорв. *gàbav* 'с искривленными конечностями').

---

[124] Даль[2] III, стр. 322.

В. А. Меркулова

СТАРОСЛАВЯНСКОЕ *ДВЕКА* 'ЖВАЧКА'

В южнославянских языках есть любопытное слово. Это хорватское *dvȅka* 'березовая смола, используемая как колесная мазь, деготь'. Кроме того, существует и прилагательное *dvȇkav*, *dȅkav*, употребляемое в сочетании со словом *kruh* 'хлеб' и означающее 'сырой, непропечонный, клейкий'. Такой хлеб носит название *dvekóvnica*, *dekóvnica*. Существует и глагол *dvečiti*, *dvȅčiti* 'размягчать, разжевывать пищу для ребенка своими зубами, жевать'[1]. Ср. еще серб. *nadékati se* 'наесться'[2].

Последнее значение отражено в словенском *dvekati*, *dvęčiti* 'жевать', *prdvêkati* 'цережевывать'[3]. В той же форме глагол зафиксирован в памятнике XVIII в.: *dvečiti*[4].

В старославянских памятниках слово датируется XI веком: двека (-дьвѣка) 'жвачка, ruminatio, μηρυκισμός' — «Аще къто ѥси отъ чистъихъ и въ законѣ и живѫщиимъ двекѫ Божиѩ, и на жрьтвѫ приꙗтьнъ» (εἴτε τῶν καθαρῶν τις εἶ, καὶ ὑπο τὸν νόμον, καὶ μηρυκισμὸν ἀναγόντον τοῦ λόγου, καὶ πρὸς θυσίαν ἐπιτηδείων). Глагол двековати, двѣковати 'жевать жвачку' отмечен в толковом Евангелии XVI в. (русская редакция среднеболгарского текста)[5].

Это слово не прошло мимо внимания этимологов. Миклошич уже в своем Лексиконе в статье *двека* приводит польск. *dźwięga* и отсылает к глаголу *жвати*, считая их связанными образованиями. В Этимологическом словаре он привлекает еще болг. *дъвка* 'жвачка', *дъвча*, *дъвкам* 'жевать' и сравнивает их с формой *gvača*[6]. Бернекер реконструирует праславянскую форму в виде **dvęka*, привлекает южнославянский материал, выводя болг. *дъвка* < < **dvъka*, но дальнейшую этимологию анализируемого слова считает неясной[7]. Скок также не дает этимологии интересующего нас слова, ограничиваясь приведением материала[8]. Безлай сопоставляет словенские формы с лтш. *dvaka* 'березовая смола'[9].

---

[1] Iveković-Broz I, стр. 280.
[2] RJA, Sv. 31, стр. 262.
[3] Pleteršnik I, стр. 187.
[4] Megiser Dictionarium 1744 г. — Извлечения из Люблянских архивов, сделанные О. Н. Трубачевым.
[5] XIII слов Григория Назианзина по сп. XI в. — Miklosich LP, стр. 154; Срезневский I, стб. 637, 638.
[6] Miklosich, стр. 53.
[7] Berneker I, стр. 240.
[8] Skok I, стр. 465.
[9] F. Bezlaj. Eseji o slovenskom jeziku. Ljubljana, 1964, стр. 148.

Авторы болгарского этимологического словаря ограничиваются приведением только болгарских форм, считая их вторичными, они выводят их из и.-е. **guw-uk*, **guw-ā-kjo* с диссимиляцией *g—k* > > *d—k*[10]. Брюкнер, вслед за Миклошичем, включает ст.-польск. *dziękwa* 'жвачка' в круг анализируемых слов в качестве родственного образования[11]. Вайан считает старославянские формы результатом переразложения приставочных образований, типа **raz(ŭ)ž(ĭ)vati* > *raždivati*. Простой глагол получает расширение *-k-ati*, далее **raždve-* > *razdve-*, по депревербализации *dvekati*[12].

Таким образом, исследователи или отказываются от этимологизации данного слова (Бернекер, Скок) или же исходят из глагола **žьvati* как источника данных форм, опираясь на значение слова *двека*.

Между тем в русских говорах на очень ограниченной территории зафиксированы образования, абсолютно совпадающие с южнославянскими формами. Это вологодское (кадниковское и тотемское) *двя́ка*: «*Двя́ка*, оригинальное кушание, оно состоит в том, что при выкурке парового дегтя часть бересты, по оплошности дегтекура, не превращается в пар, но остается в кубе и имеет вид теста, сладковатого на вкус. Вот это-то тесто и есть «двяка», которую охотно едят женщины»; *двя́чить* 'жевать, пережевывать' (волог.); 'делать, исполнять что-либо медленно' (волог.)[13].

Эти примеры существенным образом изменяют ареал слова. Что касается его этимологии, то можно высказать одну, достаточно спорную, гипотезу. В тех же вологодских (верховажских) говорах отмечены любопытные формы: *две́чить* 'повторять многократно': «Все про одно и то же *двечит* — прямо надоел» [14], *двочить* то же [15].

Для обозначения действия, совершаемого несколько раз, в русском языке используется глагол *повторять*, образованный от числительного *второй*. Кажется естественным предположение, что в основе русских глаголов *двечить*, *двочить* 'повторять' лежит числительное *два*. Ср. использование этого числительного для образования таких глаголов, как *двоить*, *двояшить*. См. *двоить пашню* 'перепахивать дважды', *двоить покос* 'косить отаву', с.-хорв. *двојачити се* 'повторяться'. Если предположить, что глаголы *двечить*, *двочить* образованы от числительного *два*, то их можно реконструировать как **dъvěčiti*, **dъvočiti*. Элемент *-k-* можно рассматривать как адъективный суффикс производящего числительного. Ср. расширение числительного **dъva* суффиксом *-k-* в таких формах, ст.-слав. двачьць 'близнец' русск. *двач* 'плод (фруктов, овощей), состоящий из двух сросшихся частей' (псков) <

---

[10] БЕР, стр. 453.
[11] Brückner, стр. 113.
[12] A. Vaillant. Quelques faits de dépréverbation. — «Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Spławiński». Kraków, 1963, стр. 156—157.
[13] Филин, вып. 7, стр. 311.
[14] Там же, стр. 284.
[15] Даль³ I, стб. 1034.

**dъvačь* < *duō-k-j-*; *двочники* 'двойня' (сиб.)[16] < **dъvočьnīkъ* < *duŏ-k-*; с.-хорв. *dvoke* мн. 'двойная свирель' (у писца XVIII в.)[17].

Присоединение адъективного расширителя *-k-* к основам числительных — процесс достаточно древний. Ср. др.-инд. *dvaká* 'двойной', *triká* 'тройной', *ekaká* 'единственный', лат. *unicus*, гот. *ainaha* 'единственный'; от и.-е. **duis-* с формантом *-ko-* др.-в.-нем. *zwisk*, англо-сакс. *twisk* 'двойной'[18].

Связь русск. *двечить*, *двочить* 'повторять' с числительным *два* представляется вполне реальной.

Переход значений от 'повторять' к 'жевать' кажется несколько странным. Но следует учитывать, что в старославянских памятниках слово дѣка употребляется только по отношению к жвачным животным, для которых свойственно отрыгивание и в т о р и ч н о е пережевывание пищи. Ср. еще русск. *двоя́шить* 'ломать или разрезать надвое' (псков., твер. осташк.)[19]; *троя́шить* 'есть, уписывать' (псков. твер. осташк.)[20].

Многочисленные польские формы *dzięga*, *dźwięga*, *dźwęga*, *dzięk-wa*[21] и др. образованы от соответствующих глаголов *dzięgać*, *dźwięgać*, *dźwiągać* 'есть с шумом, с хрустом, чавкать', которые восходят к праславянским **zvęgati*, **zvękati*, ср. укр. *дзвякати* 'чавкать'[22]. Таким образом, польские названия жвачки имеют самостоятельное происхождение и не могут быть сопоставляемы с южнославянским *dveka*.

---

[16] Ф и л и н, вып. 7, стр. 281, 303.
[17] RJA, sv. 8, стр. 935.
[18] F. S p e c h t. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, стр. 191; P o k o r n y I, стр. 230.
[19] Дополнение к Опыту, стр. 40.
[20] Там же, стр. 271.
[21] Варшавский словарь I, стр. 654.
[22] Г р и н ч е н к о I, стр. 378.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

7. Невѣгласъ/невѣголосъ

В древнерусских переводных и оригинальных памятниках письменности названные слова не редкость. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров: имѣи смѣрение велико · не забываи болѣ ти · бѫди ꙗко невѣгласъ · и радьникъ · имѣи кротость къ всѣмъ (XI в., Син. пат., л. 181 об.)[1]; в Житии Феодосия Печерского по списку XII в.: о худости ризьнѣи мнози ѡт невѣглас оусмихающе са томоу роугахоуть са (Усп. сб., л. 61 б, 29—30); азъ грѣшьныи Несторъ ... на дьꙗконьскыи санъ ... извѣденъ сыи юмоу же и не бѣхъ достоинъ гроубъ сы и невѣглас (там же, л. 67б, 5—21); в другом месте: гроубъ сыи неразоумичьнъ (там же, л. 61а, 30—31).

В приведенных примерах невѣгласъ употреблено в значении 'несведущий, неразумный, невежественный'.

В Повести временных лет: и прозваша Ѡльга вѣщии · бaху бо людие погани и *невѣголос* (в Радз. *невїгласи*; Хлебн. *невѣгласи*) — Ип. л. 12 об.[2] (Лавр. нет): се же (Володимеръ. — *А. Л.*) бѣ *невѣголосъ* (Ип. *невѣглас*) · а наконець ѡбрѣте спсенье (Лавр. 25 об.[3], Ип. 31 об.); пред симь же временемь и слнце премѣниса. и не быс(ть) свѣтло· но акы мсць бъ(і)с(ть) его же *невѣгласи* глють снѣдаюму сущю (Лавр. л. 55 об., Ип. 61 об.) и др. Всего в Повести временных лет интересующее нас слово в Ип. зафиксировано 6 раз, а в Лавр. 5 раз, из них в полногласной форме в Лавр. — два раза, а в Ип. — один раз. Значение то же: 'невежественный, не просвещенный идеями христианства'.

Кирилл Туровский: велика полза сгрѣшающимъ нам слышати писаниꙗ: мнози бо *невѣглас* богопослушливи ꙗвишаса (сп. XIV в., оригинал восходит к XII в.)[4]; а рыбарѣ тивериꙗдьскаг юзера *невѣгласи* суща. . .[5]; *невѣглас*ы попы въ великии четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и до седмаго четверга по велицѣ дни тамъ дер-

---

[1] Синайский патерик. М., 1967, стр. 398.
[2] ПСРЛ II, стб. 23.
[3] ПСРЛ I, стб. 80.
[4] М. Сухомлинов. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858, VI, стр. 45. — Картотека ДРС.
[5] Там же, VII, стр. 71. — Картотека ДРС.

жать (1551 г.) [6]; и свободи градъ Псковъ отъ иноязычникъ рукою Александровою и рече Александръ: о *невѣгласи* псковичи аще сего забудете. . . уподобитесѧ жидомъ (Пск. II лет.) [7]; а ленивии безумнии *невѣгласи* нед҃ли чаютъ да оставльше дело на ѹлицах҃ и на игрищах събираютсѧ (Слова и поучения против язычников XVI в.) [8]; наченшу подъячему царьскии наказь чести • Емельян не вста и шапки не сня; вся его станица оляухи, орачи, *невѣгласы* селяне, никто не вста и шапки не сня по повелѣнию храброго учителя своего (1691 г.) [9].

Значение слова *невѣгласъ* в приведенных примерах то же, что и в предыдущих.

Интересующее нас слово в русском и украинском языках употребляется и позже вплоть до наших дней [10]. Таким образом, употребление слова *невѣгласъ* в восточнославянских языках непрерывно, начиная с XI в.

По образованию невѣгласъ относится к таким типам, как: небогъ от богъ; нечловѣкъ (Супр. 211, 1—2) от чловѣкъ; невѣдомъ, ἄγνωστος, от вѣдомъ и т. п. Таким образом, невѣгласъ от вѣгласъ. Последнее также зафиксировано памятниками письменности, ср.: не съсжды пастѫха грѫба сѫща • ни гоубаща овьца стаданьіа • ни подаѭща влькомъ • и стѣнамъ • нъ и зѣло хъжакоу и вѣгласоу [11], последними словами переведено греч. περιεσχεμμένου καὶ ἐπιστήμονος [12], т. е. 'опытно и умело'. Говоря иначе, хъжакъ то же, что и восточнославянское *хожальи* 'опытный, натренированный в ходьбе'.

Věhlas, *věhlasný*, *věhlasiti* в значениях 'мудрость, слава', 'просвещенный', 'проповедовать' известны чешскому языку, начиная с его первых памятников письменности и поныне [13].

Очевидно, что вѣгласъ состоит из глагола вѣ в форме аориста 3 л. ед. ч. от вѣмь, вѣдѣти и имени гласъ; тип образования исключительно редкий [14]. Форма же аориста вѣ/вѣстъ, так же как и да/дастъ, пѣ/пѣтъ, нача/начатъ и т. п., зафиксированы в памятниках старославянской письменности. Правда, вѣ находим в них только

---

[6] Стоглав. Изд. 2. Казань, 1887, стр. 91.

[7] ПСРЛ V, стр. 4.

[8] Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. «Записки Московского археологического ин-та», т. XVIII, 1913, стр. 205 и сл. — Картотека ДРС.

[9] Памятники древнерусской письменности, вып. 108, СПб., 1895, стр. 30.

[10] Срезневский II, стб. 365; Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961, стр. 72; Словарь церковнославянского и русского языка, т. II. Изд. 2. СПб., 1867, стб. 897; Даль [4] II, стб. 1321; Гринченко II, стр. 539; ССРЛЯ 7, стб. 723.

[11] Слова Григория Назианзина, рукопись сп. XI в. Ленинградской Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, хранящаяся под шифром: Q. п I. № 16, л. 235 в, 1—6).

[12] Срезневский I, стб. 478. Здесь и другие примеры.

[13] Jungmann V, стр. 54 и сл.; Kott IV, стр. 598 и сл.; VII, стр. 1009; PSJČ IV, стр. 856; Trávníček, стр. 1641.

[14] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 302.

несколько раз, причем преимущественно в приставочных образованиях: не вѣ никтоже сице глаголати (Супр. 382, 17—18), ср.: и никтоже не вѣстъ (Мф. XXIV, 36 Ас., Зогр., Мар.); и повѣ июдеомъ (И. V, 15 Мар.), в Ас. и Остр. — повѣда; Зогр. — повѣдѣ — последние две формы явно вторичные, образовавшиеся от повѣдати и повѣдѣти; пропокѣ са на кровѣхъ (Л. XII, 3 Ас.), в Зогр. и Мар. — проповѣстъ са; отъвѣ имъ исъ (И. X, 25 Ас.), в Зогр. и Мар. — отъвѣшта.

Из состава слова вѣ + гласъ не вытекает зафиксированное в памятниках письменности значение: 'сведущий, умеющий, мудрость', а тем более соединение не + вѣ + гласъ не может означать 'невежда, непросвещенный', так как невѣгласъ по своему составу могло означать только 'не знающий (не знал) голоса' — и только. По этой причине следует полагать, что вѣгласъ и невѣгласъ образовались не естественным путем, проходя, так сказать, обычные словообразовательные процессы, а представляют кальки. Действительно, *věhlas*, *věhlasiti* соответствуют нем. *Weissager*, *weissagen* 'предсказыватель; предсказывание'; 'предсказывать, пророчествовать'. Не вызывает при этом сомнения перевод *weis* славянским *vě-*; *Sager*, *sagen—hlas*, *hlásiti*, потому что в западнославянских языках *rěč* очень рано стало употребляться в значении *res* (уже в Житии Мефодия находим его в этом значении); *glagolъ* и *govorъ* в период X—XII вв. были известны в основном в звукоподражательных значениях (собственно, и ныне в чеш. *hlaholiti*, *hlahol* известны в значениях 'громко говорить, звучать, звук' и т. д.[15]). Тогда как в чеш. и слвц. *hlas* и поныне известно в значениях 'сказание, предание', 'мнение', 'суждение'; *hlasitel* 'проповедник'; *hlásati* 'проповедывать'[16]. Что *věhlas* — калька подтверждается еще и тем, что это слово, не имея особого агентивного суффикса, означает лицо, субъект, так же, как и другие кальки, ср.: пророкъ — калька греч. προφήτης; непрiѣзнь — калька с герм. *Unhold* и т. п.

Поскольку *věhlas*, *věhlasný*, *věhlasiti* в чеш. языке обычные слова, а в памятниках ст.-слав. письменности они не фиксируются, то объявление их церковнославянизмами в чеш., как это делает В. Махек, следует считать ошибочным[17]. Думаем, что указанные кальки *věhlas*, *věhlasiti* произошли на чехоморавской почве.

Каким образом оказались слова вѣгласъ, невѣгласъ в др.-русск. языке?

В памятниках ст.-слав. письменности находим всего один пример в Супр., где зафиксировано интересующее нас слово: толи ли забꙑ благодѣтелꙗ ба юл'ла оубо сице бѣша непочоуѭште и невѣгласи (417, 10—12), греч. ἀγνώμονες. В памятниках ст.-слав. письменности греч. ἀγνώμων обычно переводят словом невѣдомъ[18].

[15] Trávníček, стр. 415.
[16] SSJČ I, стр. 589 и сл.; Trávníček, стр. 415; SSJ I, стр. 477.
[17] Machek², стр. 681.
[18] Slovník jaz. stsl. II, стр. 342.

Вероятнее всего приведенный hapax legomenon Супр. — моравизм. Это мнение подкрепляется тем, что невѣгласи находится в Слове Иоанна Златоуста: ... о прѣдани-ї-юдъі и о пастѣ (405—424), где и имя Иоанна в заглавии написано в западнославянской форме: їана ... златоустаего слово... (405). Помимо этого, в тексте этой гомилии находим характерные для моравских переводов слова: комъканиѥ (405, 23; 421, 6) рядом причаштениѥ (405, 15—16); рачити (413, 8, 24; 414, 1, 4, 6 и др.); заштицаа (412, 17) рядом заштиштати (407, 29—30); вратка (410, 4) в переводе греч. εὐπερίτρεπτος 'неустойчивость, шаткость', ср. чеш. *vrátký* 'неустойчивый'; стъідъкъ, ср. примеры: оумомъ стъідъкомъ (418, 10), γνώμῃ ἀναισχύντῳ; в Клоц.: стоудъноѭ волеѭ (л. 7а, 18); стъідъкъіꙗ съвѣтъі онъі твораaше (Супр. 419, 23—24), в Клоц.: бестоудънъ, съвѣтъі творѣаше (л. 7 б, 27—28), греч. τὰ ἀναιδῆ σύμφωνα; ср. чеш. *stydký* 'стыдный, позорный' [19].

Среди указанных моравизмов находится и невѣгласи.

Поскольку в др.-русск. памятниках письменности невѣгласъ употребляется для характеристики, оценки язычника (ср. примеры о том, что Олега прозвали вещим потому, что люди были еще невѣгласи; Владимир был до крещения невѣгласъ и др.), то, надо полагать, что на Руси это слово пришло либо вместе с церковными книгами, либо его принесли священнослужители. Так как в памятниках ст.-слав. письменности это слово отсутствует, видимо, оно, т. е. невѣгласъ, пришло к нам из Чехо-Моравии.

Полногласная форма невѣголосъ, надо полагать, так же искусственна, как и просторонство из ст.-слав. пространьство; перелестити из ст.-слав. прѣльстити; скоропии или скоропиꙗ из ст.-слав. скоръпии < греч. σκορπίος и т. п.

8. Прабошнꙗ

Это слово зафиксировано в Повести временных лет под 6582 (1074) г. в форме местн. п. мн. ч.: ѥгда же приспѣꙗше зима и мрази лютии (Исакии. — *А. Л.*) станаше (Ип. стоꙗше) *в прабошнахъ* (Ип. *въ прабошнахъ*; Радз. въ оутлыхъ ботехъ) в черевыꙗхъ (Ип. в черевьихъ) в протоптанъıхъ ꙗко примерзнашета нозѣ ѥго г (Ип. къ) камени (Лавр. л. 65 об., Ип. л. 72). Этот же текст дословно повторяется в Киево-печерском патерике, но только в одном списке Новгородского Софийского собрания начала XV в., № 1365, где читается *въ прабошнахъ протоптаныхъ*, а в остальных: *въ плесницахъ раздраныхъ*. Речь и здесь идет о подвигах того же монаха Исакия [20].

[19] Trávníček, стр. 1471.

[20] Срезневский II, стб. 1342 и сл.; Д. Абрамович. Києво-печерський патерик. Київ, 1930, стр. 187.

Форма *в прабошнахъ* предполагает, что это существительное относилось к основам на *-ja*, типа: землꙗ, кровлꙗ, петлꙗ и т. п., поэтому вполне закономерно восстановление формы им. п. ед. ч. в виде прабошьнꙗ. На это никто не обратил внимания, поэтому у всех, кто писал об этом слове, оно фигурирует в форме *прабошень*. При такой форме остается неясным написание *ш* вместо ожидаемого *с*.

Все, кто интересовался этим словом, на основании глосс: *в черевьихъ*, *въ оутлыхъ ботехъ*, *въ плесницахъ*, — полагают, что прабошьнꙗ является названием какой-то обуви. Русск. диал. *напробосни* (новг., твер.) 'босовики, домашние башмаки'[21] подтверждает это допущение. Но, как видно, между — *пробосни* и прабошнахъ — имеется разница: в первом приставка *про-*, а во втором — пра-; в первом — *с*, а во втором — ш, т. е. *про-*/пра-, *бос-*/бош-, не говоря о том, что в *напробосни* предлог *на* стал составной частью слова.

Первый исследователь интересующего нас слова Н. Петровский писал: «По-видимому, выражение *въ черевьıахъ в протоптаныхъ* представляет собою объяснение к *в прабошнахъ*; в таком случае последнее слово можно было бы этимологически разложить на *пра-бос-ень*, ср. выражение *впробось* в языке XVIII века»[22]. Точнее: не пра-бос-ень, а пра-бос-ьнꙗ, что, естественно, дало форму прабошьнꙗ, так же, как и словен. *brušnja* < **brus-ьnja* 'точильный камень, брусок'; *mošnja* < **moks-ьnja* 'кошелек', ср. лтш. *maks* 'кошелек', лит. *makšna* 'ножны'[23]; русск. *квашня* < **kvas-ьnja* и т. п. Что же касается русск. диал. *напробосни*, то оно образовано присоединением суф. *-ънь* к *пробос-* или *пробос'-*, т. е. по типу: *порубьнь*, *поводьнь*, *стремьнь* и т. п., ср.: *напробос* и *напробось* 'на босу ногу': *надинь сапоги напробось, да сбигай в клить за заспой* (новг.)[24]; *обул бахилки на пробоску и заскробали* (новг.) 'натерли ногу'[25].

По поводу слова *прабошень* М. Фасмер пишет: «Сомнительно сближение с *босый*»[26], но для сомнений тут нет оснований.

Новг. *-пробос*, *-пробось* относятся к многочисленным образованиям с приставкой *про-* в значении 'для, для чего': проскѣпъ 'вид оружья', буквально 'для скепания', ср. *скепать* 'щепать'; протрака 'издержка на корм'; проскѣтъ 'скважня, дыра для света'

---

[21] Дополнение к Опыту, стр. 133; Даль[4] II, стб. 1185.

[22] Н. Петровский. По поводу труда Н. П. Некрасова «Заметки о языке «Повѣсти временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку летописи». — РВФ XXXVIII, № 3—4, стр. 169.

[23] Фасмер II, стр. 667 и сл.

[24] Опыт, стр. 123.

[25] Даль[4] II, стб. 1185; Дополнение к Опыту, стр. 133; Н. В. Попова. Из материалов для Псковского словаря. «Слово в народных говорах русского Севера». Л., 1962, стр. 63.

[26] Фасмер III, стр. 351.

и т. д.; *пробос* буквально 'для босой ноги', *на пробось*, *пробос* 'на босую ногу'. Отсюда вполне понятно: *напробосни* 'босовики, домашние башмаки'.

Однако в прабошьни приставка пра-, а не про-. По этому поводу И. Вахрос пишет: «Общеизвестно, что префиксы *пра-*, *про-*, *пре-* (< **per-*), как в русском, так и в других славянских языках, переплетаются по своей семантической значимости и часто близки друг к другу» [27]. Далее автор полагает, что **прабосъ* вместо *пребосъ* < прѣбосъ от *прабосити 'обноситься обувью, остаться без обуви', отсюда де и *прабошьнь 'протоптанная обувь'. В подтверждение автор ссылается на ст.-слав. праславьнъ из прѣславьнъ.

Едва ли можно сомневаться в том, что прабошьни восточнославянское слово, так сказать, туземного происхождения и образования. При этих условиях невозможно сближение приставок *про-* и *пре-*, потому что в восточнославянских языках вместо последней известно только *пере-*, которая никак не может превратиться в *пра-*. Одно это делает искусственным все построение И. Вахроса. Кроме того, употребление приставки *пра-* в значении прѣ-/*пере-* в прилагательных известно чеш. и слвц. языкам [28], а в восточнославянских языках подобное явление не фиксируется.

И. Панькевич в рецензии на книгу Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (Л., 1949) сообщил, что Е. Желеховский в своем известном труде: «Малорусько-німецький словар» (тт. I—II. Львів, 1886) привел слова: «1. *Прабіс*, *прабос* в значении а) 'босый в ботинках', б) 'совсем'; 2. *Прабіський* в значении 'узкий сапог'. Желеховский, — продолжает И. Панькевич, — не указывает нам источника, откуда эти слова взяты. При перемене *с* + *ь* в *ш* этимологическая связь между *прабошьни* и *прабісь*, *прабос* является ясной. А кроме того, эти слова близки и по значению» [29].

Таким образом, в укр. *прабісь*, *прабос* приставка *пра-* соответствует приставке *про-* в значении 'для'. В словаре Б. Д. Гринченко зафиксировано *праушник* 'буравчик для просверливания того отверстия в курительной трубке, в которое вкладывается чубук' [30], как видно, с той же приставкой *пра-*. Укр. так же, как и русск., знает и приставку *про-* в значении 'для', ср.: *промін* 'мена', точнее — 'для обмена'; *промел* 'плата за помол зерна'; *прокорм* 'корм', точнее — 'для корма' и т. п.

Употребление приставки *пра-* вместо *про-* в указанном значении могло произойти в результате контаминации этих приставок

---

[27] И. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959, стр. 153.

[28] А. С. Львов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 221.

[29] Slavia XXV, 1, стр. 90.

[30] Гринченко III, стр. 402.

и, как видно, такое явление зафиксировано уже в летописи в слове прабошьня[31].

Итак, прабошьня < *pra-bos-nja то же, что и *пробосьни* 'босовики, домашние башмаки'; первое, как отметили, образовано присоединением суф. *-nja* к *prabos-*, а *пробосьни* — присоединением суф. *-ьнь* к *probos-*. Выражение въ прабошьняхъ протопътаныихъ означает, что башмаки-босовики, в которых ходил Исакий зимою, были изношенные и вследствие этого, как отметил И. Панькевич, 'худые, дырявые'.

9. Скоморохъ

Это слово давно привлекает внимание лексикологов, и по поводу его происхождения высказаны самые различные мнения[32]. Тем не менее оно, «несмотря на многочисленные попытки, бесспорно, не объяснено»[33]. В последнем этимологическим словаре русского языка в статье *скоморох* читаем: Ein schwieriges Wort; трудное слово[34]. Таков, так сказать, итог различных попыток разобраться в истории и составе слова скоморохъ.

При анализе значения и попыток объяснить состав интересующего слова, естественно, следует исходить из того факта, что слово *скоморох* обозначало лицо, субъект, ролью, целью которого было развлечение людей на игрищах, праздниках и т. д. Поскольку выступление скоморохов привлекало много народу, а в христианские праздники они отвлекали людей от церкви, то в памятниках письменности, обычно писанных грамотными священнослужителями, скоморохи осуждаются, и их деятельность относится к бесовским. Например, в Повести временных лет под 6576 (1068) г. читаем: дьяволъ льстить. . . превабляя ны ѿ ба҃ трубами и *скоморох*ы (Ип. *скомрах*ы) гусльми и русальи (Ип. русальями). видим бо игрища оутолочена и людии множьство на нихъ. . . а цр҃кви стоять егда же бываеть годъ молитвы мало ихъ ѡбрѣтаються в цр҃кви (Лавр. л. 57, Ип. л. 63 об.)[35]. Другой пример: Въ троицкоую сѹботѹ по селом и по погостомъ сходатца моужи и жены на жалникаⷯ и плачютца по гробомъ с великим кричанїемъ и егда начнуть играти *скоморохи* гудцы и прегоудницы ѡниж ѿ плача преставше начноуть скакати и плясати и в долони бити

---

[31] Другие примеры см. В. В. Лопатин. Об именном префиксе *пра-* в русском языке. «Исследования по исторической лексикологии русского языка». М., 1964, стр. 245—259.

[32] Miklosich, стр. 301; Преображенский II, стр. 304 и сл.; Brückner, стр. 494; Фасмер III, стр. 648 и сл. У Преображенского и Фасмера ссылки на всю литературу вопроса.

[33] Преображенский II, стр. 304.

[34] Vasmer II, стр. 644; Фасмер III, стр. 648 и сл.

[35] ПСРЛ I, стб. 170; II, стб. 159.

и пѣсни сотониньскїе пѣти (Стоглавъ, сп. XVI в., л. 150, из собрания А. П. Хлудова) [36].

В переводной литературе словом скомрахъ передавали греч. ὁ μῖμος, например: Илисуградѣ ливаниси финичьскꙑꙗ градъ ѥсть въ немь же скомрахъ баше нѣк'то именемь гаинъ · и на вьсѣхъ игрищихъ стоѩ бцѩ роугаа сѧ коужаще ѩ (Син. пат., л. 32 об. — 33, XI в.) [37], греч. . . . ὁ μῖμος ἦν (вар. ὑπῆρχεν) τις ὀνόματι Γαϊανός. . .

По приведенным и другим данным [38], слово скоморохъ действительно обозначает действующее лицо. В этом слове суффиксом, придающим основе понятие лица, может быть только -охъ < *-*osъ*. В памятниках ст.-слав. письменности, по данным обратного словаря Л. Садник и Р. Айцетмюллера, нет слов, в которых был бы этот суффикс [39]. Но он существовал, о чем свидетельствуют др.-русск. *сопохъ* рядом *сопль*, *сопоухъ* — все в значениях 'труба, жолоб'; пол. *wiercioch* рядом с *wiercimak*, болг. *въртох* и др.[40]. Особенно употребителен суф. *-och* в чешском языке, с помощью которого в нем образуются имена со значением носителей свойства [41], как: *běloch*, *černoch*, *lenoch*, *mudroch* и т. п.

Нет сомнения в том, что в слове скоморохъ именно указанный агентивный суффикс -охъ < *-*osъ*. Оставшуюся часть слова после выделения из него суф. -охъ пытались сблизить с в.-луж. *skomořić*. Хотя Ф. Миклошич писал: os. *skomořić* ungehoriges begehen ist bei seite zu lassen [42], однако к этому же сближению вернулся позже Г. А. Ильинский, констатируя, что «основа этого слова (т. е. в.-луж. *skomořic'*. — *А. Л.*), несомненно, звукоподражательного происхождения. . . по своей форме есть очевидный denominativum» [43].

Таким образом, Г. А. Ильинский допускал, что в прошлом существовало отдельное слово *скоморъ [44], от которого в в.-луж. образовался глагол *skomořić*, а в др.-русск. существительное, обозначающее лицо — скоморохъ. Основу этих слов *skomor-*, как видели, Г. А. Ильинский признает по происхождению звукоподражательной. В подтверждение автор ссылается на глагол *skomati*

[36] С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. Л—М., 1938, стр. 166.

[37] Синайский патерик, стр. 100 и сл.

[38] Срезневский III, стб. 379 и сл.

[39] Sadnik-Aitzetmüller, стр. 206.

[40] W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I. Bd. Göttingen, 1906, стр. 476.

[41] Tvoření slov v češtině. 2. Praha, 1967, стр. 327 и сл.

[42] Miklosich, стр. 301; Pfuhl, стр. 635.

[43] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. ИОРЯС, XXIII, 2, стр. 243.

[44] Срезневский привел из Златоструя сп. XIV в. скоморомъ вместо скоморохомъ, но не ясно, что это — описка писца или фиксация слова скоморъ. См. Срезневский III, стб. 379.

'gemere', т. е. 'стонать', 'охать', *skomljati* 'γρύζειν', т. е. 'бормотать'.

М. Фасмер, не пытаясь опровергнуть приведенное мнение Г. А. Ильинского, объявляет все его суждения не относящимися к этимологии слова *скоморох* [45].

Еще до Г. А. Ильинского А. Преображенский допускал, что в глаголе *скомать*, *скомлять* основа, вероятно, звукоподражательного происхождения [46]. В. Махек, например, не сомневается, что слав. *skom-* в глаголе *skomliti* и лат. *gemō* 'стонать, охать' и т. д. — одного корня [47]. Данные, приведенные А. Преображенским, Г. А. Ильинским, В. Махеком и другими, на наш взгляд, убедительны в том, что *skom-* в глаголе скомати, скомлѣти звукоподражательного происхождения. От этого корня могло образоваться существительное **skomorъ* в значении 'стон, ворчание, визжание' так же, как от звукоподражательного *gou-* образовалось существительное говоръ в значении 'шум, крик, гвалт', а от последнего глагол говорити 'шуметь, кричать' [48].

Суффикс *-orъ*, так же, как и *-ochъ*, непродуктивный; первоначально, видимо, он присоединялся только к корням звукоподражательного происхождения. Правда, суф. *-orъ* сравнительно с *-ochъ* фиксируется чаще, ср. болг. *сохор* 'рычаг', серб. *косор* 'косарь, большой нож', словен. *grahor* 'вика', польск. *kaczor* 'селезень', русск. *чехор* 'драчун, забияка' и т. п. Из исследователей старославянского языка лишь А. М. Селищев фиксирует суффикс *-orъ* в словах *gov-orъ*, *stob-orъ* [49]; остальные исследователи этот суффикс в старославянском не отмечают [50].

Итак, образование в.-луж. *skomořić* и восточнославянского скоморохъ от **skomorъ* вполне вероятно. Образование слова скоморохъ относится к глубочайшей древности, поскольку фиксируемые в нем суффиксы *-or-* и *-ochъ* < **-osъ* в историческую эпоху были уже непродуктивными. Первоначальным значением слова скоморохъ, по всей видимости, было 'подражающий каким-то звукам', а позже он стал и музыкантом, и плясуном [51], по-видимому, и певцом.

---

[45] Фасмер II, стр. 644.

[46] Преображенский II, стр. 304.

[47] Machek [2], стр. 547.

[48] Slovník jaz. stsl. I, стр. 411.

[49] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, стр. 70.

[50] А. Лескин. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, стр. 115—149; A. Vaillant. Manuel du vieux slave, t. I, sec. éd. Paris, 1964, стр. 205—212; русский перевод 1-го изд.: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 227—234; Я. А. Спринчак. Из наблюдений над суффиксальным образованием имен существительных в языке Супрасльской рукописи. «Наукові записки Дніпропетровського державного університету», т. 63, вып. 14, 1958, стр. 3—14.

[51] В переводе с польского в 1617 г. «Похождения в землю святую Радивилла Сиротки в 1582—1584 гг.» читаем: Когда оны сватовья и *скоморо-*

Скоморохъ с давних пор — восточнославянское слово. Из восточнославянских языков это слово заимствовано польским языком как изустно, на что указывают диалектные адаптированные формы *skomroch*, *skomroszny*, *skowrośny* [52], так и письменно. По крайней мере, с начала XVII в. в польском литературном языке фиксируются *skomoroch*, *skomoroski*, которые употребительны и поныне [53].

В морфемном составе слова скоморохъ/*skom-or-ochъ*/ нет полногласного сочетания основы, поэтому написания в памятниках церк.-слав. письменности скомрахъ является искусственным изменением естественной формы слова с целью приспособления его по звучанию южнославянским словам с неполногласными сочетаниями *trat*, *tlat*.

10. Сѫпостатъ

В памятниках ст.-слав. письменности этим словом передаются различные греч. слова ὑπεναντίος, ἀντίπαλος, πολέμιος и др., например: тъгда цѣсарь оуалъ и тъ съврабъ воꙗ своꙗ готовлꙗше сꙙ изити на сѫпостаты (Супр. 191, 21—23), греч. ὑπεναντίους; да бѫдетъ ти страшенъ сѫпостатомъ (Син. тр. 99а, 15—16), греч. ὑπεναντίοις; мироу сѫпостатъ (Супр. 388, 27), греч. ἀντίπαλος; покори емоу вьсꙗ врагы і сѫпостаты (Син. тр. 5б, 23—24), греч. πολέμιον.

По типу образования сѫпостатъ относится к таким, как съпрѣти сꙙ — сѫпрь; съпрꙙгати или съпрꙙшти — сѫпрѫгъ, сѣсти сꙙ — сѫсѣдъ и т. п., в которых происходит чередование ъ/ѫ, объясняющееся тем, что съ-/сѫ- восходят к **sъn-*. В существительных *sъn-* сохраняется без изменения, а в глаголах перед согласными указанная приставка сохранилась с отпадшим *-n* [54]. Наличие упомянутых глаголов подтверждается примерами: съ аггеломъ ... съпрѫ сꙙ (Супр. 242, 8—9); съ красноѭ женоѭ съпрꙙже сꙙ (там же, 196, 6); тѣло ... осинꙗетъ сѫсѣдаѭшти сꙙ крьви

хи отошли, наѣхали были на насъ разбойники. — В польском также читается: Gdy oni swatowie i tanecznicy odeszli. . . Таким образом, пол. *tanecznicy* переведен словом *скоморохи*. — Картотека ДРС.

[52] Утверждение А. Брюкнера, что в польск. «в 15 в. было прилагательное *skomrośny* или *skomroszny* о 'бесстыдном, нескромном' (в говорах и поныне искажено: *szkowrośny*, *skowroszny* и т. п. о 'веселом, ловком'), и в этом доказательство, что это слово (т. е. *skomorochъ* — *А. Л.*) праславянское» (Brückner, стр. 494) — не соответствует действительности, потому что при наличии собственного *skomroch* не было бы никакой нужды заимствовать в XVI в. восточнославянское слово с полногласием. Наличие же в ранних памятниках польской письменности до XVI в. *skomrośny*, *skowrośny* свидетельствует только об изустном заимствовании восточнославянского скоморохъ с приспособлением его к особенностям собственной звуковой системы.

[53] Linde V, стр. 259 и сл.; Варшавский словарь VI, стр. 158; Doroszewski VIII, стр. 306 и сл.

[54] A. Vaillant. Manuel. . ., стр. 341; в рус. переводе. — стр. 376.

(там же, 89, 13—16); *съсѣдоста* въ (-оу. — *А. Л.*) королѧ в шатрѣ и начаша думати (Ип. л. 161 об.)[55].

По этой модели существительное сѫпостатъ должно быть от глагола *съпостати. Как отметил А. Мейе, ни по-статъ и ни статъ не засвидетельствованы, известны только формы остатъкъ < *o-stat-kъ* и останъкъ[56] в значении 'что осталось', а не 'стояти, стати'. Указанные имена образовались от основы глагола присоединением суф. -тъ или -нъ, так же как: мостъ < **met-tъ*; молотъ, трутъ, клинъ, станъ, сънъ < **sъp-nъ* и т. д.

Говоря иначе, невозможно подобрать данные, свидетельствующие о том, что сѫпостатъ могло образоваться, проходя обычные словообразовательные процессы. Этому мешает отсутствие глаголов **postati* и **sъpostati*. В связи с этим, думается, следует поискать, каким же образом возникло это имя. По своему составу сѫ-по-статъ точно копирует греч. ὑπ-εν-αντίος, ср. ὑπο— 'с, сопровождение' = сѫ= 'совместность'; ἐν = 'перед, по' = по; ἀντίος 'находящийся напротив, противоположный'=статъ или постатъ.

Возникшая в процессе переводов с греческого ὑπεναντίος славянская калька сѫпостатъ получила широкое распространение в церковнославянской и древнерусской письменности, и притом она настолько укрепилась в русском литературном и народном языке, что и поныне является употребительным словом[57].

---

[55] ПСРЛ II, стб. 447.
[56] Meillet. Études, стр. 302.
[57] Срезневский III, стб. 620 и сл.; ССРЛЯ 14, стб. 1024.

Г. Ф. Одинцов

ЕЩЕ РАЗ К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ЛОШАДЬ*

Др.-русск. и русск. *лошадь* — сравнительно п о́ з д н е е заимствование, первоначально диалектное; его история и этимология взаимосвязаны, и факты из истории и географии термина имеют значение для выяснения его происхождения.

* * *

Со времен появления Словаря русского языка, составленного II Отделением АН (т. IV. СПб., 1913, стлб. 1936—1944, статья *конь*), и деятельности Московской диалектологической комиссии (Н. Н. Дурново и др.) вошло в традицию утверждать, будто слово *лошадь* представлено, как правило, на Юге России, а *конь* — на Севере [1].

Это, однако, сомнительно по отношению к южновеликорусским говорам, особенно в историческом плане; значительную активизацию слова *лошадь* на Юге относят к XIX в.[2] Это сомнительно и по отношению к северновеликорусским говорам, на территории распространения которых термин *лошадь* активен, по материалам XIX—XX вв., в следующих местностях (учитываются как непосредственные указания авторов-диалектологов, так и цитируемый ими материал и сведения о диалектном произношении названия) [3]: Архангельская г.: Мезенск. у. (Т—IX, 20), Шенкурск. у.

[1] Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, стр. 221. П. С. К у з н е ц о в. Русская диалектология. М., 1960, стр. 132.

[2] С. И. К о т к о в. Очерки по лексике южновеликорусской деловой письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 86—93.

[3] В представленном перечне сло́ва *губерния*, *область*, *уезд*, *район* сокращены: г., о., у., р. Указания на многочисленные деревни, села, станицы, приходы, волости опущены, как и весь иллюстративный материал. В скобках названы источники, и если они рукописные, то дополнительно сообщается о дате.

Условно-сокращенные обозначения источников, не указанных в общем списке сокращений, принятых в сб. «Этимология»:

Голанов — Дополнения к «Материалам для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина. Коллективная работа студентов литературно-лингвистического отделения Ярославского педагогического института под редакцией проф. И. Г. Голанова и ассистента С. А. Копорского. Ярославль, 1926.

Гриб — Р. Т. Г р и б. Хрестоматия по старожильческим говорам Центральной и Западной Сибири. (Учебное пособие). Красноярск, 1967.

КБАС — Картотека «Словаря современного русского литературного языка» (Ленинградское отделение ИРЯ АН СССР).

Копорский — С. А. К о п о р с к и й. Архаические говоры Осташков-

(Подвысоцкий, 98—99; Дополнение к Опыту, 22; Т — XI, 26 и 28); Онежск. у. (Ш — V, 203—205); Архангельск. и Холмогорск. у. у. (Подвысоцкий, 120); Пинежск. у. (там же, 181); Онежск. и Кемск. у. у. (Там же, 134); без указания уезда (Там же, 148; Дополнение к Опыту, 234, 257). Владимирская г.: Покровск. у. (2-ое Доп.; Т — XI, 51; Ш — I, 6—8); г. Иваново-Вознесенск (Т — XI, 67); г. Шуя (Ш — II, 23) и его у. (Т — XI, 1—4, 6—12, 14—19); г. Муром и его у. (Ш — XI, 3 и 5; Опыт, 133); Меленковск. у. (Ш — IX, 36, 40); Ковровск. у. (Т — XI, 39). Вологодская г.: Вологда и у. у.: Вологодск., Грязовецк., Кадниковск., Тотемск., Вельск. (Т — XI, 93); В.-Устюжск. у. (Опыт, 239; Т — XI, 96—97, 99; Ш — IX, 79—80, 82—84); Кадниковск. у. (Ш — III, 51, 67; Ш — IV, 135; Т — XI, 96); Сольвычегодск. у. (Опыт, 240; Ш — IX, 117); Грязовецк. у. (Ш — V, 171; Т — XI, 83); Никольск. у. (Ш — IX, 49; Т — XI, 101). Вятская г.: Оханск. у. (КБАС, без даты); Малмыжск. у. (КСРНГ, 1911; Т — XI, 123; Ш — IX, 95); Яранск. у. (Ш — VIII, 160, 163; Ш — IX, 119); Орловск. у. (Ш — IX, 101, 103); Нолинск. у. (Ш — VIII, 95, 97, 99, 220); Слободск. у. (Ш — IX, 109); Котельническ. у. (Ш — VIII, 3, 7; Ш — V, 163). Иваново-Вознесенск. г. (см. еще: Владимирская г.): Пейковск. у. (Т — XI, 132). Иркутская г. (Цомакион, 10; Опыт, 147, 177). Казанская г.: Царевококшайск. у. (КСРНГ; Т — XI, 141, 143—145, 147—149, 152, 153, 155); Казанск. у. (Ш — XI, 15); Чистопольск. у. (Ш — I, 2); Тетюшск. у. (Т — XI, 137, 139); Свияжск. у. (Т — XI, 134; КСРНГ, 1912); Цивильск. у. (Ш — XI, 20, 26, 29—31); Базяково (Т — XI, 101, 135). Колымский край (Богораз, 77; в фольклоре (там же, 284). Костромская г.: Костромск. у. (Ш — VI, 286; Т — XI, 161, 163); г. Галич и у. (Ш — IX, 123; Т — XI, 156; КБАС, без даты); Ветлужск. у. (Т — XI, 103, 178, 180, 181; в фольклоре: П. В. Шейн. Великорусс. . . I, В. 1, 1898, стр. 243); Кологривск. у. (Ш — VIII, 188, 190; Т — XI, 158); Чухломск. у. (Т — XI, 167, 170); Нерехтск. у. (Т — XI, 166, 174); Буйск. у. (Ш — I, 17, 19); Юрьевск. у. (Т — XI, 175); Варнавинск. у. (Т — XI, 177); Кинешмск. у. (Ш — VIII, 195, 198); Марьевск. у. (Ш — VIII, 122; Т — XI, 172); Мисковск. вол. (Т — XI,159—160).

ского района Калининской области. Материалы для словаря. — Уч. зап. Калининского педагогического института, 1945, т. X, в. 3.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (Ленинградское отделение ИРЯ АН СССР).

Т—II. . .XII. — Труды Московской диалектологической комиссии (Труды Комиссии по диалектологии русского языка). Вып. II; Варшава, 1910. Вып. III; Варшава, 1914. Вып. VIII; М., 1919. Вып. X; Л., 1928. Вып. XI; Л., 1930. Вып. XII; М., 1931.

Цомакион — Н. А. Цомакион. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.

Ш—I. . .XI. — «Материалы для изучения великорусских говоров» под ред. А. А. Шахматова. Вып. I—XI. СПб. (Пг.), 1896—1922. Вып. I—III, 1896. Вып. IV, 1897. Вып. V, 1898. Вып. VI, 1903. Вып. VIII, 1903. Вып. IX, 1910. Вып. XI, 1922.

Красноярский кр. Из 23 употреблений слов *лошадь* и *конь* (в кн.: Гриб) 10 приходится на первое название: Шушенск. р. (85); Ачинск. р. (64, 67, 70); Емельяновск. р. (61); Казачинск. р. (50, 52); Туруханск. р. (13); Енисейск. р. (25). Красноярск. у. бывшей Енисейской г. (Цомакион, 152). Нижегородская г.: Арзамасск. у. (Т — XII, 4, 10, 12, 15, 18, 20, 21, 22, 45, 197); Семеновск. у. (Т — XII, 27, 31); Сергачск. у. (Т — XII, 32—34); Макарьевск. (Лысовск.) у. (Т — XII, 24—25). Новгородская г.: Белозерск. у. (Ш — IX, 169, 170, 172, 174; Т — XII, 38); Тихвинск. у. (Опыт, 67, 152; Т — XII, 38, 74); г. Устюжна и его у. (Ш — III, 88—89); Новгородск. у. (Ш — II, 26 и 28); Кирилловск. у. (Т — XII, 64, 66); Демянск. у. (Т — XII, 58, 59); Валдайск. у. (Т — XII, 57); Череповецк. у. (Герасимов, 45); Крестецк. у. (Т — XII, 72); Боровичск. у. (Т — XII, 35). Новосибирская о.: Мошковский р. (Гриб, 152—153). Олонецкая г.: Олонец (Ш — IV, 107, 109); Повенецк. у. (КСРНГ, 1912 г.); Вытегорск. у. (Ш — II, 40 и 41); Каргопольск. у. (Т — XII, 87; Куликовский, 62); Петрозаводск. у. (Ш — I, 11; Ш — IV, 122, 124; Ш — V, 155; Куликовский, 27, 28, 65); Пудожск. у. (Куликовский, 62); без уточнения места (Опыт, 175; Куликовский, 51); в фольклоре (КБАС, без даты). Омская о.: Тарск., Тевризск., Сидельниковск., Усть-Ишимск., Большереченск. р. р. (по архивным материалам Омского педагогического института им. А. М. Горького); Тарск. у. бывшей Тобольской г. (Дополнение к Опыту, 209). Пермская г.: Шадринск. у. (Ш — IX, 238; Ш — XII, 132, 133); Камышловск. у. (Т — XII, 119, 121); Екатеринбургск. у. (Т — XII, 117); Пермск. у. (Т — XII, 127); Чардынск. у. (Ш — IX, 235); Верхотурск. у. (Уральская о., Тагильск. округ. — Т — XII, 114); Ирбитск. у. (Ш — IX, 215); Красноуфимск. у. (Ш — IX, 218, 220). Петербургская г.: Шлиссельбургск. у. (Т — XI, 186); Новоладожск. у. (Дополнение к Опыту, 198). Псковская г.: Смол. у. (КБАС, без даты); Холмск. у. (Ш — VIII, 108; Т — XII, 137); Великолуцк. у. (Ш — VI, 291; Т — XII, 134, 137); неоднократно без уточнения места (КБАС, без даты; КСРНГ, 1904—18 гг., 1912—14 гг. и 1958 г.; Дополнение к Опыту, 156, 206, 254, 275). Северодвинск. г. (Т — XII, 165). Симбирск. г.: Алатырск. у. (Т — XII, 153); Ардатовск. у. (Т — XII, 154); Карсунск. у. (Ш — VIII, 204). Тверская г.: Кашинск. у. (КСРНГ, 1901; Сб. ОРЯС, т. 70, № 5, стр. 88); Вышневолоцк. у. (Т — XII, 169, 170, 172); Новоторжск. у. (Т — XII, 177, 180; Т — VIII, 24); Калязинск. у. (Т — XII, 175); без уточнения места (КБАС, без даты); Осташковск. у. (Дополнение к Опыту, 156, 206, 254); Тверск. у. (Сб. ОРЯС, т. 75, № 2, стр. 6); Осташковск. р. Калининской о. (Копорский, 101—102, 120). Тобольская г.: г. Тюмень (Т — XII, 181); Ишимск., Курганск., Тарск. у. у. (Ш — II, 34); Тюменск. округ (Ш — III, 70); Тобольск. округ (Ш — VI, 283); Ишимск., Тарск., Курганск. у. у. и г. Омск (Ш — II, 32, 33, 34); без уточнения места (Цомакион, 297). Том-

ская г.: Канск. у. (Цомакион, 215, 260). Томск. округ (Там же, 106); без уточнения места (Опыт, 221). Тюменская о.: Ялуторовск. р. (КСРНГ, 1930). Уральская о.; Коми-Пермяцк. окр. (Т — XII, 183). Ярославская г.: Тутаевск. у. (Т — XII, 188); Дан. у. (Голанов, 31); Ярославск. у. (Т — XII, 189—191); Ростовск. у. (Т — XII, 185, 186; Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 35 и 68); без уточнения места (Мельниченко, 33 и 105; Е. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896, стр. 3, 10, 33; Голанов, 10).

Таким образом, слово представлено на Севере очень широко, особенно в Новгородской, Тверской, Вологодской и Костромской губерниях.

Активно употреблялось оно в этих, а также в других местах Севера и в XVI—XVII вв. Так, в Новгородской земле название известно как самое обычное — в деловой записи — уже в XIII в. (Духовная Климента, около 1270 г.).

Оно широко употребляется здесь в XV—XVII вв.:

1) возмуть Новгородское или человѣкъ или лошадь (XV в. Договор Казимира с Новгородом)[4]. — Ни в современном, ни в старом польском *лошадь* не отмечено, так что употребление слова соответствовало новгородским нормам;

2) в опубликованных Новгородских ямских книгах 1586—1631 гг.[5] термин *лошадь* употреблен 101 раз при отсутствии слова *конь* (проводилась сплошная выборка материала на стр. 95—294).

Обратимся к другой древнейшей севернорусской земле — к Ростово-Суздальскому княжеству, в состав которого, кроме его южной оконечности — Москвы, — входили Тотемский, Велико-Устюжский и Сольвычегодский край, а также Кострома, Тверь и т. д.

Любопытно, что именно в Тверской летописи, и ни в какой другой (по данным Картотеки МДРС), встречаем чрезвычайно показательное производное *лошадина* 'конина' (в записи под 1170 г.): иніи лошадину ядоша въ великое говѣние (1534 г., список начала XVII в.[6]). По-видимому, в Ростово-Суздальской земле слово *лошадь* было особенно активным. И действительно, при сплошной выборке слов *конь* и *лошадь* в трехтомнике «Таможенные книги Московского государства XVII в.» (М.—Л., 1950—1951), где представлены исключительно устюжские, сольвычегодские и тотемские записи, оказалось, что на протяжении 1781

---

[4] Русская историческая библиотека, т. 22, кн. 2, стб. 16.

[5] И. Я. Гурлянд. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1900.

[6] Полное собрание русских летописей, т. XV. СПб., 1863, стб. 247. — Знаменательно, что *лошадина* и в наши дни характеризуется как специфический тверской (калининский) диалектизм. См. Материалы для заданий по курсу русской диалектологии. Калинин, 1972, стр. 32.

страницы слово *лошадь* встречается 4953 раза [7], а *конь* — пять раз, причем *конь* и в этих редчайших случаях — чаще видовое обозначение: цена 7 р. жеребцу, а другой лошаде, коню, цена 2 р. (1635—36 гг. — т. I, стр. 263). Здесь *конь* — 'лошадь, не являющаяся женской особью', *лошадь* же, как и в массе других случаев,— родовое, основное название. Выбор слова (*конь* или *лошадь*) может зависеть от писца, но поскольку представленная картина наблюдается в 168 таможенных книгах, помещенных в трехтомнике, то этот фактор здесь не имеет значения. В иных же устюжских деловых памятниках — в порядных актах епархии того же периода — *конь* упоминается нередко, наряду с *лошадь* [8].

Употреблялось слово *лошадь* в этой части Северного края также в XV—XVI вв.: Далъ. . . пять рублевъ. . . да лошадь пополнка (т. е. в придачу. — *Г. О.* — Белозерск., 1428—34 гг.) [9]; доводчику ѣздити. . . безъ. . . лошади (Уставная Белозерского монастыря. 1488 г.) [10]; А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади (Уставная грамота Соловецкого монастыря Бѣжецкого Верха, села Пузырева. 1561 г.) [11].

Встречается термин и в костромских записях середины XVI в. [12], и в московских памятниках XV в.: чтобы ѣхалъ. . . лошадеи бы не жаловалъ: гдѣ у него которая подвода устанетъ, и онъ бы мѣнялъ. (Грамота великого князя Ивана Васильевича от 1492 г.)[13]. В московской письменности XVI—XVII вв. слово *лошадь* чрезвычайно активно.

Широкое отражение термина в архангельско-холмогорских памятниках XVI—XVII вв. не представляет в данном случае интереса, т. к. слово *лошадь* известно в документах более раннего периода, чем время колонизации русскими Архангельской земли.

Известно лишь 4 древнерусских памятника XIII—XIV вв., в которых употреблено слово:

1) Духовная новгородца Климента, между 1258 и 1268 гг., — древнейший русский подлинник, фиксирующий это название: два села с ѡбильѥмь и съ лошадьми[14];

---

[7] Вот некоторые страницы, где *лошадь* употреблено по 5 раз и более: т. I, 162—166, 168, 169; т. II, 261—268; т. III, 459—462.

[8] Русская историческая библиотека, т. XIV, кн. 2, стб. 243; т. XXXV, стб. 876 и проч.

[9] Чтения ОИДР. М., 1900, вып. III, стр. 82.

[10] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. I. СПб., 1836, стр. 92.

[11] Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М., 1910, стр. 40.

[12] П. Н. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I. СПб., 1895, стр. 135.

[13] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I. СПб., 1882, стр. 69. Термин встречается в 13 московских памятниках XV в.

[14] С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1. М., 1952, стр. 55. М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 15.

2) Лаврентьевская летопись, сп. около 1377 г., где под 1103 г. в речи Владимира Мономаха сообщается: Дивно ми, дружино, оже лошадии жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его. . . То лошади жаль, а самого не жаль ли? [15] Так как протограф «Повести временных лет» датируют 1116 г. [16], то традиция указывать на первое употребление слова *лошадь* в речи Мономаха обоснованна;

3) Ипатьевская летопись (около 1425 г.), в которой на основе Лаврентьевского списка [17] эта же речь Мономаха повторяется дважды — под 1103 г., где в одном месте написано: а кобылу (вместо *лошадь*) его поиметь (л. 95 об.) [18], — и под 1111 г., также с заменой слова *лошадь* в одном случае: . . . смердовъ жалуете и ихъ конии (л. 99). Эту замену рассматривают как порчу первоначального текста [19];

4) Новгородский Софийский сборник XIV—XV вв., где в записи конца XIV или самого начала XV в. (л. 12а), встречая даже производное *лошадин* («въ ѡбразѣ лошадинѣ»), читаем: . . . ѡни ркоша лошадь видимъ [20]; в Пандектах же Ник. Черногорца (XIV в., ГИМ, Чуд. № 16, л. 183 об.) — «кобылу видимъ» (КДРС).

Очевидно, юго-западной письменности (см. Ипатьевскую летопись, Пандекты Ник. Черногорца) слово *лошадь* «было несвойственно, как и современным украинскому и белорусскому языкам» [21].

---

[15] Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 183—184.

[16] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. II. А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 41.

[17] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. XXX.

[18] ПСРЛ II, стр. 252.

[19] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. XXX.

[20] Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907, стр. 139—140, А. И. Соболевский. К хронологии одной особенности псковского говора. — РФВ, 1911, т. 65, стр. 403.

[21] Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, стр. 561. — Староукр. *лошадь*, встречающееся в официальных отчетах, написанных московскими служилыми людьми, является официальным русизмом, не характерным для живого употребления. Так, в составленных москвичом «Переписнiх книгах 1666 року» (Книга Малороссийского приказа № 121) несвойственное украинцам *лошадь* можно обнаружить на каждой из 438 страниц: пашенных лошадей 62 лошади. (Переписнi книги 1666 року. Подг. и ред. В. О. Романовський. Київ, 1933, стр. 51). А. Е. Крымский (Древнекиевский говор. — Изв. ОРЯС АН, 1906, т. XI, кн. 3, стр. 51) отметил укр. диал. черниговск. *лошадюга* — экспрессивное и изолированное наименование, не опирающееся в данном случае на слово *лошадь* (так как последнее в укр. говорах не отмечено) и ввиду этого представляющее собой, вероятно, заимствование из русских говоров. Ср. южнорусское донск. *лошадюка*, встречающееся у М. А. Шолохова в «Поднятой целине» (ч. I, гл. 19) в прямой речи (в размышлениях Кондрата Майданникова) как экспрессивное собирательное назва-

На Севере же Древней Руси это название известно уже в самых ранних его употреблениях в памятниках и обладает словообразовательной активностью (*лошадин* 'лошадиный', *лошадина* 'конина'). Этимологически родственное термину слово *лошак*, имеющееся, впрочем, и в украинском языке, правда, с иной семантикой, также искони известно на Севере — в Новгородской берест. грам. № 59 (XII или XIII в.) и в Духовной новгородца Климента. (Польск. *łoszak* — позднее заимствование из восточнославянск. [22]; блр. литер. *лаша́к* 'лошак', возможно, русизм).

В древнерусских текстах слово *лошадь* имеет сниженную стилистическую окраску и некоторый семантический оттенок дурной, плохой лошади, не коня, причем обе эти стороны были выражены в названии несколько ярче, чем в современном русском языке. (Это рассматривается в нашей статье «Из истории русской гиппологической терминологии» [23]).

Юго-западные древнерусские диалектизмы *фарь* 'породистая, наиболее ценная верховая лошадь' и *комонь* 'ценная верховая лошадь' сужали собой употребление слова *конь*, так что юго-зап. др.-русск. *конь* ближе по лексическому значеннию к укр. *кінь* 'лошадь, конь', чем к соврем. русск. *конь*. На севере же и северо-востоке Древней Руси понятие equus было не дифференцировано, судя по употреблению слова *конь* во всех случаях. Необходимость в таком разграничении была разрешена диалектным возникновением слова *лошадь* в указанном выше значении.

Использование слова в речи Владимира Мономаха вполне могло соответствовать тогдашней северной диалектной норме. Жизнь Мономаха была связана с Ростово-Суздальской землей. Здесь он строил города, украшал их зданиями; здесь, на берегу Волги, он писал «Поучение». В Ростов он приезжал еще будучи мальчиком. В 1108 г., за 3 года до совещания князей на Долобском озере, он основал г. Владимир (на Клязьме).

Итак, по своему употреблению слово *лошадь* было скорее всего севернодревнерусским диалектизмом. (Понятия северновеликорусский и севернодревнерусский тем самым здесь и ниже различаются). Таковым же оно было и по словообразованию, если иметь в виду не только и, быть может, не столько модель образования и суффикс -*'адь* (первоначальный корень *лош-* имеем в русск. *лошевод* 'конокрад', укр. *лошук* 'молодой жеребчик', *лошиця* 'кобылица' и проч.), но и сам корень слова, осмысленный на диал. основе к моменту возникновения рассматриваемого существительного.

Образования с суфф. -*'адь* чаще встречаются на территориях распространения русского, а не украинского языка.

ние лошадей. Отметим еще загадочное слвц. *лошаць* 'лошадь', записанное в селах восточнее Пресбурга («Русский вестник», т. 64, 1866, стр. 17).

[22] Brückner, стр. 312.

[23] «Вопросы языкознания и русского языка». Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 353. М., 1970, стр. 434—438.

Обращаясь к древнерусским существительным с этим суффиксом, которые имеются в Словаре И. И. Срезневского, подчеркнем, что они отмечены почти исключительно в севернодревнерусских памятниках, включая московские (о.-слав. повсеместно распространенные *лебѧдь* и *челѧдь* здесь и ниже во внимание не принимаются):

1) *рѹхлѧдь* 'движимое имущество, пожитки'. Соф. вр. 6890 г. (т. I, 370); Афан. Никит.; Губ. гр. ц. Ив. Вас. Тр. Серг. мон. 1541 г.; Рядн. зап. 1566 г.; Пут. Генн. и Позн. 3; *рѹхлѧдъка* ум. от сл. *рѹхлѧдь* Посл. м. Филип. Спирид. 1472 г. (Срезневский III, 199);
2) *мокрѧдь* 'болото' (?). Новг. купч. XIV—XV вв. (Срезневский II, 164);
3) *пестрядь*=*пестредь* 'ткань, состоящая из белых ниток в одном направлении и цветных в другом'. Афан. Никит. Плат. Бор. Фед. Год. 1589 г. (Срезневский II, 1778);
4) *ослѧдь* 'жердь толстая, бревно'. Новг. II л. 7077 г. *ослѧдище*=*оследище* увелич. от *ослѧдь*. Жит. Андр. Юр. LV. 214. (Срезневский II, 728);
5) *площадь* 'ровное, незастроенное место, площадь, улица'. Библ. 1499 г. (Мат. Бусл. 49 и 52); Новг. I л. 6845 г. (по Арх. сп.); Пск. I л. 7018 г.;
площадъка ум. от *площадь*. Зап. в(ел.) к(нязя) Дм. Ив. 1939 г.;
площадъка 'плошка, плоский сосуд'. Царск. гр. 1565 г. окт.; *площадьныи*=*площедьныи* прилаг. от сл. *площадь*. Миров. 1577 г. Судебн. 1497 г. (Срезневский II, 970);
6) *старѧдь* 'старик (?)' Пат(ерик) Син(айский) XI в. 101. (Срезневский III, 505). Этот Патерик палеографически сближается И. И. Срезневским с Остромировым евангелием [24], памятником новгородской ориентации. Слово *старѧдь* включается И. И. Срезневским в число «слов славянских, между прочим и произвольно придуманных для перевода греческих слов» [25]. Слово придумано для передачи греческого πρεσβύτερος; следовательно, в XI в. на Руси образования с помощью суффикса -'*адь* были, по-видимому, в какой-то мере продуктивны, что небезынтересно для истории слов *лошадь* и *лошак*, впервые отмеченных в памятниках XII в.

Правда, еще одно образование — *чернядь* 'утка особой породы' — выписано И. И. Срезневским из «Слова о полку Игореве», памятника, являющегося по ряду признаков юго-западным. Ср., однако, великорусск. диал. *чернядь* 'черная жирная утка' при отсутствии украинской литературной параллели.

---

[24] И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. XXXI—XC. СПб., 1879, стр. 50.
[25] И. Срезневский. Указ. соч., стр. 99.

В современном русском литературном языке существительные с суффиксом *-'адь* встречаются, хотя и нечасто: *площадь*, *пестрядь*, *рухлядь*, *лошадь*, *мокрядь*. Последнее из них напрасно считается диалектным [26]; оно никак не ограничивается территориально В. И. Далем [27] и употребляется писателем-урбанистом Ф. М. Достоевским в виде *мокреть* 'сырость, грязь, дождливая погода': «Рос он (убийца Ришар. — *Г. О.*) у них (у горных швейцарских пастухов. — *Г. О.*), как дикий зверёнок, не научили его пастухи ничему, напротив, семи лет уже посылали пасти стадо, в мокреть и в холод, почти без одежды и почти не кормя его» (Братья Карамазовы, ч. II, кн. 5, гл. IV). Очевидно, *мокрядь* (и *мокреть*) — просто редкое слово.

Что же касается русских говоров, главным образом северных, то такие образования встречаются в них несравненно чаще. Это подчеркивает Ю. С. Азарх, специально исследовавшая суффикс *-'ад'-*: существительные с этим суффиксом «сохранили ясные словообразовательные связи с производящими основами, не известными за пределами русского языка, причем и сама словообразовательная модель является диалектной: подобные слова. . . употребительны в основной своей массе в северновеликорусских говорах» [28].

Некоторые из примеров Ю. С. Азарх: *виследь* 'вялый, ленивый человек, разиня', вят; *дивледь* 'вещь или дело редкое, удивительное', нижегор.; *кисследь* 'щавель, дикий щавель', оренбург.; *маледь* 'зимние яблоки', вят.; *острядь* 'острый конец чего-либо', Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. 1, 2. Великий Устюг, 1912—1913, стр. 128; *пестредь* 'о грубой пестрой домашней ткани', вят.;[29] *роследь* и *рослядь* 'выращенный или осоложенный в зерне хлеб, порослый и засушенный на солод', нижегор.; *тухлеть* 'тухлое мясо', вят.; *чахледь* 'дым, смрад, гарь, горелый запах'; *черледь* 'ярко-красная охра' и т. д. Даже в обратном словаре русского языка, включающем в себя диалектный материал лишь отчасти, имеется свыше 20 слов рассматриваемой суффиксальной группы [30].

Список Ю. С. Азарх можно пополнить словом *трухледь* 'сухая гниль, обращающаяся в пыль от прикосновения', вологодск.,

---

[26] Ушаков II, стр. 245.

[27] Даль[3] II, стр. 339.

[28] Ю. С. Азарх. Существительные женского рода с суффиксом *-ядь* в русском языке. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Вып. II (Новая серия). М., 1961, стр. 153—154.

[29] Будучи литературным, *пестрядь* известно и в южнорусских говорах: четыре косяка пестреди краснои (Курск 1720 г. — С. И. Котков. Таможенные книги Камер-коллегии — источники по истории русского языка. «Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова». М., 1972, стр. 139).

[30] Russisches rückläufiged Wörterbuch zusammengestellt von R. Greve und B. Kroesche unter der Leitung von Max Vasmer. 2. Halbband. Berlin—Wiesbaden, 1959, стр. 114—115.

1902 (КСНРГ), при наличии образующей основы (*тръхл-ыи*. — Срезневский III, 1014) уже в древнерусском языке.

«Из исследований по истории русского языка нам известна лишь одна работа, — пишет Ю. С. Азарх, — в которой указывается на продуктивность имен с суффиксом *-'ад'-* (*-ед'-*) — в языке уральских грамот XVII в.» [31].

Добавим, что образования с суффиксом *-'адь* сохранились в некоторых украинских — в большинстве случаев в закарпатских говорах [32]. Этот суффикс остается относительно продуктивным в закарпатских верхнеприборжавских говорах, изолированных от других украинских диалектов и сохранивших в этом способе словообразования древнерусские черты, не характерные для украинского литературного языка [33]. «В современном украинском литературном языке из таких образований бытует лишь *челядь*» [34], — пишет И. О. Дзендзелевский. Уточним это: при сплошном чтении «Словаря украинского языка» Б. Д. Гринченко нами не обнаружено существительных с указанным суффиксом, за исключением о.-слав. *челядь* и *лебідь*. Касаясь далее вторичных, производных литературных наименований, можно говорить лишь о двух украинских словах с этим суффиксом — *чернядка*, *-ки*, ж. (*чернядка-плахта=чернітка-плахта=плахта-чернетка* 'плахта черного цвета', Гринченко IV, 458), названии изолированном, многовариантном, неустойчивом, и *трухлятина*, *-ни*, ж. ('гниль в дереве', Гринченко IV, 291), не имеющем, впрочем, украинской параллели *трухлядь*. Очевидно, для русского литературного языка образования с суффиксом *-'адь* более характерны. Не случайно великорусскому *площадь*, имеющемуся, впрочем, в болгарском (*площад*, м., первоначально ж. — БТР, 593; Младенов, 430) и македонском (*плоштад*, м. — Речник на македонскиот јазик. Ред. Блаже Конески. Скопје, II, 1965, стр. 187), соответствует украинское *площа*, *-щи*, ж. — *площина*, *ни*, ж. 'плоскость, равнина, площадь' (Гринченко III, 197); *пестрядь* по-украински *матербас*, м. (Гринченко II, 408). Итак, существительные с суффиксом *-'адь* были более характерны для русского, а не украинского языка (исключая закарпатские говоры).

Название *лошадь* возникло на базе склонявшейся, реально существовавшей формы *лаша*: а гдѣ живот монастырскии пасѹтъ

---

[31] Ю. С. Азарх. Указ. соч., стр. 150.

[32] Й. О. Дзендзелівський. Іменники з суфіксом *-jadь* в українській мові. «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 11. Warszawa, 1972. — Еще в одном славянском — польском языке, где есть гипологический корень *лош-* (ср. *łoszak*), но нет слова *лошадь*, данный суффикс не представлен в нарицательных существительных и сохранился лишь в топонимах (названиях деревень). — Mieczysław Karaś. O sufiksie *-ąd* (*-ądz*). Poradnik językowy. Warszawa, 1972, № 7, стр. 402—405.

[33] В. В. Нимчук. Словообразование именных частей речи в закарпатских верхнеприборжавских говорах. АКД. Киев, 1962, стр. 3, 13.

[34] Й. О. Дзендзелівський. Указ. соч., стр. 149.

зимою: лаше (вин. пад. мн. числа: *е* употреблено вм. ѣ), бѹиволицы и коровы, и с них емлют по ё денег (Сказание об Афонской горе Исаии, 1489 г., ркп. б. Чудова монастыря. ГИМ, оп. XVI в., № 236. — Картотека МДРС). Этот контекст до сих пор в научный обиход не вводился, форма *лаша* считалась незасвидетельствованной, и отчасти поэтому недавно высказано предположение о том, что русск. *лошадь* «имеет какой-то иранский источник»: «В осетинском языке (иронский диалект) имеется слово *ласаг* (lašag) 'рабочий скот (отличающийся большой физической силой)' и глагол *ласын* (lašyn) 'возить, перевозить, увозить, транспортировать'»[35].

Между тем, приведенное др.-русск. *лаша* (о лошади) вместе со всеми его славянскими производными, имеющими общую смысловую направленность — 'лошадь'[36], фонетически и семантически несравненно ближе к булгар. **лаша* (ср. чуваш. *лаша* 'лошадь'), чем к осетинскому *ласаг* 'рабочий скот', или, например, к монгольск. *лӯша, лōша* 'мул';[37] *алашас* 'кони' (XIII в.)[38] (существует, как известно, и монгольская этимология русского «коневодческого» корня *лош-*[39]).

Наиболее вероятным непосредственным источником заимствования является булгарский язык — точка зрения, высказывавшаяся неоднократно и последний раз выдвинутая Ф. П. Филиным в противоположность этимологии Б. А. Серебренникова[40].

Как справедливо отметил И. Г. Добродомов, источником заимствования также мог быть печенежский язык[41], подвергшийся

---

[35] Б. А. Серебренников. Этимологические заметки. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 211.

[36] Ср., кроме русск. *лошадь* с его многочисленными производными, укр. *лошун* 'лошадь' (Berneker, 734), *лошúця* 'кобыла, кобылица', *лошичка* ум.-ласкат. от *лошиця*; *лоша*, род. п. *лошати* 'жеребенок', *лошáтко* ласкат. 'жеребеночек', *лошáк* 'двух- или трехлетний мерин', уменьшит. *лошачок*; *лошиня, -няти* =*лоша* (Н.-Волын. у.), *лошáтна* 'имеющая жеребенка, с жеребенком' (Гринченко II, 378—379), блр. *лашáк* 'лошак'; польск. *łosz*! 'подзывной клич лошадей', *łoszak* 'маленькая татарская лошадь', устар.; 'жеребенок, жеребчик', устар.; *łoszę* диал. 'молодой конь, жеребец', *łoszka* презрительно о женщине: 'кобыла (перен.)' (Doroszewski, IV, 312) 'жеребенок' (Berneker, 734).

[37] В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении кайтаков. «Сочинения», т. V. М., 1968, стр. 371; Н. Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», т. I. Л., 1925, стр. 196; M. Räsänen. Der Wolga-bolgarische Einfluβ in Westen im Lichte der Wortgeschichte. Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1946, Bd. 29, стр. 197; P. Pelliot. Les Formes turques et mongoles dans la nomenclature zoologiqe du Nazhatu-'l-kulūb. — Bulletin of the School of oriental studies London Institution, vol. VI, part 3. London, 1931, стр. 556.

[38] С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941, стр. 193, 314, 574.

[39] M. Räsänen. Указ. соч., стр. 197.

[40] Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 562.

[41] И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») (автореф. канд. дисс.). М., 1966, стр. 9.

значительной булгаризации и относимой к огузо-булгарской подгруппе тюркских языков [42]. Действительно, не исключено, что, может быть, именно из печенежского языка, с носителями которого древние киевляне имели непосредственное общение, и пришло заимствование, судя по особенному богатству первоначальных, древних суффиксальных образований в украинском, а не в русском языке (при укр. литерат. *лоша*, *лошиця*, *лошак*, *лошук*, редк. *лошун*, представляющих собой разные слова, а не варианты одного термина, имеем лишь два русск. литерат. названия — *лошак* и *лошадь*, причем это последнее, как севернодревнерусский диалектизм, не получило распространения у предков украинцев и белорусов).

Связи Киевской Руси с печенегами возникают позднее русско-булгарских, но все же сравнительно рано — с начала X в. [43], и имеются письменные свидетельства тех времен о продаже печенегами лошадей восточным славянам: «И руссы стараются жить в мире с печенегами; они покупают у них быков, коней и овец и от этого живут легче и привольнее, т. к. на Руси ни одно из названных животных не водится» (Константин VII Багрянородный (род. в 905 г., ум. в 595 г.). «Об управлении государством», в переводе В. В. Латышева и Н. В. Малицкого) [44]. Впрочем, языковые связи киевлян на юге вполне могли быть и с булгарами.

О фонетическом облике др.-булгарского **лаша* можно судить, как известно, по чув. *лаша* — с полузвонким интервокальным шипящим, более близким к русск. *ж*, чем к *ш*. Однако в древние периоды развития чувашского консонантизма на месте современных шумных звонких были глухие шумные [45]. Звонкость чувашских шумных согласных «в наше время начинает достигать уже 70—80% звонкости русских шумных согласных. В первой половине XIX в. она не превышала 20—30%» [46].

Б. А. Серебренников устанавливает, что древнебулгарский язык, т. е. булгарский язык во время контакта венгров с булгарами, не знал озвончения глухих интервокальных согласных. (В частности, им сравниваются венгерские булгаризмы и чувашские их соответствия: венг. *ökör* 'вол' — чув. *vəγər*; венг. *seper* 'метла' — чув. *šəbər* и проч.) [47]

---

[42] Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 211.

[43] Первое сообщение о нападении на Русь печенегов датировано в «Повести временных лет» 915 годом.

[44] Хрестоматия по истории СССР, том I. Сост. В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский, изд. 4. М., 1951, стр. 54.

[45] В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971, стр. 179.

[46] В. Г. Егоров. Указ. соч., ч. I, Чебоксары, 1954, стр. 34.

[47] Б. А. Серебренников. О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. — «Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского». М.—Л., 1964, стр. 229.

Таким образом, в чувашском (булгарском) *лаша* ʻмерин, (извозная) лошадьʼ [48], перен. ʻимпотентʼ звук [š] первоначально вполне мог быть глухим. Действительно, в других тюркских языках это слово звучит только с глухим [š]: туркм. диал., карач., татар., башк., кумык. *алаша* ʻмеринʼ, турецк. диал. *алаша* ʻхудая невзрачная лошадьʼ, азерб. *алаша* ʻклячаʼ [49], ср. также маньч. *алашан* ʻклячаʼ [50]. Таково же интервокальное [š] и в нетюркских древних параллелях. (Ср. приведенные монг. *алашас*, 1240 г. и *лууша*, *лооша*, XIV в., а также кайтак. *лооша* ʻмулʼ, XVII в. [51], при калм. *lūs^u*, *lus^u* [52]).

Примечательна близость чуваш. *лаша* и русск. *лошадь* по их лексическому значению. По словам Юрия Германовича Серебрякова, 1937 г. рожд., из Алатырского района Чув. АССР, образованного чуваша, знающего родной язык и говорящего по-русски с заметным акцентом, соотношение русск. *лошадь* — *конь* и чуваш. *лаша* — *ут* совпадают; в частности, «чуваш. *лаша* ближе к *кобыла*, *ут* ʻконьʼ чаще мужского рода». Ср. сложное слово *йуланут* (и диал. *йоланут*) ʻоседланная лошадьʼ [53]. «Но нельзя сказать *йоланлаша*» (Ю. Г. Серебряков). В чувашском фольклоре (песни, пословицы) *лаша* употребляется как русск. *лошадь* [54].

Женский род и ударение на первом слоге в слове *лошадь* [55] (тюркск. *лаша*, *алаша* имеет ударение на последний слог) объясняются тем, что суффикс *-'адь* в русских существительных всегда безударный, а сами эти существительные — все женского рода [56]. Таким первоначально было и слово *лебедь* < *лебядь* (ср. *лебяжий*), ж. р., ср.: «. . . лебедь белая плывет». — Пушкин. «Сказка о царе Салтане».

Сравнивая слово *лошадь* со всеми без исключения другими др.-русск. существительными на *-'адь*, имеющимися в Словаре

---

[48] Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 540. В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 126.

[49] Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков (обще- и межтюркские основы)». М., 1966, стр. 53—54.

[50] А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных. «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 87.

[51] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 371.

[52] M. Räsänen. Указ. соч., стр. 197.

[53] Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I—II. Казань, 1898, стр. 61.

[54] Там же, стр. XXVIII. Н. Золотницкий. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Казань, 1871, стр. V.

[55] Многочисленные в XVI—XVIII вв. написания *лошедь*, *лошеть* и даже *лошодь* (наряду с *лошадь*) ясно говорят о тогдашнем ударении в слове. В стихотворных произведениях XVIII—XX вв. конечный слог слова безударный, как и в говорах, исключая смоленск. *лоша́дь*, м. р. (на Смоленщине употребляют *конь*; *лошадь* же воспринимается как городское, книжное; отсюда неосвоенность слова; «неисконность» его ударения и рода).

[56] Ю. С. Азарх. Указ. соч., стр. 154. Другое утверждение Ю. С. Азарх — о неподвижности ударения в суффиксальных образованиях на *-'адь* — неверно; ср. *пло́щадь—площаде́й*, *ле́бедь—лебеде́й*.

И. И. Срезневского, можно установить и словообразовательную модель (общеслав. *челядь* и *лебедь*, как значительно более ранние образования, не учитываются): с помощью этого суффикса образуются существительные от основы прилагательного, явление довольно позднее, встречающееся на Севере Древней Руси: пьстрыи — пьстрадь; мокрыи — мокрадь; чьрныи — чьрнадь; осьлии — осладь; плоский — площадь; старыи — старадь и более древнее рухлыи — рухладь.

Структурно близкое к перечисленным образованиям др.-русск. существительное *лошадь*, бесспорно позднего собственно русского (севернодревнерусского) оформления, по-видимому, также образовано от *лаша*, *лоша*, осмысленного как прилагательное (именное, женского рода; ср. *темна́*, *хороша́* и проч. — также с ударением на последнем слоге). Возможно, такое переосмысление тюркизма *лаша* было обусловлено наличием омонимичного ему прилагательного *лоший*, распространенного на тогдашнем Севере. Действительно, есть диал. костромское *лоший* 'плохой, дурной' [57] при наличии русскоцерковнославянского *лошь* 'дешевый, плохой' [58], родственного болг. литературному *лошь* 'дурной, плохой', с.-хорв. *лошь* 'несчастный, плохой', словенск. *lošen* 'плохой'.

Диал. костромскому *лоший*, вероятно, родственны вологодск. *лошить* 'красть?' [59], семантически не вполне ясное, но, бесспорно, обозначающее какое-то дурное действие, а также галичск. тверск. *лоходь* 'лошадь' при галичском же *лох* 'мужик' [60] и при тверских *лоха* 'дура, простофиля' и *лошуня* 'дурачок, юродивый' [61], возводимых М. Фасмером к **лошь* 'плохой' [62]. Все эти диалектизмы обнаружены исключительно на территории бывшей Ростово-Суздальской земли, где слово *лошадь*, по древнерусским памятникам, употреблялось особенно широко.

В таком случае оформление *лаша* в *лошадь* обязано народной этимологии и контаминации со словом *лоший*, что объясняет более значительный пренебрежительный семантико-стилистический оттенок др.-русского *лошадь* по сравнению с его современным употреблением. Факты подобного рода контаминации и народной этимологии, возникающих вследствие случайной звуковой близости, широко известны [63].

---

[57] Даль[3] II, 270.

[58] Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках. — ИОРЯС. Пг., 1915, т. XX, кн. 3, стр. 109. Дьяченко, 287.

[59] Даль[3] II, 270.

[60] Слова, употребляемые жителями города Галича и его уезда, собранные учителями тамошнего уездного училища Дмитрием Ржевским и Яковом Акеилевым. «Труды Общества любителей российской словесности при Московском ун-те», ч. 19. М., 1821, стр. 139.

[61] Даль[3] II, 240.

[62] Фасмер II, 524, 468.

[63] Утверждение о севернорусском происхождении слова *лошадь*, правда, аргументированное лишь отсутствием термина в украинском языке, высказывалось неоднократно, см.: П. Я. Черных. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950, стр. 124; В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 63.

Такой контаминации не произошло при образовании общевосточнославянского *лошак* и укр. наименований *лошиця*, *лошук*, оформившихся суффиксально из имени существительного *лаша* > *лоша*, *лошате*; ср. *орля*, *-ляти*, с. 'орленок' и *орлюк*, *-ка*, м. 'молодой орел'; *орлиця*, *-ці*, ж. 'самка орлиная, орлица', *орляк*, *-ка*, м. 'растение Pteris aquilina'; *осля*, *-ляти*, с. 'осленок' и *ослюк*, *-ка*, м. 'мул, лошак', *ослиця*, *-ці*, ж. 'ослица' [64] и т. д.

Ударение в восточнославянском *лошак* закономерно: во всех словах, помещенных с суффиксом *-'ак* в обратном словаре русского языка, суффикс ударный, как и в выписанных нами существительных из словарей Б. Д. Гринченко и И. И. Носовича.

Что касается точки зрения Б. А. Серебренникова об этимологической связи осетинского *ласаг* с русским *лошадь*, то осетинск. диал. *ласаг*, не являясь непосредственным источником русского термина, может, действительно, оказаться родственным тюркск. *лаша*, *алаша*: тюркомонгольские племена неоднократно вступали на протяжении своей истории в тесный языковый контакт с иранскими народами. Однако этот вопрос может быть предметом особого рассмотрения.

Судя по тюркско-монгольским параллелям к слову *лаша* и по его этимологии, выдвинутой Э. В. Севортяном, термин этот является исконно тюркским [65], вопреки мнению Б. А. Серебренникова. Кроме Э. В. Севортяна, начальное *а-* в чуваш. *лаша* предполагают для булгарского (древнечувашского) **алаша* другие тюркологи [66]. При этом др.-чуваш. **алаша* > *лаша*, ввиду отсутствия в нем перехода š > l возможно, наименование вторичное, заимствованное из других тюркских языков.[67] Утверждение Г. Дёрфера о том, что само тюрк. *alaša* 'разновидность лошади' как будто заимствовано из древнемонгольского [68], основанное на некотором преувеличении данных исключительно письменных памятников, не меняет картины проникновения булгарского термина к восточным славянам [69].

---

[64] Гринченко 3, стр. 63 и 69.

[65] Э. В. Севортян. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков (обще- и межтюркские основы)». М., 1966, стр. 53—54.

[66] Н. И. Ашмарин. Указ. соч., стр. 77; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. М., 1954, стр. 126.

[67] Не исключена, впрочем, и межслоговая диссимиляция, и тогда **алала* не возникло из *алаша* на собственно др.-чувашской почве.

[68] G. Doerfer. Gedanken zum Gestaltung eines idealen Türkischen Etimologisches Wörterbuch. — Orientalistische Literaturzeitung. LXVI, (1971), № 9—10, стр. 442.

[69] Обзор этимологий слова *лошадь* за исключением рассмотренной здесь точки зрения Б. А. Серебренникова представлен в нашей статье «Из истории русской гиппологической терминологии» (Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 353, М., 1970). Среди прочих там рассмотрена сомнительная этимология, выдвинутая М. Фасмером.

При подготовке настоящей статьи тюркский материал был в известной мере пополнен благодаря И. Г. Добродомову, любезно указавшему на несколько тюркологических работ.

Горячева Т. В.

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ НАРОДНОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Русская народная метеорологическая лексика в своей совокупности еще не привлекала внимания этимологов. В настоящей статье делается попытка дать представление о части народной метеорологической терминологии, а именно: о названиях осадков (мелкого дождя, ливней, мокрого снега, первого снега, изморози, инея), названиях туч, облаков, метелей, вьюг и сугробов.

Наиболее полное описание семантических групп определенного круга лексики важно как первый этап работы по дальнейшему словообразовательному анализу ее и выявлению определенных семантических моделей. Списки семантических групп создавались на основе выборки материала из диалектных словарей русского языка (см. список сокращений), использовались выписки из картотек Словаря русских народных говоров (Ленинград) Псковского и Печорского областных словарей (Ленинград), Диалектологического Атласа (Москва), записи экспедиций в Архангельскую область, а также некоторые диалектные записи автора.

1. Сильный продолжительный дождь.

водопа́д (Подм. 62), *за́ливе́нь* (Доп. 58), *ле́вень* (Ср. Ур. II, 87, Подв. 82, Даль³ II, 662; Сл. б. ср. Оби II, 126), *ле́й* (Оп. 102; Даль³ II, 662), *ле́я* (КСРНГ, Гриб 187), *ле́йка* (Комяг.), *лёва* (Даль³ II, 624; Доп. 100), *ли́вен* (Даль³ II, 662), *ливни́к* (Даль³ II, 662; Доп. 101), *ли́вный дождь* (Мирт. 172), *ливу́н* (Бог. 76), *нали́вка* (Подв. 97; Даль³ II, 1130; Оп. 122), *нало́й* (Даль³ II, 1135), *плы́вень* (Даль³ III, 331; Доп. 183), *полеве́нь* (Добр. 651), *поли́ва* (Даль³ III, 653; Подв. 129; Оп. 167), *проли́в* (Клин), *пролитьё* (Подм. 423); *сливно́й дождь* (Васн. 293).

2. Мелкий моросящий дождь.

бус (Даль³ I, 355; Ф 3, 302; Оп. 18; Кул. 12; Ср. Ур. I, 61), *бусе́не́ц* (Даль³ I, 355; Ф 3, 303; Оп. 18; Ср. Ур. I, 61), *бусе́нник* (Ф 3, 304), *бусено́к* (Ф 3, 304; Ср. Ур. I, 61), *бусёнчик* (Ф 3, 304; Ср. Ур. I, 61), *бу́сик* (Ф 3, 304), *буси́ха* (Даль³ IV, 166), *бусове́ц* (Ф 3, 305), *бусови́к* (Ф 3, 305; Ср. Ур. I, 61), *бусовичо́к* (Ср. Ур. I, 62), *бus*я́к* (Ф 3, 308), *грибни́к* (Клин.), *зо́лица* (Ср. Ур. I, 195), *имжа́* (Добр. 298), *кореба́* (Даль³ II, 411; Доп. 323), *мга* (Даль³ II, 811; Доп. 111; Пут. 118), *мелка́ш* (Усач. 114), *мжи́ца* (Даль³ II, 811), *мжи́чка* (Даль³ II, 811), *мокрик* (Даль³ III, 1228), *мокрине́ц* (Даль³ III, 25), *мокряк* (Даль³ IV, 1303), *моргаси́нница* (Даль³ II, 901), *морозга́* (Оп. 116; Подв. 92), *моросе́йка* (Даль³ II, 911; Оп.

116), *моросу́ха* (Кул. 56), *мо́рос* (Даль³ II, 43), *мо́рось* (Даль³ II, 911; Мельн. 113), *мо́рох* (Даль³ II, 911; Доп. 117; Мельн. 113), *мороха́* (Даль³ II, 911), *о́мморось* (Мельн. 133), *па́морга* (К Пск. Сл.), *па́морозь* (Даль³ III, 25), *па́морок* (Даль³ III, 25; Доп. 172), *паморока* (Даль³ III, 25), *па́морось* (Даль³ III, 25), *па́рось* (Даль³ III, 43), *подсе́вок* (Даль³ III, 535; Доп. 191), *подсе́ек* (Даль³ III, 535), *подсе́й* (Даль³ III, 535), *по́севень* (Доп. 205), *пу́рга́* (Даль³ III, 1414), *пыхту́н* (Подм. 431), *роси́нец* (Даль³ III, 1716; Доп. 232), *се́вень* (Даль³ IV, 687; Доп. 263), *(о)се́йник* (Клин.), *сеногно́й* (Доп. 263; Кул. 117; Даль³ IV, 695), *сертуха́* (Комяг.), *серь* (Комяг.), *сету́ха* (Кул. 106), *си́верка* (Дит. 222), *си́тега* (Кул. 106), *сити́вень* (Даль³ IV, 166; Доп. 242), *си́тник* (Даль³ IV, 166), *си́тничек* (Даль³ IV, 166), *си́тный дождь* (Даль³ IV, 166), *сито́вник* (Даль³ IV, 166; Доп. 242), *си́тоха́* (Комяг.; Кул. 106), *ситуга́* (Подв. 157), *ситу́ха́* (Даль³ IV, 166; Подв. 157, Комяг.), *ситя́га* (Даль³ IV, 166; Оп. 203), *су́морось* (Коп. 192), *хиз* (Даль³ IV, 1182), *хирь* (Комяг.), *чамра́* (Подв. 186), *че́лу́га* (Даль³ IV, 1302; Кул. 187), *челу́ха* (Даль³ IV, 1302; Оп. 255; Кул. 187), *чемара́* (Даль³ IV, 1303; Доп. 298), *чемра* (Даль³ IV, 1303), *чи́дега* (Даль³ IV, 1352; Оп. 257; Кул. 187), *чи́нега* (Оп. 258), *чи́пега* (Кул. 187), *чи́ра* (Даль³ IV, 1344; Оп. 258), *чит* (Даль³ IV, 1352), *чи́туга* (Кул. 187), *читу́ха* (Даль³ IV, 1352), *чи́чер* (Даль³ IV, 1353), *чичир* (Пут. 125).

3. Идти (о мелком дожде).

ба́тресить (Ф 2, 147; Ср. Ур. I, 37), *буси́ть* (Даль³ I, 355; Ф 3, 304; Ср. Ур. I, 62; Оп. 18; Сл. б. ср. Оби I, 55), *заваргоси́ть* (Даль³ I, 1393; Доп. 53), *имжи́ть* (Добр. 298), *клюси́ть* (Даль³ II, 306), *кра́пать* (лит.), *мара́ко́сить* (Даль³ II, 779; Доп. 110), *маргаси́ть* (К Пск. Сл.), *маркоси́ть* (Даль³ II, 779; Гов. Пр. 150; Доп. 110), *матраси́ть* (Пут. 118), *(за)матраши́ть* (Добр. 243), *ма́троси́ть* (Ср. Ур. II, 121; Оп. 112; Мирт. 182), *ма́тру́си́ть* (Ср. Ур. II, 121), *матуси́ть* (Оп. 112), *меркаси́ть* (Оп. 113; Даль³ II, 837), *меркоси́ть* (Даль³ II, 837), *мжить* (Даль³ II, 811; Доп. 113), *митуси́ть* (Подв. 91), *мокре́ть* (Даль³ II, 901), *моргаси́ть(ся)* (Даль³ II, 901), *морозжи́ть* (Ср. Ур. II, 141; Оп. 116), *морожжя́ть* (Оп. 116), *мороси́ть* (Даль³ II, 911), *мотроси́ть* (Даль³ II, 919; Доп. 117; Мирт. 188), *мотуси́ть* (Даль³ II, 919), *мукосе́ить* (Комяг.), *муроси́ть* (Кул. 57), *па́моросить* (Доп. 172; Мельн. 133), *па́росить* (Даль³ III, 43), *пороси́ть* (Даль³ III, 838; Доп. 201), *пороши́ть* (Васн. 239), *рамани́ть* (Растор.), *роси́ть* (Деул. 493), *семери́ть* (Деул. 509), *се́ять* (лит.), *си́байдать* (Кул. 106), *си́бандать* (Кул. 106), *сика́ть* (Деул. 513), *си́тежить* (Кул. 107), *си́тить* (Кул. 107), *ситуши́ть* (Комяг.), *труси́ть* (Гов. Пр. 327), *хи́рить* (Комяг.), *(за)цури́ть* (Добр. 259), *чамри́ть* (Комяг.), *чехоти́ть* (Кул. 133), *чи́барить* (Кул. 133), *чинжи́ть* (Комяг.), *чи́тать* (Даль³ IV, 1351).

4. Мокрый снег, снег с дождем.

гололёдка (Подм. 89), *грязь* (Васн. 54), *дребеде́нь* (Клин), *дребеди́ха* (Клин), *дрябня́* (Даль³ II, 722), *дря(е)зга́* (Даль³ I, 1237),

дряпня́ (Даль^3 I, 1238), *дряпу́ха* (Даль^3 I, 1238), *залепи́ха* (Клин), *ка́лега́* (Ср. Ур. II, 12; Оп. 78), *ка́лига* (Даль^3 II, 189), *каля́га* (Даль^3 II, 189), *кить* (Даль^3 II, 279), *ки́ча* (Даль^3 II, 279), *кутерьма́* (Клин), *ле́пень* (Даль^3 II, 639), *лепи́ха* (Клин), *лепня́* (Даль^3 II, 722), *лепуха́* (Комяг.), *липуха́* (Даль^3 II, 655; Подв. 82; Доп. 102), *липу́шка* (Ср. Ур. II, 97), *ляпу́ха* (Даль^3 II, 745), *мокри́к* (Даль^3 II, 881), *мокри́не́ц* (Даль^3 II, 881), *мокру́ша* (Клин), *нале́дница* (Клин), *па́борга* (Комяг.), *па́дера* (Сл. б. ср. Оби III, 5), *па́лиха*? (Даль^3 III, 21), *рёча* (Кул. 99), *ря́нда* (Даль^3 III, 1780), *слеки́ша* (Оп. 207), *слепня́к* (Даль^3 IV, 274), *слёта́ погода* (МДА I, 14), *слота́* (Даль^3 IV, 261; Оп. 207), *слоть* (Даль^3 IV, 261), *сля́ка* (Комяг.; Сл. б. ср. Оби III, 148), *сляки́ша* (Доп. 247), *тварь* (Оп. 227), *хале́ба* (Даль^3 I, 1238), *ха́лепа* (Даль^3 IV, 1163), *хи́жа* (Оп. 247), *хля́ба* (Даль^3 IV, 1201), *чамра́* (Оп. 254), *чемра́* (Даль^3 IV, 1284), *чи́чер* (Даль^3 IV, 1353), *чипо́р* (Даль^3 IV, 1343; Оп. 258), *шля́хоть* (МДА I, 98), *шля́ча* (Оп. 267).

5. Первый снег.

варо́к (Ф 4, 60), *вы́падь первая* (Ф 5, 323), *зази́мок* (Даль^3 I, 1446), *зази́мки* (Даль^3 I, 1446), *зази́мье* (Даль^3 I, 1446; Оп. 62), *за́мере́к* (Даль^3 I, 1501; Вод. 395), *замере́ка* (Даль^3 I, 1501), *за́мереки* (Даль^3 I, 1501), *за́мерзи́* (Бурн. I, 224), *мелкоснежница* (Подв. 90), *нази́мок* (Даль^3 II, 1086), *на́зимь* (Даль^3 II, 1086), *нази́мье* (Даль^3 II, 1086), *пе́рвая ро́ща* (Клин), *подзи́мки* (Даль^3 III, 446), *подзи́мье* (Даль^3 III, 446), *позе́мье* (Подм. 385), *поро́ха* (Подв. 133; К Пск. Сл.), *поро́шка* (Подв. 133), *порошу́ха* (Подв. 133).

6. Иней, изморозь.

ви́шай (Ф 4, 310), *ви́шар* (Ф 4, 310), *ви́шей* (Даль^3 I, 513; Ф 4, 310; Оп. 26), *вишь* (Ф 4, 311; Болх. 350), *во́дровь*? (Ф 4, 348; Даль^3 I, 548), *вра́сенец* (Подв. 22), *вышь* (Ф 6, 63), *га́лага* (Ф 6, 104), *га́лога* (Ф 6, 104), *гу́дега* (Подв. 35), *гу́стега* (Подв. 35), *и́вень* (Даль^3 II, 3), *и́зморозь* (лит.), *и́ней* (лит.), *и́нея* (Сл. б. ср. Оби II, 60), *и́ня* (Сл. б. ср. Оби II, 60), *каржевина* (Даль^3 II, 228), *коржа́вина* (Даль^3 II, 416), *ку́кта* (Даль^3 II, 549), *ку́ржа́* (Даль IV, 1353; Сл. б. ср. Оби II, 116), *ку́ржавень* (Подв. 78; Сл. б. ср. Оби II, 117), *куржа́к* (Оп. 97, Сл. б. ср. Оби II, 117), *куржевень* (Подв. 78), *ку́ржевина* (Даль^3 II, 228; Оп. 97), *куртёха* (Подв. 78), *курту́ха́* (Подв. 78; Оп. 97), *ку́хта* (Даль^3 II, 549; Оп. 99), *мгун* (КСРНГ), *мо́рост* (Мельн. 113), *облив на деревьях* (Даль^3 II, 1525), *обло́й* (Бурн. II, 4), *о́бморозь* (Даль^3 II, 1546), *о́кидь* (Оп. 139; Свенц. 222), *опо́ка* (Даль^3 II, 1764), *помару́ха* (Даль^3 III, 698; Оп. 169), *ру́мега* (Даль^3 III, 1742), *сла́на* (Даль^3 IV, 243), *хля́па* (Добр. 961), *чи́чега* (Даль^3 IV, 1353; Оп. 258), *ю́дега* (Кул. 141).

7. Облако, туча.

ба́лчи́на (Ф 1, 87; Оп. 6), *болос(ч)и́на* (Даль^3 I, 270), *бурачки́* (Комяг.), *бурса́к* (Подв. 12), *бухма́рь* (Даль^3 I, 359), *бычки́* (Наум. 5; Ср. Ур. I, 65), *вал* (Ф 4, 20), *водоле́й* (Ф 4, 343), *галмана́* (Ф 6, 116), *галмяна́* (Ф 6, 116), *глаба́здинка* (Ф 6, 176), *глуменко́* (Ф 6, 210),

глуменó (Ф 6, 210), *голманá* (Даль[3] I, 912; Ф 6, 297), *голмянá* (Даль[3] I, 912; Ф 6, 297), *грýбость* (К Печ. Сл.), *дурнотá* (Подм. 126), *жиделú* (Даль[3] I, 1344; Доп. 50), *занóс* (Ср. Ур. I, 179), *кохтега* (Подв. 73), *мóрок* (Доп. 117; Комяг.), *морокá* (Доп. 117; Гриб 189), *морочóк* (Комяг.), *мóрька* (Ср. Ур. II, 142), *нáволка* (Добр. 432), *нáволóк* (Даль[3] II, 1012; Подм. 280), *óблако* (лит.), *óболок* (Оп. 134; Доп. 151), *óболоко* (Оп. 134; Кул. 68), *пáоблако* (Даль[3] III, 31), *перевáла* (Оп. 155), *перевáлок* (Васн. 203), *пловýшки* (МДА, I, 41), *синевúцы* (Подв. 157), *стенá* (Оп. 219), *тéменца* (Подв. 172), *тéмень* (Даль[3] IV, 745; Оп. 227), *тóрок* (Комяг.), *тýча* (лит.), *хмáра* (Даль[3] IV, 1201; К Пск. Сл.), *хмýра* (Даль[3] IV, 1202), *хмарь* (Подм. 528).

8. Становиться пасмурной (о погоде), заволакиваться облаками (о небе).

бáлчиться (Оп. 6), *болоснúть* (Даль[3] I, 270), *бутýситься* (Ср. Ур. I, 63), *бухмáрить(ся)* (Оп. 18; Мельн. 37), *воздух натягивает* (Ф 5, 21), *гмы́риться* (Ф 6, 234), *забурмáчивать* (Кул. 24), *заволáкивать* (лит.), *заволокнýть* (Доп. 54), *закулáживаться* (Добр. 240), *закумжить* (Оп. 63; Даль[3] I, 1482), *закурáживать* (Клин)., *замолáживать(ся)* (Подм. 155; Васн. 78, Оп. 64; Ср. Ур. I, 178), *занестú* (Подм. 157), *заóблачить* (Даль[3] I, 1523), *запáморочить* (Даль[3] I, 1528; Оп. 65), *запáсмуреть* (Даль[3] I, 1529), *затóнить* (Герас. 41), *затухмаривать* (Сл. б. ср. Оби II, 45), *захмáриться* (Добр. 258), *захомя́чить* (Деул. 195), *моложúть* (Даль[3] II, 891), *морочáть* (Бог. 83; Сл. б. ср. Оби II, 156), *морочúть* (Сл. б. ср. Оби II, 156; Гриб 189; Комяг), *мухорúться* (Подв. 94), *наворáчивать* (Даль[3] II, 1014), *наклубáнить* (Даль[3] II, 1106), *на небе замывает* (Даль[3] I, 1515), *насýнуться* (Добр. 465), *натýчиваться* (Доп. 137), *натя́гивать* (о небе) (Подв. 99; Оп. 125), *нахмáрить(ся)* (Оп. 125; Добр. 472), *нахомя́чить* (Доп. 326), *нахумя́чить* (Оп. 125), *облачúться* (Доп. 148), *посерéть* (Даль[3] III, 916), *сúвреть* (Доп. 241), *сýдриться* (Подв. 167), *сýпиться* (Даль[3] IV, 636), (о небе) *хмáрить* (Даль[3] IV, 1201), *хумя́читься* (Даль[3] IV, 1219; Оп. 251),

9. Становиться ясным, -ой (о небе, погоде).

басúться (Ф 1, 131), *вёдренеть* (Даль[3] I, 427), *вéдреть* (Даль[3] I, 427), *выеры́щивать* (Оп. 31), *вы́ярыщить* (Даль[3] II, 806), *вы́яснить* (Сл. б. ср. Оби I, 91), *залы́сиваться* (Оп. 64), *запроя́сниваться* (Даль[3] I, 1555), *лы́ситься* (Мельн. 106), *обыря́ть,ся* (Подв. 106; Даль[3] II, 1636), *привёдривать* (Сл. б. ср. Оби III, 70), *прихорáшиваться* (Оп. 182), *прочáхлить* (Комяг;), *разгáдниваться* (Халан. 234), *разгýливаться* (лит.), *раздыря́ть* (Мельн. 172), *размолáживать* (Даль[3] III, 1530), *разъяры́щиться* (Мельн. 173), *разъя́сниваться* (Клин), *распогóдиться* (Оп. 189), *ухорошúться* (Оп. 243), *чермновáться* (Даль[3] IV, 1316), *я́дрú(е)ть* (КСРНГ).

10. Метель, вьюга, буран.

бурáн (лит.), *бурáнина* (Сл. б. ср. Оби I, 54), *бурáнка* (Сл. б. ср. Оби I, 54; Ф 3, 281), *буя́н* (Подм. 47), *верховая метель* (Ф 4,

166), *верхо́вка* (Ф 4, 164), *ве́я* (Ф 4, 229), *ве́ялица* (Даль[3] I, 806; Ф 4, 229), *вия́лица* (Даль[3] I, 806), *вьюга́* (Даль[3] I, 806; Ф 6, 65), *вьюха* (Гец. 165; Ф 6, 70), *вьюжина* (Ф 6, 65), *вья́га* (Ф 6, 71), *вья́лица* (Даль[3] I, 806; Ф 6, 71), *вьяль* (Ф 6, 71), *волоку́ша* (Ф 5, 56; Даль[3] III, 165), *ворогу́ша* (Ф 5, 108), *ги́ба* (Ф 6, 167), *голмяно́* (Ф 6, 296), *деру́нья* (Оп. 46; Даль[3] I, 1071), *ду́йка* (Ср. Ур. I, 147), *ду́йма* (Добр. 191), *забо́й* (Даль[3] I, 1378; Доп. 52), *заве́й* (Гов. Пр. 94), *за́вереть* (Доп. 53), *заверть* (Даль[3] I, 1396), *зави́ва* (Ср. Ур. I, 165), *завиво́ха* (Ср. Ур. I, 165), *завиро́ха* (Ср. Ур. I, 165), *зави(е)ру́ха* (Даль[3] I, 1397; Ср. Ур. I, 165; Оп. 60; Добр. 286; Гов. Пр. 94), *завиру́шка* (Гов. Пр. 94), *за́вороха* (Даль[3] I, 1406), *заворо́шня* (Даль[3] I, 1406), *закруте́лица* (Доп. 58), *за́крутель* (Доп. 58), *замете́лица* (Даль[3] I, 1502; Доп. 59), *за́мете́ль* (Даль[3] I, 1502; Доп. 59), *замету́ха* (Даль[3] I, 1502), *замету́шка* (Даль[3] I, 1502), *за́меть* (Даль[3] I, 1502), *за́мятель* (Подв. 51), *зано́с* (Клин), *за́нось* (МДА I, 160), *круте́лица* (Даль[3] II, 521), *кру́тень* (Даль[3] II, 521), *кура́* (Даль[3] II, 571; Оп. 97), *кура́* (*верхова́я, низова́я, пе́шая*) (Даль[3] II, 571), *ку́рева́* (Даль[3] II, 571; Кул. 46; Подв. 78), *ку́рево* (МДА I, 1), *курёха* (Даль[3] II, 571), *куте́лица* (Даль[3] II, 584; МДА I, 117), *кутерба́* (МДА I, 59), *кутер(ь)га́* (Даль[3] II, 584; МДА I, 53), *кутер(ь)ма́* (Даль[3] II, 584; МДА I, 64), *кути́ха* (Даль[3] II, 584), *ла́стовица* (Даль[3] II, 618), *мете́ль* (лит.), *метеля́* (Мирт. 185), *мету́ха* (Даль[3] II, 839; Доп. 113), *мя́лева* (Даль[3] II, 978 (с вопр.); Доп. 121, Кул. 59), *непу́тица* (Доп. 143), *па́дара* (Кул. 77), *падер* (Сл. б. ср. Оби III, 5), *па́дера* (Даль[3] III, 8; Кул. 77; Гриб, 193), *па́дёра* (Кул. 77), *па́дора* (Даль[3] III, 8; Кул. 77), *па́дорога* (Даль[3] III, 8), *перемете́лица* (МДА I, 114), *пе́реметель* (Сл. б. ср. Оби III, 15), *пере́метень* (Даль[3] III, 165), *переметй́к* (МДА I, 117), *перемётка* (Добр. 588), *пого́да* (Деул. 415), *пого́дица* (Доп. 186), *подеру́ха* (Даль[3] III, 441; Мельн. 150), *подзёмки* (Даль[3] III, 445), *подносу́ха* (Подв. 127), *по́зем* (МДА I, 48), *поземная метель* (Даль[3] III, 596), *по́земь* (Даль[3] III, 597), *позёмка* (Доп. 193; Бурн. II, 101), *позёмок* (Мельн. 154; Миртов 241), *позьму́ха* (Даль[3] III, 596), *ползуно́к* (Подм. 390), *ползу́ха* (Даль[3] III, 653; Оп. 167), *поно́с* (Даль[3] III, 441), *поносу́ха* (Оп. 170; Подв. 132), *поползу́н* (Сл. б. ср. Оби III, 54), *поползу́ха* (Даль[3] III, 441; Добр. 669; Подм. 400), *пощелейница* (Даль[3] III, 970), *пу́р(ь)га́* (Даль[3] III, 1414; Оп. 184; Сл. б. ср. Оби III, 93; Бурн. II, 151), *пу́рдега* (Кул. 96), *пуржи́на* (Сл. б. ср. Оби III, 93), *путе́нь* (МДА I, 18), *пу́те́р(ь)га* (Даль[3] III, 1423; Доп. 222), *пыль* (Оп. 185, Даль[3] III, 1436), *рям* (Даль[3] III, 1780; Доп. 235; Кул. 103), *сипу́га* (Оп. 203; Даль[3] IV, 163; Мирт. 294), *сипу́ха* (Даль[3] IV, 163), *сипу́чка* (Даль[3] IV, 163), *сно́й* (Даль[3] IV, 323), *су́дра* (Даль[3] IV, 621; Оп. 220, Подв. 167), *тащи́ха* (Даль[3] IV, 732), *тварь* (Даль[3] IV, 733), *ту́ха* (Герас. 86; МДА I, 89), *тягу́ша* (Даль[3] III, 597), *фиу́з* (Кул. 126), *фию́с* (Кул. 126), *фуга* (Бурн. II, 315), *фурга́* (Подм. 523; Деул. 580), *фу́рега* (Кул. 127), *фу́рта* (Даль[3] IV, 1157; Оп. 244), *ха́липа* (Добр. 953), *хвили́ца* (Гов. Пр. 324), *хвиль* (Оп. 246), *хвилю́га*

(Даль^3 IV, 1175; Доп. 289), *хвилюза* (Даль^3 IV, 1175; Доп. 289), *хвúля* (Даль^3 IV, 1175; МДА I, 110), *хвыль* (Даль^3 IV, 1175; Оп. 247), *хвылюза* (Даль^3 IV, 1175; Доп. 290), *хúжа* (Доп. 290), *хита* (КСРНГ), *хить* (КСРНГ), *хугá* (Мирт. 347), *хурá* (Добр. 969), *хýртá* (Даль^3 IV, 1245; Оп. 251), *чистя́к* (Даль^3 IV, 1347), *чúчер* (Оп. 259; Мирт. 359; Даль^3 IV, 1353), *шквы́ра* (Даль^3 IV, 1447; Доп. 307, КСРНГ), *шургá* (Оп. 269; Даль^3 IV, 1484), *шургáн* (Даль^3 IV, 1484), *югá* (Даль^3 IV, 1543; Деул. 609).

11. Сугроб.

вóрох (Ф 5, 125), *вчелóк* (Ф 5, 241), *забóй* (Даль^3 I, 1378; Подв. 46; Бог. 52, Комяг.), *заввиль* (Кул. 24), *зады́м* (Кул. 26), *зáметы* (Бурн. I, 225), *зáметь* (Даль^3 I, 1502), *замёт* (Деул. 187), *занóса* (Доп. 60), *зубóй* (Ср. Ур. I, 196), *зýгреб* (Доп. 69), *набóй* (Сл. б. ср. Оби, 164), *нады́м* (Даль^3 II, 1074), *нады́ми* (Герас. 59), *обвéй* (Даль^3 II, 478; Доп. 148), *омёт* (Кул. 71), *посвéек* (Даль^3 III, 860; Доп. 202), *субóина* (Даль^3 IV, 611), *субóй* (Даль^3 IV, 611; Оп. 219; Мирт. 314), *сувéли* (МДА I, 115), *сувóй* (Доп. 258), *сугрóб* (лит.), *сугрóбье* (Доп. 258), *сумéт* (Даль^3 IV, 634; Оп. 220; Подв. 168; Подм. 499; Бурн. II, 301), *сумкú* (Комяг.), *увéя* (Даль^2 IV, 930; Бурн. II, 301), *целúк* (Даль^3 IV, 1269), *целóк* (Даль^3 IV, 1272), *чуры́м* (Оп. 260).

Принятые сокращения

Бог.	В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. СПб., 1901.
Бурн.	В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря, т. I—II. СПб., 1843.
Васн.	Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1907.
Вод.	Вяч. Водарский. Список некоторых областных слов. — РФВ, т. XIII, 1912.
Герас.	М. Н. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910.
Гец.	О. Г. Гецова. Проект Архангельского областного словаря. М. 1970.
Гов. Пр.	В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Р. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Гриб	Р. П. Гриб. Хрестоматия по старожильческим говорам центральной и западной Сибири. Красноярск, 1967.
Деул.	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области), под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Дит.	Диттель. Сборник рязанских областных слов. ЖСт., год 8, вып. II. СПб., 1898.
Добр.	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Доп.	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Клин [1]
Комяг.[2]

Коп. — С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения) Тр. Яр. ПИ, т. II, вып. 3.

К Печ. Сл. — Л. А. Ивашко. Картотека Печорского словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филологического ф-та ЛГУ). Л.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Словарный сектор Ин-та языкознания АН СССР в Ленинграде).

Кул. — Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.

МДА [3] — Материалы Диалектологического атласа русских народных говоров. Рукопись. Ин-т русского языка АН СССР. М.

Мельн. — Г. Г. Мельниченко. Краткий Ярославский областной Словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.) Ярославль, 1961.

Мирт. — А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.

Наум. — Дополнения и заметки И. Р. Наумова к Толковому словарю Даля. — Сб. ОРЯС, т. XI, № 6. СПБ., 1874.

Оп. — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Подв. — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Подм. — А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Пут. — А. Путинцев. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. ЖСт, год 15, вып. I. СПб., 1906.

Растор. — П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров (рукопись).

Сл. б. ср. Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. I—III. Томск, 1964—1968.

Ср. Ур. — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. I—II. Свердловск. 1964—1971.

Усач. — В. В. Усачева. Некоторые данные о лексическом составе двух говоров Архангельской обл. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.

Халан. — М. Халанский. О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского у. Курской губ. — РФВ, т. XVI, 1896.

---

[1] Приводимая в статье лексика записана мною у Исправниковой М. А. уроженки б. Клинского уезда б. Тверской губ.

[2] Лексические данные, записанные во время экспедиций в Архангельскую область, любезно сообщены мне Комягиной Л. П.

[3] Римской цифрой обозначен том, арабской — тетради.

И. Кноблох

KURD-ALÆGON И VOLCĀNUS

В. И. Абаев обосновал точку зрения, согласно которой имя кузнеца *Kurdalægon* в Нартском эпосе должно быть связано с латинским именем бога огня *Volcanus* [1]. При этом он приводит сохранившуюся более древнюю форму, а именно — *Kurd-Alæ-Wærgon*, в которой последний элемент сложения оформлен известным индоевропейским носовым аффиксом для названий владельцев (лат. *dominus* : *domus*) или повелителей (лат. *Neptunus*: **neptus* ʽвлажная стихия') и богов-покровителей (лат. *Fortuna* ʽбогиня рождения', позднее ʽбогиня счастья': гот. *ga-baurþs* ʽрождение'). Основой является исконно осетинское название волка, соответствующее авест. *wəhrka-*. Связь кузнеца с волком хорошо выражена в Нартском эпосе: не может быть случайностью, что, с одной стороны, Kurdalægon делает Нартов неуязвимыми, закаляя их в огне, а по другой версии — в молоке волчицы, о чем упоминает Абаев [2]. С другой стороны, здесь следует указать на связь германского бога огня Локи с волком Фенрисом.

Другое толкование — В. Мейда — пытается связать оба имени скорее с др.-инд. *ulkā́-* ʽогненное сияние на небе' [3]. Здесь, следовательно, не обращается внимания на мифологическую связь с волком, которая, согласно Абаеву, как раз в италийских языках столь отчетлива (Ромул и Рем; Hirpini [4]), что отсутствующий член может игнорироваться (Вулкан, будто бы, воспринимается как кузнец только через связь с греческим Гефестом, а первоначально это собственно бог огня [5]). Кузнец является господином огня (*Volca*=*ulkā́*), но он мог быть понят равным образом и как повелитель волка, что следует из индоевропейской праформы **wl̥qʷ-āno-s*. Можно также отметить, что речь идет не только о звуковом тождестве, использованном с мифологическим значением, но о тождестве этимологическом. Если *Loki* носил индоевропейское имя **wl̥qʷ-āno-s* (и тем самым тождествен с *Volcanus* и *Wærgon*), то он был и повелителем волка или его отцом, так как волк Фенрис считается сыном Локи.

---

[1] В. И. Абаев. ОЯФ I, стр. 592—594.

[2] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 96 (далее — В. И. Абаев. Скифо-европ.).

[3] W. Meid. — IF 66, 1961, стр. 125—131.

[4] Абаев. Скифо-европ., стр. 95 и след.

[5] Так у В. Мейда (W. Meid. Указ. соч., стр. 130).

Как мне удалось показать на Конгрессе лингвистов в Бухаресте, название огня **eg-ni-s* должно быть связано с лат. *egeo* 'терплю нужду' (буквально 'жажду чего-л.'): обозначение огня словом одушевленного рода позволяет предполагать то же семантическое основание, которое представлено в скр. *analaḥ* м. р. 'огонь' (='ненасытный', к лат. *alo* 'питать'); это слово проникло также в дравидские языки (а не заимствовано из них). Поэтому и *wl̥-q^{w}-o-s* 'волк' (='рвущий') и *wl̥-q^{w}-ā* 'огненная стихия' (='рвущая') могут принадлежать к тому же корню, что и лит. *val-gù-s* 'прожорливый', *válgyti* 'есть', с другим гуттуральным расширением. Если, таким образом, название огня и название волка, благодаря наличию tertium comparationis в виде понятия 'жадность', были образованы от одного и того же глагольного корня и поэтому уже в праиндоевропейском истолкование отглагольного **wl̥q^{w}-āno-s* могло следовать в обоих направлениях, то тогда только становится действительно понятным возникновение преданий о мифологически переосмысленном образе кузнеца, который по роду своих занятий не имел никакой связи с волком.

Остается еще рассмотреть весомость другого истолкования, восходящего к Г. Хербигу [6]: *Volcānus* должно быть связано с Ϝελχανος, критским прозвищем Зевса. Области действия обоих богов различны настолько, насколько это вообще возможно. В то время как *Volcānus* повелевает огнем и использует его, как кузнец *Kurdalægon*, критский Ϝελχανος является богом растительности, что в жарких странах всегда подразумевает связь с живительной водой. И в самом деле, это название по морфологии может быть включено в число «обозначений повелителей», а конечный гуттуральный позволяет искать исходный корень в лит. *vìlgyti* 'увлажнять', др.-русск. *волога* '(жидкая) пища', лит. *valkà* 'лужа', др.-ирл. *folc* 'разлив'. Теперь нельзя более довольствоваться привлечением средиземноморской ономастики к опрометчивому решению трудной этимологической проблемы в исследованиях по сравнительному языкознанию без формального и семантического анализа, только по созвучию. Именно признание индоевропейского характера этих пластов позволяет по-новому сформулировать многие открытые вопросы и ответить на них. Это хорошо показали исследования Абаева о скифо-европейских изоглоссах.

Перевела с немецкого *Ж. Ж. Варбот*

---

[6] G. Herbig. Religion und Kultus der Etrusker. «Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde». 23, 1922, стр. 8.

И. М. Стеблин-Каменский

ФЛОРА ИРАНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

(Этимологические заметки)

Иранские наречия звучали в I в. н. э. на огромной территории, широкой полосой простиравшейся от степей Восточной Европы до пустынь Китайского Туркестана, и в настоящее время охватывают значительное пространство. Первоначальная область их распространения была, конечно, несравненно менее обширна. Целью этих заметок не является ни предложение новых, ни критика старых гипотез локализации этой области.

Попавшая на неопределенное время в тень иранской речи, эта область оставила в древнеиранском следы, по которым может пролегать путь к ее локализации. Природные условия способствуют возникновению или исчезновению тех или иных слов, формированию некоторых значений этих слов. Выбор слов, предназначенных для выявления того следа, который оставила предполагаемая прародина в иранских языках, должен, по всей видимости, удовлетворять многим требованиям. Наиболее важными представляются два чисто лингвистических. Первое очевидно: в иранских языках соответствующее слово и его значение восходят непосредственно к общему праиранскому прототипу. Второе: праиранская форма и ее значение составляют специфику только иранской группы языков, т. е. следы не ведут в глубь веков далее общеиранского.

В нижеследующих заметках содержится аргументация в пользу того, что в первоначальной области распространения иранской речи росли хвойник и тамариск, первый использовался для приготовления культового напитка, второй служил основным видом топлива.

1. Хвойник

Согласно остроумной и очень перспективной гипотезе Р. Г. Уоссона, первоначальным источником приготовления сомы — опьяняющего культового напитка древних индоиранцев — был один из видов мухомора (Amanita muscaria) [1]. Эта гипотеза подверглась, впрочем, серьезной критике [2]. Как бы то ни было, можно

---

[1] R. G. W a s s o n. Soma. Divine mushroom of immortality. New York, 1968; R. G. W a s s o n. The Soma of the Rig Veda: what was it? — JAOS, vol. 91, № 2, 1971.

[2] J. B r o u g h. Soma and Amanita muscaria. — BSOAS, vol. XXXIV, part 2, 1971.

считать достаточно вероятным, что древние иранцы приготовляли свой соответствующий ведической соме культовый напиток — хауму (авест. haoma) уже из хвойника (кузьмичева трава, Ephedra), многие разновидности которого богаты алкалоидом эфедрина. В пользу этого предположения свидетельствует и зороастрийская традиция, и практика современных зороастрийцев — парсов Индии, которые импортируют хвойник из Ирана [3]. Авестийские тексты не дают на этот счет никаких указаний [4], однако есть косвенные свидетельства того, что уже в ахеменидскую эпоху хауму приготовляли именно из хвойника [5].

Показательно и то, что в современных иранских языках названия хвойника восходят непосредственно к др.-иран. *hauma-* 'опьяняющий напиток; растение из которого он изготовляется':

мундж. *yūmana* < **haumā(na)*-[6]
афган. *(w)umā́n* < **haumā(na)*-[7]
вахан. *(y)imыk* < **haumā(ka)*-
тадж. (диал.) *xŭmá* < **hauma(ka)*-
шугн., рушан., хуфск. *amōǰák* < **haumā(čī)*-[8]

В настоящее время традицию изготовления из хвойника опьяняющего напитка сохранили, правда, в весьма искаженном виде, только парсы-зороастрийцы. В Средней Азии и Афганистане зола зеленых побегов хвойника используется как примесь к жевательному табаку (насу), хвойник также употребляется в красильном деле и в народной медицине [9].

---

[3] W. B. Henning. Mitteliranisch. «Handbuch der Orientalistik, Bd. IV, Iranistik». Leiden — Köln, 1958, стр. 85; J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962, стр. 72; M. Boyce. Haoma, priest of the sacrifice. «W. B. Henning Memorial Volume», London, 1970, стр. 62.

[4] Как убедительно показал Р. Г. Уоссон, анализируя авестийский текст Ясна 10.5, авестийское описание растения, из которого приготовлялась хаума, может быть отнесено и к мухомору: R. G. Wasson. Soma. Divine mushroom. . ., стр. 20—21.

[5] Зеленый с темными прожилками цвет каменных ступок для приготовления хаумы, найденных в Персеполе, гармонично сочетается с обликом побегов хвойника. Само по себе это, конечно, ничего не значит, но следует учесть, что эти ступки специально доставлялись в столицу Ахеменидов из далекой Арахозии (юго-восточный Афганистан): R. A. Bowman. Aramaic ritual texts from Persepolis. Chicago, 1970.

[6] Ср. мундж. *yūya* < **hauša(ka)*- 'колос': Morgenstierne. IIFL II, 274; мундж. *yūspin* < **hauspana*- 'железо': В. И. Абаев. Об иранских названиях стали. «Иранский сборник». М., 1963, стр. 205.

[7] Также афган. диал. *юма* 'хвойник': Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. М.—Л., 1959, стр. 307. Возведение к др.-иран. *hauma-* афган. *ama*, *omə* 'манго' (В. Гайгер, Г. Моргенстьерне, В. И. Абаев) не выдерживает критики. Это слово — заимствование из индоарийских, ср. хинди *ām*, пенджаби, лэнди *ā̆mb* < др.-инд. *āmra-* 'манго': Turner CDIAL, 1268.

[8] Также бартанг. *zumōǰák* 'хвойник', хотя *z-* требует объяснения.

[9] J. J. Modi. Haoma in the Avesta. «Journal of the Anthropological Society of Bombay», vol. VII, 1904, стр. 220; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II. Сталинабад, 1958, стр. 26, 109, 375, 396; С. С. Сахо-

2. Тамариск

В иранских языках распространены отражения двух древнеиранских основ **gaza-* и **aiz(z)ma-*. В разных языках отражения этих основ получают значения либо 'дрова, топливо', либо 'тамариск, мирикария'.

К др.-иран. *gaza-* 'дрова, топливо' восходят: вахан. *γ̌uz*, шугн. *žīz*, рушан. *žoz*, бартанг. *žöz*, орошор. *žūz* [10].

К др.-иран. *gaza-* 'тамариск': перс., тадж. *gaz*, тадж. (диал.) *gazək*, афган. *γaz*, белудж. *gaz* [11].

К др.-иран. *aizma-* 'дрова, топливо': авест. *aēsma-* [12], согд. *'zm*, хорезм. *'zm*, ягноб. *izm*, *ízim*, мундж. *ízmā* [13], ишкашим. *yůz* [14], перс. *hīzum*, тадж. *hezum*.

К др.-иран. *aizma-* 'тамариск': вахан. *(y)iž* [15].

Др.-иран. *gaza-* 'дрова; тамариск' не имеет, как кажется, убедительных соответствий в других и.-е. языках [16]. К др.-иран. *aiz(z)ma-* 'дрова; тамариск' ср. и.-е. *ai-dh-*, *i-n-dh-* 'зажигать' (Pokorny, 11), др.-инд. *inddhé* 'зажигает', *idhmá-* 'дрова' (Mayrhofer I, 88).

Так же, как и хвойник, тамариск, вероятно, играл важную роль в религиозных обрядах древних иранцев. Можно предполагать, что именно из тамарисковых ветвей связывался ритуальный пучок (так называемый *барсам*, авест. *barəsman*) [17], впоследствии замененный современными парсами-зороастрийцами пучком металлических стержней [18]. Во всяком случае, выясняется, что в древнеиранских диалектах основы *gaza-* и *aizma-* могли обозначать обе одновременно и дрова и тамариск.

биддинов. Дикорастущие лекарственные растения Средней Азии. Ташкент, 1948, стр. 44; И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.—Л., 1960, стр. 89.

[10] G. Morgenstierne. Notes on Shughni. — NTS, Bd. I, 1928, стр. 80; Morgenstierne IIFL II, стр. 524.

[11] Возможно, заимств. из перс. W. Geiger. Lautlehre des Balūčī. München, 1891, стр. 53. Хотан. *ggaysa-*, осет. *qæz* также, возможно, к *gaza-*, но в значении 'тростник': H. W. Bailey. Prolexis to the Book of Zambasta. «Khotanese Texts», vol. VI. Cambridge, 1967, стр. 66.

[12] Также авест. *aēzaxan-* название горы, букв. «источник дров (или тамариска?)»: Bartholomae AIW, стр. 27—28.

[13] W. Tomaschek. Centralasiatische Studien II, Die Pamir-Dialekte. Wien, 1880, стр. 789; R. Gauthiot. Quelques observations sur le Minjâni, — MSL, t. XIX, 1915, стр. 156.

[14] Ср. Morgenstierne IIFL II, стр. 424.

[15] Возможно к **aizya-*, ср. вахан. *raž* < **razya-* 'нары в доме'. К вахан. *(y)i-* < **ai-*, ср. вахан. *(y)ix̌* < **aixa-/aiša-* 'лед'; вахан. *(y)iw* **aiva-* 'один'.

[16] Ср., впрочем, и.-е. *ĝegh-* (Pokorny, 354).

[17] В пехлевийских текстах содержится указание на то, что барсам изготовлялся из растения gaz (M. Mole. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. Paris, 1963, стр. 359).

[18] J. J. Modi. The religious ceremonies and customs of the Parsees. Bombay, 1922, стр. 277—279.

А. Ван Виндекенс

О НЕКОТОРЫХ НЕОБЪЯСНЕННЫХ ТОХАРСКИХ СЛОВАХ[1]

1. В *akartte*

Это наречие, представленное также в формах *akarte* и *akärtte*, является переводом скр. *samīpe* и, следовательно, имеет значение 'вблизи, поблизости'. Его следует разложить на *a-*, усилительный префикс, и элемент *-kart(t)e*, *-kärtte*.

Относительно вышеупомянутого усилительного префикса известно, что он встречается в тохарском очень часто (причем чаще в диалекте В, чем в диалекте А) и что различные формы, в которых он представлен (из них некоторые — аналогического происхождения) восходят к и.-е. **en-*, **on-*, **n̥-* (перед согласным) или $*_{e}n$- (перед гласным): я отсылаю читателя к работе, в которой я исследовал весь этот вопрос детально [2]. В В *akartte* и пр. префикс *a-* продолжает и.-е. **n̥-*: древней формой префикса было **ā-* (которое представлено, кроме того, в диалекте А), давшее В *a-* в безударном положении [3] в **ākártte* и пр.

Во многих словах, содержащих этот усилительный префикс, сохранилось его первичное значение 'в': ср. В *aplāc* 'в разговоре' при В *plāce* 'разговор, беседа'; В *eraitwe* 'в связи с' при В *raitwe* 'употребление, использование'; В *eweta* 'в противоречии с' при В *weta* 'борьба' и т. д.[4] Поэтому приходится считаться с возможностью того, что и в В *a-kartte* также удержалось первичное значение.

Эта гипотеза находит точное подтверждение в истолковании элемента *-kartte* и пр., который не может быть оторван от лит. *gretẽ*, *gretà* 'соседство, окружение', *grẽtas* и *grẽtimas* 'смежный, соседний', *gretaĩ* и *gretà* и т. д. 'возле, рядом' (возможно < и.-е. **ger-* 'собирать, соединять'): тох. В. *a-kartte* и пр., в таком случае, имело бы исконное значение 'в соседстве с', причем *-kartte* непосредственно сопоставляется с литовским именем *gretẽ*, *gretà*.

---

[1] Филологическая интерпретация большинства из этих слов дана впервые в работах: W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch, I. Heidelberg, 1960, или W. Thomas (при участии W. Krause). Tocharisches Elementarbuch, II. Heidelberg, 1964. Термин «необъясненные» для подавляющей части этих слов обозначает, что они до сих пор не получили лингвистико-этимологического истолкования.

[2] См. A. J. Van Windekens. «Orbis», XVII, N 2, 1968, стр. 408; см. также и «Orbis» XX, N 1, 1971, стр. 110 и след.

[3] A. J. Van Windekens. «Orbis», XVII, N 2, 1968, стр. 415 и след.

[4] Там же, стр. 147 и след.

Однако тох. В *-kartte* и пр. имеет фонетическую структуру, не тождественную лит. *gretẽ*, *gretà* и пр.: в то время как литовское слово представляет и.-е. **gret-*, тох. В *-kartte* восходит к и.-е. **gr̥t-*. В тохарском и.-е. **r̥* дает *är*, откуда В *ar* в случае подударного положения *ä* [5]: ср., например, АВ *pärsk-* 'бояться' < **pärk-sk-*, с **pärk*=герм. *furh-* (ср. гот. *faúrhtei*, др.-в.-нем. и др.-сакс. *far(a)hta* и т. д. 'страх'); А *wärts*, В *wartse* 'широкий'=скр. *vr̥ddhá-* 'выросший, увеличившийся, большой и т. д.'. Форма В *akart(t)e* является совершенно регулярной, т. к. она происходит из **ākärt(t)e* с *ä́* > В *a*; форма В *akärtte*, с *ä* вместо *a* во втором подударном слоге, объясняется, как В *çäk* 'десять' вместо *çak*, В *läkle* 'боль' вместо *lakle*, В *wär* 'вода' вместо *war* и т. д.[6] В В *akartte* и В *akärtte* в сравнении с В *akarte* представлено вторичное удвоение *t*: это удвоение наблюдается в диалекте В довольно часто, между прочим — в отглагольных прилагательных типа В *ayāmätte* 'non faciendus', В *atākatte* 'неверный, необоснованный', В *anākätte* 'безошибочный, безупречный' и т. д., где *-te* представляет и.-е. **-to-s* (им. ед.: ср., в частности, греч. λυτός и т. д.).

Морфологически В *-kartte* и т. п. соответствует не литовским субстантивам *gretẽ*, *gretà*, а прилагательному лит. *grẽtas*: для тохарской формы следует предположить и.-е. **gr̥to-s* (им. ед.), как для вышеприведенных отглагольных прилагательных на В *-tte*. Развитие и.-е. **-os* > тох. В *-e* совершенно закономерно: ср., между прочим, также В *yakwe* 'конь' = скр. *áçva-*, лат. *equus* < и.-е. **ek̑u̯o-s*.

Я думаю, следует признать, что это лексическое соответствие тох. В *akartte* и пр. и лит. *gretẽ*, *gretà*, *grẽtas* в высшей степени примечательно.

2. В *aṅkāre*

Значение этого имени существительного до сих пор не было определенно установлено: его переводят как '± аморальность, низость, гнусность' [7]. И вот лингвистико-этимологическое истолкование подтверждает точность значения, приписываемого форме В *aṅkāre*: в самом деле, если элемент *an-* (> *aṅ-* перед *k*) является усилительным префиксом, восходящим к и.-е. **ₑn-* и употребленным здесь перед согласным по аналогии (*aṅkāre* < **āṅkāre*) [8], то *-kāre* соответствует, без всякого сомнения, гот. *hōrs* 'πόρνος, μοι-

[5] A. J. Van Windekens. «Orbis» X, N 2, 1961, стр. 377 и след. и «Orbis» XI, № 1, 1962, стр. 180.

[6] W. Krause, W. Thomas. Указ. соч., стр. 48; см. также W. Krause. Westtocharische Grammatik, I. Heidelberg, 1952, стр. 1 и след.

[7] E. Sieg, E. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Göttingen, 1949, стр. 88 («Übersetzung und Glossar»).

[8] См. выше, в разделе 1. В *akartte* < **ākärtte* с библиографическими справками, ср. также В *aṅklautkatte* 'неизменяемый' с *an-* < **ān-*, употребленным по аналогии перед согласным.

χός', др.-в.-нем. *huora* 'публичная женщина', др.-исл. и англосакс. *hōr*, др.-в.-нем. *huor* 'прелюбодеяние' и т. д., которые все родственны лат. *cārus* 'дорогой, милый' и т. д.

Учитывая существительные среднего рода др.-исл., англосакс. *hōr*, др.-в.-нем. *huor*, можно произвести В *-kāre* из и.-е. **qāro-m*: относительно В *-e* < и.-е. **-om*, ср., например, также В *kante* 'сто' = греч. ἑκατόν, лат. *centum* и т. д.

Итак, я думаю, очевидно, что тох. В *aṅkāre* не имеет ничего общего с и.-е. **ank-* 'сгибать', сближение с которым предложено (впрочем, с оговоркой) Кувврером [9].

3. В *kapyāre*

Это имя существительное, обозначающее 'работник', связано с лат. *capio* 'брать, хватать', гот. *hafjan* 'поднять' и т. д., т. е. с и.-е. **qap-*. Поэтому следует предполагать древнее **kāpyā́re* (развитие и.-е. **a* > тох. *ā* достаточно известно: ср., в частности, АВ *āk-* 'вести' = греч. ἄγω, скр. *ájati* и т. д.), закономерно изменившееся в *kapyāre*, с переходом *ā* > *a* в первом безударном слоге: ср. также В *akartte* и т. п. < **ākā́rtte* и т. п. и В *aṅkāre* < **āṅkāre* [10].

Это **kāpyāre* — не что иное, как древняя индоевропейская форма **qap-i̯ā-ro-*, типа греч. ἀνιαρός 'докучливый, неприятный', образованного от ἀνία 'горе, мука', т. е. речь идет об основе на **-ā-*, вторично усвоившей суффикс **-ro-*. Адъективное значение **qap-i̯ā-ro-* было 'связанный с добычей, с имуществом', так что **qap-i̯ā-* значило 'добыча, имущество'. Впоследствии **qap-i̯ā-ro-s* (им. ед.), превратившееся в тох. В *kapyāre* (относительно и.-е. **-os* > тох. В *-e* ср. В *(a)kartte* и т. п. < и.-е. **g̑r̥to-s* [11]), приобрело значение '*пленник, *раб', откуда, наконец, далее 'работник': переход 'пленник, раб' > 'работник' не представляет ничего удивительного, так как мы сталкиваемся здесь с хорошо известным явлением выполнения работ (только) пленными и рабами.

Среди производных от и.-е. **qap-* значение 'пленник, раб' встречается достаточно часто и в других индоевропейских языках: ср. лат. *captivus* 'пленник', др.-ирл. *cacht* 'слуга' (= лат. *captus* 'захваченный'), кимр. *caeth*, корн. *caid* 'пленник, раб', англосакс. *hæft* то же.

4. А *kär-*, В *kare, käre-*

Тох. В *kare*, обозначающее 'достоинство, разряд, чин', встречается в сложении типа dvandva В *käre-perne* 'достоинство', оба составные элемента которого являются практически синонимами

---

[9] W. Couvreur. — AO XVIII, 1950, стр. 129.
[10] См. выше, в разд. 1 и 2.
[11] См. выше, в разд. 1.

(действительно, В *perne* также обозначает 'достоинство')[12]. В диалекте А *kär-parām* соответствует В *käre-perne*.

Тох. А *kär-*, В *kare*, *käre-* восходит к и.-е. $*g^{u}{}_{e}ros$ (им. ед.: тематический тип) или к и.-е. $*g^{u}{}_{e}r\text{-}os$ (старый средний род типа греч. γένος и т. п.) от $*g^{u}er\text{-}$ и т. п. 'тяжелый' — в греч. βαρύς 'тяжелый', βάρος 'тяжесть, вес', скр. *gurú-* 'тяжелый, важный, почтенный', *gurutā-*, *gurutva-* 'вес, важность, достоинство' и т. д., которые также содержат ступень $*g^{u}{}_{e}r\text{-}$.

В тох. А *kär-*, В *kare*, *käre-* < и.-е. $*g^{u}{}_{e}r\text{-}$ и т. п. развитие тох. *k* из индоевропейского лабиовелярного $*g^{u}$ совершенно закономерно[13]: ведь «лабиовелярные подверглись делабиализации перед гласными, за исключением палатализующих гласных, . . . если только они не вводят последний слог слова»[14], как, например, в А *kapçañi*, В *kektsene* 'тело' = скр. *cákṣaṇa* 'вид, явление' < и.-е. $*q^{u}e\hat{k}s\text{-}$ (тох. < $*q^{u}o\hat{k}s\text{-}$) 'появляться, видеть, показывать'.

Появление тох. *är* (откуда В *ar*, если < *ă̈r*) из и.-е. $*_{e}r$ также соответствует ожидаемому[15]: ср. А *slākkär*, В *slakkare* 'дряблый, мягкий' = греч. λαγαρός то же. Таким образом, если в А *kär-*, В *kare* (< **käre*) представлено закономерное отражение и.-е. $*_{e}r$, то в В *käre-* развитие нерегулярное, объясняющееся так же, как в тох. В *akärtte*[16].

Что касается морфологической структуры А *kär-*, В *kare*, *käre*, то я уже предложил выше реконструкции $*g^{u}{}_{e}ro\text{-}s$ и $*g^{u}{}_{e}r\text{-}os$: в обоих случаях конечное *-os* (следовательно, различного происхождения) должно было дать тох. А -Ø, В -*e*[17], как, между прочим, в А *rtär*, В *ratre* 'красный' = греч. ἐρυθρός или в А *klyu* (в *ñom klyu*), В *kälywe* (в *ñem kälywe*) 'слава' = греч. κλέος, скр. *çrávas-* и т. д.; см., кроме того, также выше А *slākkär*, В *slakkare* = греч. λαγαρὸς. Можно поставить вопрос, не следует ли связать А *kär-*, В *kare*, *käre* непосредственно с греч. βάρος 'тяжесть, вес', с нерегулярным вокализмом (тип греч. γένος и т. д. имеет, как правило, вокализм в ступени *e*)[18].

Из всего предшествующего этому выводу следует, что тох. А *kär-*, В *kare*, *käre* 'достоинство и т. п.' действительно родственно греч. βαρύς, скр. *gurú-* и т. д.; следовательно, не может быть речи о сближении с В *kartse* 'хороший', которое предлагает Винтер[19].

---

[12] О сложениях этого типа см. E. Sieg, E. Siegling, Schulze. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931, стр. 221 и след.

[13] О развитии индоевропейских лабиовелярных в тохарском в целом см. мои работы в «Orbis» XVIII, № 2, 1969, стр. 485 и XIX, № 1, 1970, стр. 102 и след.

[14] Ср. «Orbis» XVIII, N 2, 1969, стр. 509 (§ 64).

[15] См. «Orbis» XI, № 1, 1962, стр. 180.

[16] Ср. выше, в разд. 1, с указанием литературы.

[17] См. «Orbis» XV, № 1, 1966, стр. 249 и след.

[18] Поэтому Фриск (Frisk 1, стр. 221) предполагает древнее *βέρος, *δερος, подвергшееся влиянию со стороны βαρύς.

[19] Winter. В сб. Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper. The Hague—Paris, 1968, стр. 61. О происхождении В *kartse* см. «Orbis» XIII, № 1, 1964, стр. 232 и след.

5. B *leswi*

Речь идет о plurale tantum (форма единственного числа была, несомненно, **leswe*) от слова, обозначающего ‛обморок, слабость’. Оно родственно, очевидно, гот. *lasiws* ‛слабый’, др.-в.-нем. *er-leswen* ‛слабеть’, др.-исл. *lasinn* ‛слабый, дряблый, разрушенный’.

Их совпадение (также и с точки зрения семантики) столь разительно, что можно без колебаний отделить приведенные выше германские слова от и.-е. **lē(i)-* ‛ослаблять(ся)’ [20]: это сближение заставило бы предположить для гот. *lasiws* и.-е. **ləs-*, тогда как тох. B *leswe* может восходить только к и.-е. **los-u-* (развитие и.-е. **o* > тох. B *e* достаточно известно: ср., например, B *leke* ‛ложе’= греч. λόχος ‛засада’).

Таким образом, в данном случае представлено существенное лексическое тохарско-германское соответствие.

6. A *ortum* и т. п.

Наряду с A *ortum* ‛дружеский’ и A *ortune* ‛дружба’ существует также A *ort*, значение которого не совсем установлено, но которое должно выражать то же понятие, что A *ortum* и A *ortune*: его переводят как ‛друг’. A *ort* утратило конечное *-*u(s)*, которое обнаруживается в A *ortum* и A *ortune*, явно образованных от -*u*-основы: относительно падения конечного *-*u(s)* ср., например, также A *se*, B *soy* ‛сын’ < и.-е. **sui̯u-s* [21].

Тох. A *ortu-* ‛друг, дружеский’ точно соответствует греч. ἀρτύν˙φιλίαν και σύμβασιν (Гесихий), ἀρτύς˙σύνταξις (Гесихий), которым родственны лат. *artus*, *-ūs* ‛сустав, сочленение, член’, арм. *ard*, род. *ardu* ‛устройство’, также подтверждающие основу на *-*t(e)u*- от и.-е. **ar-* ‛соединять’.

В тохарском и.-е. **artu-* должно было привести к **ārtu-*[22]. Но это древнее **ārtu-* превратилось в *ortu-* вследствие умлаута под влиянием *u* (второго слога): ср. также A *poke* ‛рука’ < и.-е. **bhāĝhu-* (ср. скр. *bāhú-*, греч. πῆχυς и т. д.: следует отметить, что конечное -*e* в A *poke* — вторичное, так как *-*u*(*s*) должно было исчезнуть) [23].

Я думаю, что в этом случае также можно говорить о замечательном лексическом соответствии между тохарским и греческим, особенно с точки зрения семантики.

---

[20] Ср. Pokorny I, стр. 680.

[21] См. LP VIII, 1960, стр. 40 и след.

[22] О развитии и.-е. **a* > тох. *ā* ср. выше, в разделе 3. B *kapyāre*.

[23] О явлении умлаута на *u*, *w* в тохарском (A) см. мою работу в «Orbis» XI, № 1, 1962, стр. 179 и след., особенно стр. 191 и след. (A *poke*).

7. B *raiwe*

Это прилагательное имеет значение 'медлительный, небрежный, ленивый': как лат. *murcus* 'вялый, ленивый' (см. также производное *murcidus* 'небрежный, ленивый') основывается на том же *murcus* со значением 'искалеченный', так и тох. B *raiwe* восходит к и.-е. **roibo-s* (им. ед.) от **reib-* 'резать', которое представлено в англосакс. *rīpan*, *riopan* 'жать, собирать', *rifter* 'серп, коса', норв. *rīpa* 'собирать, рвать', англосакс. *rīpe*, др.-в.-нем. *rīfi* 'зрелый' и т. д. Первичное значение тох. B *raiwe* было, следовательно, 'срезанный, искалеченный'.

Переход индоевропейских губных взрывных в тох. *w* (в данном случае — $*b > w$) наблюдается довольно часто [24]: ср., например, B *kāwo* 'желание' при AB *kāp-* 'желать' $<$ и.-е. **qu̯əp-* (ср. лат. *cupio* 'желать, хотеть') [25].

Что касается появления B *-e* из конечного и.-е. **-os*, то я уже приводил подобные случаи в настоящей статье: см., в частности, B *akartte* и т. д. и B *kapyāre* [26].

8. B *sār(r)i*

Это имя существительное обозначает 'совет, собрание', в плюративе представлена форма *sarrīwenta*, которая была переведена как 'уроки, задания (индивидуальные)'. Тох. B *sār(r)i*, с *-i*, как в B *leki* 'ложе', B *peri* 'ошибка', B *reki* 'речь' и т. д.[27], восходит к и.-е. **sōd-r-* от **sed-* 'сидеть', которое имеет весьма много производных с расширением *-r-*: ср. греч. ἕδρα 'сидение, место', др.-исл. *setr* 'сидение (состояние)' и т. д. Значение 'совет, собрание' происходит, очевидно, из значения 'заседание': см. тождественное семантическое развитие в авест. *hastra-* 'собрание' и скр. *sattrá-* 'ритуальное заседание', которые также связаны с и.-е. **sed-* 'сидеть'.

Что касается значения 'задания (индивидуальные)' формы плюратива *sarrīwenta*, то здесь тоже следует исходить из значения 'заседания, обсуждения'.

Гласный *ā* в тох. B *sār(r)i* должен восходить к и.-е. **ō* (ср. тот же вокализм, например, в лит. *sóstas* 'сиденье' $<$ и.-е. **sōd-to-*); этот тохарский рефлекс индоевропейского **ō* закономерен [28]: ср., например, AB *çā-* 'жить' $<$ и.-е. **gu̯i̯ō-* — в греч. эпич. ион. ζώω то же.

---

[24] См. «Orbis» XI, № 1, 1962, стр. 193.
[25] См. «Orbis» XIX, № 1, 1970, стр. 110 и 121.
[26] См. выше, в разд. 1 и 3.
[27] См. «Orbis», XIX, № 2, 1970, стр. 430 и след.
[28] См. «Orbis» XI, № 1, 1962, стр. 180.

Наконец, следует обратить внимание на исчезновение в тохарском и.-е. **d* перед *r* [29]: ср., между прочим, также А *swār*, В *swāre* ‘сладкий’ < и.-е. **su̯ăd-ro-s* (им. ед.: ср. авест. *x^{v}andra-* ‘приятный’ и т. д.). Если в В *sārri* его *-rr-* не является результатом ассимиляции **-dr-* > *-rr-* (откуда упрощение в *sāri*), то оно несомненно объясняется вторичным удвоением: см. вторичное удвоение *t* в тох. В *akartte* и т. д. [30]

Перевела с французского *Ж. Ж. Варбот*

---

[29] Ср. «Orbis» XV, № 2, 1966, стр. 437 и след.
[30] См. выше, в разд. 1.

Л. А. Гиндин

НЕКОТОРЫЕ АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХЕТТСКОГО. II[1]

(К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период)

В любом случае, изучаем ли мы остатки реликтовых балканских языков ретроспективно, или двигаемся от более старого среза к современному ономастическому континууму, необходимо иметь сколько-нибудь ясное представление о древнейшем слое из доступных исследованию. В первой группе работ этот слой служит далекой перспективой, во второй — уровнем отсчета. Такой древнейший слой балканской ономастики, по нашему убеждению, может быть с достаточной определенностью извлечен из сравнения древнебалканской ономастики (особенно фракийской) с ранне- и позднехетто-лувийской (resp. анатолийской), прежде всего в силу наиболее ранней по сравнению с другими индоевропейскими языковыми традициями письменной фиксации хетто-лувийских имен собственных и апеллативов. Ниже обосновывается еще одна важная предпосылка выбора данной методики, вытекающая из пространственного положения хетто-лувийских языков в преданатолийский период.

Уже давно было обращено внимание на значительное число балкано-малоазийских тождеств из области ономастики (часть из них собрана или отмечена в том или ином контексте в известных трудах К. Паули, Г. Майера, П. Кречмера, А. Фикка, Дж. Бейли)[2]. Приведем некоторые из них в качестве примера (первым упоминается фракийское имя собственное): МН Ἄργιλος — МН Ἄργιλα (Кария); ГН Ἄρισβος — МН Ἀρίσβη (Троада, Лесбос, также Беотия); ГН, МН Ἄστιβος и пр. — МН ἐν Ἀστιβία (исавр.-писид. демотикон); ЛИ Βουβας, ср. ЭН Βύβαι (Апулия) — МН Βυβασσός (Кария); МН Ἴλιον (Фракия, Троада), ср. Ἴλου κώμη (Лидия); МН Ἴδη (Фракия, Троада, Крит), ср. догреч. ἴδη 'лесистая гора', 'горный лес'; МН Καβασσός и пр. (Фракия, Ликия); МН Κρῆσσα — МН Κρησσω и пр. (Кария); МН Καρσός — МН Κάρσος (Киликия); МН Πακτύη — Πακτύης (гора в районе Эфеса); МН Πάσσα — МН Πασσανδα и пр. (Кария); МН Πέργαμος, -ον (Фракия, Македония, Крит, Троада, Мизия); МН Σαρπηδών (Фракия, Киликия) и т. п. К ним необходимо присовокупить очень существенное в методологическом отношении фракийское племенное название *Costobocae*, *Costoboci*

[1] I часть см. «Этимология. 1970». М., 1972.

[2] Литература и большое число таких тождеств, главным образом из раздела догреческо-анатолийских, см. в монографии: Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

(Plin.), Κοστοβῶκοι (Paus.), Κόστοβοι (Suid.), Κοιστοβῶκοι (Ptol.), ЛИ *Costas*, *Castus*, возможно МН (*Bital*) *costa/u* и пр., сопоставимые с кар. МН Κωστοβαλον, Χασται, Κασταιος, демотиконом Κοστωλλιος, кил. МН Κασταβαλα, Κασταλια, лик. МН Κασταβος, лид. МН Καστωλλος. Имеется также ряд македоно-малоазийских и меньше иллиро-малоазийских соответствий, из которых укажем за неимением места лишь следующие топонимические: макед. Βάργαλα (возможный вариант Μάργαλα) — кар. Βαργύλια и пр.; макед. (или фрак.) Σίνδος и пр. — писид.-памф. Σίνδα, лик. Σινδία и пр.; иллир. Ἴσσα, оно же раннее название о. Лесбос, — кил. Ἰσσός и т. д.[3]

Очевидно, что все эти многочисленные омофонические тождества не могут быть истолкованы каким-либо единым образом: в силу обширности ареала (Эгеида, прочие области Анатолии, Апеннинский п-ов) и его этнической дробности они заведомо должны относиться к различным историческим периодам, возникнув в результате также различных обстоятельств.

Многовековая греческая колонизация, Аххийява, даже если удается доказать ее ахейскую принадлежность, непрерывные, на протяжении всего II тысячелетия этнические инвазии с Балкан в Анатолию — три обычно приводимые объяснения — не покрывают во всяком случае тех ономастических, в частности, топонимических соответствий, которые засвидетельствованы не только на уровне греко-римских передач, но имеют соотносимые лексемы или основы в ранне- и позднехетто-лувийской туземной ономастике, в определенном количестве подкрепляемые апеллативными тождествами. Высказанная мысль хорошо подтверждается этимологической интерпретацией некоторых из приведенных выше сопоставлений, ср. фрак. ЛИ *Castus*, *Costas*, ЭН Κο/αστοβῶ- и пр. — кар. МН Χασται, Κασταιος, Κωστοβα(λον), лик. МН Κασταβος и пр. — хетт. *ḫaštā(i)* 'кость → сила, выносливость', **ḫaštali-* 'герой'[4], капп. ^{URU}*Ḫa-aš-tu-wa* и пр.[5] (старая общеиндоевропейская основа, сохранившая ларингальный в хеттском, ср. греч. ὀστέον 'кость', др.-инд. *ásthi-* 'нога, кость' алб. *asht*, *ashtë* 'кость' и т. д.[6] Со-

---

[3] См. наше выступление на Пловдивском симпозиуме по этногенезу балканских народов в связи с докладом Дж. Мелларта. «L'ethnogenèse des peuples balkaniques» (=«Studia balkanica» 5), Sofia, 1971, стр. 301.

[4] Friedrich, стр. 63.

[5] A. Goetze. Suffixes in «Kanishite» Proper Names. — RHA XVIII, 66, 1960, стр. 46.

[6] Ввиду малоазийских параллелей с основой Κασταβο/α- < анат. **Hasta-u̯a* (ср. указанный каппадокийский топоним), представляется более правомерным вопреки Дечеву (D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 73) членить фракийский этноним на **Kosto-bo-ko-*, где *-bo-* (греч. перед.-βω-/-βο-)=м.-аз.-βο-/-βα- может восходить к хетто-лувийскому суффиксальному элементу *-u̯a-* (и.-е.-*u̯o-*, ср. греч. -Ϝο- — É. Laroche. Hittite *arawa-*'libre'. «Hommages à G. Dumézil». Paris, 1960, стр. 126). В свою очередь -ko- — распространенный фракийский рефлекс продуктивного в индоевропейских языках деминутивно-пейоративного суффикса -**ko-* и пр. (см.

гласно В. Н. Топорову, этому фракийско-«анатолийскому» ряду, помимо кельтских и латинских антропонимов, приводимых Д. Дечевым (указ. соч.), возможно, имеются соответствия в балтийском и славянском ономастиконе: др.-прусск. *Costus*, *Costos*, лит. *Kastìnė*, *Kastỹnė*, лтш. *Kastes-upe* и др., *Коста*, вероятно, балтизм в бассейне Днепра; кроме того, там же засвидетельствованы слав. ГН *Костынь* с вар. *Костанка*[7]. Однако отношения на апеллативном уровне в анлауте слав. *kostь*, как, впрочем, и лат. *costa* 'ребро', ср. с.-хорв. *kôst* то же — хетт. *ḫaštai* по-прежнему остаются неуточненными. Несомненный интерес в указанном смысле имеет топонимический ряд фрак. (=м.-аз. троянск.) Πέργαμος, -ον — догреч. Πέργαμον, πέργαμον/-α 'цитадель', πύργος 'город, башня' — м.-аз. Πέργε, Παργαση, Βαργασα, Περγασα (Кария), ср. атт. дем Περγασή и пр. — лув. иер. этникон *pargawana-* — хетт. *parku-* 'высокий'; сюда же фрак. МН Βεργα (вар. Βέργη, Βέργιον), Βεργέπολις ЛИ Βεργαιος, Βεργιος (вар. Βεργις)[8], Βρεγεδάβα и проч., макед. Βάργαλα. ср. кар. Βαργύλια, возможно, (Σαλτου) πύργος, если оно не окажется греческим (и.-е. **bherĝh-/bhr̥ĝh-*). Близкий ареал прослеживается у основы Γορτυ- и ее производных (Македония, Эллада, Фригия, Вифиния, Кария, Лидия, Троя, Памфилия), при хетт. *gurta-* 'город, крепость' из и.-е. **ghr̥dh-* с различными фонетическими реа-

---

E. S c h w y z e r. Griechische Grammatik I. München, 1939, стр. 499 и след.; K. B r u g m a n n. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen II. Strassburg, 1889, стр. 238 и след.), повсюду используемого при образовании многочисленных этника, ср. для фракийского этнонимы Ἄρτα-κοι, Δόλογ-κοι и, видимо Σαβῶ-κοι. Что касается мены ω/ο :α и письменной фиксации отражений ларингала посредством κ/γ/χ, то оба явления характерны как для греческих передач позднехеттской ономастики, так и для фракийских имен собственных, ср. относительно второго феномена, встречающегося во фракийском довольно редко, фрак. ЛИ Τορχος — лид. Τάρκων, Τάρχων — анат. *Tarḫu-* (более подробную характеристику данного сопоставления см. ниже).

[7] См. В. Н. Т о п о р о в. К фракийско-балтийским языковым параллелям. «Балканское языкознание». М., 1953, стр. 57; ср. В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 191, 218.

[8] Ср. V. *Beševliev*. Keltische Ortsnamen in den Kastelverzeichnissen bei Prokop. «Actes du I-er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. VI. Linguistique. Sofia, 1968, стр. 417 сл., где все фракийские топонимы с основой βεργ- предлагается рассматривать в качестве кельтских пережитков ввиду кельт. *-briga* 'гора', 'вершина' в многочисленных кельтских местных названиях, в том числе ср. *Bregis*, *Bregovillicum* и пр.; однако, для подобного утверждения нет достаточных аргументов, поскольку равномерная продуктивность данной и.-е. основы в апеллативной и ономастической лексике всех без исключения и.-е. диалектов (см. P o k o r n y, стр. 140 сл.) не только не исключает, но скорее предполагает ее независимое функционирование в кельтском и фракийском, что трудно распространить на такое своеобразное отражение этой основы, как фрак. (resp. догреч.) и «анат.» Περγ-. Относительно кентумной рефлексации *ĝh* во фракийских продолжениях и.-е. **bherĝh-* см. Л. А. Г и н д и н. К вопросу о древнебалканской индоевропейской переходной зоне. «Résumés des communications. XI-e Congrès international Congres sciences onomastiques». Sofia, 1972.

лизациями [9]. Столь же показательно упоминавшееся в другой связи фрак. ЛИ Τορκος (вар. Τορκους), Τορκιων, Τορκουλας, Τορκου(παιβης), Τορκουατος (вар. Τορκατος, Τουρκουατος, (Ρεπτα)τερκος — анат. ЛИ: Τάρκων/-χων (имя лидийского героя), Ταρκυμβιος, кил.-памф. Τροκοαρις, лик. Τροκομμας, ср. догреч. этеокрит. Ταρκομν[ ] — *Tarḫu-* (хеттский и лувийский бог грозы), капп. *Tarhuni(a)*, ср. кил. Ταρκυννις, лик. Τροκονις хетт. кл., лув. иер. *Tarhu(nda)-ziti*, *Tarhu(nda)-pija* и пр., лик. *Trqqñt-* (имя бога), данная ономастическая основа, вероятно, соотносится с хетт. *tarḫ-* 'besiegen, überwinden; mächtig sein; können', ср. *tarḫuilatar* 'Kraft, Zeugungskraft' [10], 'Heldenhaftigkeit' [11] *tarḫuili-* 'stark, mächtig' [12], 'héroïque' [13] и др. Разнообразие фонетических процессов в корневой основе (смена огласовок, метатеза) обусловлено поздней вокализацией и.-е. **tr̥H-* в хеттолувийских языках, а также фракийском, где **r̥* давало либо *ur*, либо *or* [14]. Далеко не полный список специально подобранных здесь фрако-хетто-лувийских изоглосс индоевропейского происхождения и потому могущих восходить к преданатолийской эпохе, заключим фрак. ЛИ *Ma-gava* m., у которого II часть формально и функционально-семантически полностью совпадает с лид. *kave-* 'жрец', ср. греч. κοίης· ἱερεὺς Καβείρων, ὁ καθαίρων φονέα, οἱ δὲ κόης (Гесихий), др.-инд. *kaví-* 'Seher, Weiser, Dichter' (и.-е. **keu-*: **kou-* '(про)видеть и пр.'), сюда же иер. лув. *kawaī* 'алтарь' [15] и большое число анатолийских имен собственных, например, антропонимы: хетт. *Kawija*, капп. *Kawia*, м.-аз. (мис. МН) Καυη, писид. Κευης, лик. *Kawari*, лид. Καουαρος, ср. кар. Κευαρος (МН < **Kau̯a -r-*) и т. д. Таким образом муж. ЛИ *Ma-gava* может быть истолковано 'жрец *Ma* — фракийской богини-Матери', имеющей кстати многочисленные аналогии в малоазийском пантеоне и антропонимике, ср. культ богини Μᾶ в Каппадокии, Μᾶ Τιανή (≈ лув. *tiyammi-* 'земля' [16] в Вифинии и т. д., м.-аз. ЛИ повсеместно Μᾶ, Μας (f., m.). По справедливому предположению Д. Дечева (указ. соч., стр. 279), фрак. жен. ЛИ Μαδα-γαυα, к I части ср. осет. *madä* 'мать', является параллельно рассмотренному имени.

---

[9] Более детальный анализ двух последних ономастических балкано-«анатолийских» рядов, но с общей трактовкой, требующей по ряду веских соображений в настоящее время пересмотра, можно найти в указанной монографии автора (стр. 153, 156 и след.).

[10] Friedrich, стр. 213.

[11] Friedrich, Ergänz. 2, стр. 24.

[12] Там же.

[13] É. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947, стр. 89.

[14] Подробно о хетто-лувийской основе *Tarhu(nt)-* см. É. Laroche. Edudes de vocabulaire VII. — RHA XVI, 63, 1958, стр. 96 и след.; ср. A. Heubeck. Lydiaka. Erlangen, 1959, стр. 32 и след. Возможное индоевропейское окружение этой основы см. Pokorny, стр. 1074 сл., Mayrhofer I, стр. 480.

[15] См. R. Gusmani. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, стр. 150 (с литерат.); Mayrhofer I, стр. 187 и след.

[16] É. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, стр. 97.

Чередование смычных, наблюдаемое, в частности, в начале морфемных отрезков в греческих передачах малоазийских, ср., кроме приведенных выше анатолийских продолжений и.-е. **bherĝh-*, лид. Μω-γετης — кил. Ζηνι-κετης (хетт. *k/gatte* 'царь'), и фракийских (resp. балканских) имен собственных, ср. фрак. Γουδίλας : Κουτίλας : Κοθήλας (= *Gudila*) — примеры для обоих регионов могут быть значительно увеличены — позволяет идентифицировать с рассмотренной фрак. основой -γαυα фрак. -καυρι в МН Κούσ-καυρι, образованное посредством суффиксального элемента -*r*-, ср. упомянутое лик. *Kawari* и пр.; о правомерности выделения здесь суффикса -*r*- свидетельствует кар. и крит. МН Καῦνος (< **Kau̯-n-*) и пр. Памятуя о том, что греч. κόϜης обозначает жреца мистерий в честь догреческих хтонических божеств Κάβειροι, по ряду античных источников (Strab. 10, 473, Гесихий и другие авторы) детей и спутников бога огня и кузнечного дела Гефеста, почитаемых в Беотии, на Лемносе, Имбросе, Самосе и особенно Самофракии, фрак. МН Κούσ-καυρι весьма заманчиво связать с фрак. МН Κουσ-καβίρι. Причем само -καβιρι, ср. к огласовке греч. ЛИ Καβίριος, наряду с названием догреческих («пеласгских») божеств, связанных с Гефестом, по-видимому, в предварительном порядке можно возвести к той же основе, что и помещенные выше лид., греч., др.-инд. лексемы с значением 'жрец, провидец, поэт'[17]; передача интервокального *u* через β свойственна как фракийскому, так и догреческому, ср. фрак. дублет Αυλου- : Αβλου-, -δαυον: -δαβα и пр., «пеласг.» ἐρέβινθος при лат. *ervum*, догреч.-анат. λαβύρινθος при греч. λαύρα и т. д. Существенно, что Κάβειρος в качестве названия горы встречается во Фригии (также Κάβειροι) и как название города — в Беотии.

Такое положение дел вынуждает искать условий хотя бы для части балкано-хетто-лувийских (resp. анатолийских) схождений в ареальных соприкосновениях указанных лингво-этнических регионов в преданатолийский период; по ряду весьма веских соображений подобные контакты могли осуществиться где-то в пределах центрально-восточной Европы, на территории, сопредельной се-

---

[17] На подобную же этимолого-семантическую связь данного круга лексики (лид. *kave-* и пр.) с славянскими обозначениями кузнечного искусства и искусства вообще, в том числе магического, ср. ст.-сл. кѫзнь 'τέχνη, μηχανή', коварьнъ 'πανοῦργος, мудрый, благоразумный', чеш. *kouzlo* 'колдовская сила и пр.' при русск. *кузлó* 'кузнечный горн', 'кузнечная работа' — все к праслав. **kovati*, ср. также ц.-слав. *кова ковати, ковати зълаɪa* 'злоумышлять' недавно на большом лингвистическом и этнографическом материале указали В. В. Иванов и В. Н. Топоров в своем докладе к VII Международному съезду славистов: «Этимологическое исследование семантически ограниченных групп в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов». «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов». М., 1973. Против языковой связи Κάβειρος и др.-инд. *Kúbera-*, *Kuvera-* 'der Herr der Geister des Dunkels, Gott der Schätze', принадлежащим к пантеону позднего периода, см. Mayrhofer I, стр. 231 (с подробной литерат.), Frisk I, стр. 750 с пометой о неизвестности происхождения греч. теонима.

веро-восточным областям Балканского п-ова [18]. В аспекте сказанного чрезвычайный интерес представляет небольшая статья Б. Розенкранца [19], показавшего близость хетто-лувийской гидронимии к так называемой «древнеевропейской», исследованной Краэ, ср. *Wawara*, *Werija*, к и.-е. **u̯er-/u̯or-*, — *Vara* (Лигурия), Varia, ныне Vaire, Veyre (Франция) и многие другие европейские реки, ср. апеллативы: др.-инд. *vā̆r*, *vā̆ri* 'вода', авест. *vār* 'дождь', тох. A *wär*, B *war* 'вода' и пр.; *Aršania*, к и.-е. **er-/or-*, — *Arsia* (Истрия), вост.-прусск. *Arse* (< **Arsi̯a*), ср. хетт. *aršaršura-* 'strömend, Strom', *Ḫapurijata*, *Ḫiššašḫapa* (к первому компоненту ср. европ. *Eisa*, *Isara*) — хетт. *ḫap-* 'река, поток' от и.-е. **ab-*, ср. лат. *amnis* < **abnis*, лит. *Abista*, лтш. *Abava*, в Британии *Abos*, фрак. ''Αβα (имя нимфы, МН Ζάλδαπα, -αβα из **ĝhel-d-aba/-apa* 'желтая вода', 'Απιδανός (Троада, Фтиотида) < и.-е. **apa-danu-* 'вода-вода', ср. др.-прусск. *ape* 'река', осет. *don* 'река', 'вода'.

Высказанные соображения в пользу гипотезы относительно преданатолийского ареала хетто-лувийских племен на территориях, примыкающих к Балканскому п-ову с северо-востока, могут, по нашему убеждению, быть подтверждены и более однозначно толкуемыми фактами из области обычной лексики. В этом плане нам представляется перспективным ареально-этимологический анализ исключительных хетто-арийских, по преимуществу хетто-древнеиндийских, изолекс из сферы «технической» терминологии, с учетом подобных общностей из менее специализированных разделов лексики [20]. Опасение, что подавляющее число интересующих нас в данном аспекте терминов, таких, как хетт. *ḫišša-* 'дышло (повозки?)': др.-инд. *īṣā́* 'дышло военной колесницы', хетт. *turija-* 'запрягать': др.-инд. *dhur* 'запряжка', хетт. *warša-* 'дождь, роса (?)': др.-инд. *varṣá-* 'дождь', хетт. *tapašša-* 'лихорадка, жар (?)', 'какая-то болезнь': др.-инд. *tapas-* 'жар' и некоторые другие — заимствованы от переднеазиатских арийцев, отпали после углубленного изучения всего комплекса проблематики, связанной с пребыванием арийцев в Передней Азии (определенно с XVI—XV вв. до н. э., если не ранее). Сверх того выявились еще два существенных момента: во-первых, арийские вкрапления в языках Ближнего Востока оказались индоарийской ориентации, единичные же проникновения в хеттский опосредствованы хурритским; менее 10 апеллативных реликтов, обнаруженных в хеттоязычном тексте, ограничены трактатом Киккули и имеют за небольшим исключением глоссовый характер; во-вторых, столь раннее историческое появление обособленных индо-арийцев, воз-

---

[18] Подробнее об этой гипотезе см. Л. А. Гиндин. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя. — ВЯ, 1971, 1, стр. 47 и след.

[19] B. Rosenkranz. Fluss- und Gewässernamen in Anatolien. — BNF (N. F.), 1, Heft 2, 1966, стр. 124 и след.

[20] Коллекцию последних см.: R. Gusmani. Il lessico ittito. Napoli, 1968, стр. 55 и след.

можно, в правление вавилонского царя Самсуиллунаса (по новой датировке 1740 г.), недвусмысленно свидетельствует о раздельном существовании индо-арийских и иранских диалектов по крайней мере к концу III тысячелетия [21].

Таким образом в итоге обозначилось одно из самых правдоподобных объяснений причин возникновения хетто-индоарийских общностей из области лексики: они могли появиться в результате ареальных контактов хеттов и арийцев в степных областях к северу от Черного и Каспийского морей, где эти этнические группы располагались в преданатолийский и прединдийский период, после распада индоевропейского единства; для постулирования арийцев на данных территориях большую важность представляют арийские заимствования, общие индо-иранские и порознь, в финских языках [22] и вероятные остатки индоарийской топонимики на юге России [23].

Для демонстрации возможностей, которые содержит этимологическое истолкование указанного разряда лексики, специально остановимся на интерпретации первой в нашем списке хеттской лексемы *ḫišša-* (изучению всей данной группы лексики мы намереваемся посвятить особую работу).

Как исконно индоевропейское (Erbwort) это слово интерпретировал Ф. Зоммер [24], в том же качестве оно неоднократно привле-

---

[21] Подробно о проблеме переднеазиатских арийцев см. упомянутую выше I часть настоящей статьи автора; также L. A. Gindin. Kikkuli -*u̯artanna* et le problème de l'origine indoaryenne des aryens du Proche Orient. «Orbis» XXI, I, 1972; относительно возможности иранских специфических связей с языками Европы, в частности италийскими, в древнейший период см. В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

[22] Суммарный перечень индоевропейских, в подавляющем числе индоиранских, заимствований в финно-угорские языки помещен в словаре Б. Коллиндера (B. Collinder. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955); помимо того, см.: A. J. Joki. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973. Из более ранней литературы (библиографию которой см. также: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971) заслуживает особого внимания, кроме известных работ Г. Якобсона, статья Калимы (J. Kalima. Über die indoiranischen und baltischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen. «Festschrift für H. Hirt». II. Heidelberg, 1936); о протоиндоиранском ареале в Юго-Восточной Европе достаточно развернуто, особенно в части арийских заимствований в угро-финских языках, см.: В. И. Абаев. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. «Древний Восток и античный мир». М., 1972, стр. 26 и след.

[23] P. Kretschmer. Varuṇa und die Urgeschichte der Inder. — WZKM XXXIII, 1—2; Он же. Zum Ursprung des Gottes Indra. «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Klasse, 64, Jg. 1927, № VII, 1928; его же. Inder am Kuban. Там же, 1943, № VII—X, 1944; Он же. Weiteres zur Urgeschichte der Inder. — KZ 55, 1928. Против с серьезными аргументами: W. Eilers, M. Mayrhofer. Namenkundliche Zeignisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung. «Die Sprache», VI, 2, 1960.

[24] F. Sommer. Altindisch dhur. «Die Sprache I, 1949; ср. É. Laroche. Hittitica. «Revue de philologie», I, 1949.

кало В. В. Иванова [25]. Это мнение в настоящее время готов поддержать М. Майрхофер, после значительных колебаний и вопреки многим своим работам, в которых он рассматривал хетт. *ḫišša-* как заимствование из др.-инд. *īṣā́-* [26]. К числу непосредственных проникновений из древнеиндийского в хеттский отнес данную хеттскую лексему Х. Кронассер в обеих своих сравнительных грамматиках хеттского языка [27]; к утверждению Х. Кронассера присоединился Я. Фриск [28]. Категорически высказавшись против идеи о заимствовании, приведя ряд иранских соответствий, Е. Бенвенист, как будто, склоняется к мысли об исконном родстве интересующих нас слов [29]; его мысль конкретизируется в свою очередь А. Камменхубер в ареально-изоглоссном плане [30], что, как мы постараемся показать ниже, является наиболее приемлемым и реалистическим.

Лексический материал морфологически и семантически распределяется следующим образом.

И.-е. **Hois-* — полная дифтонгическая ступень [31].

Иран. **aiša-*: авест. *aēša-* 'плуг', н.-перс. *xēš* 'плуг', 'лемех', кашани *īš* то же [32], вахан. *yīṣ̌ək* 'ручка плуга' [33]; праслав. **ojes-*: продолжения этой основы по своей семантике группируются весьма характерно: только в балканском ареале, за исключением Полесья, данный термин, помимо дышла различных запряжек, может обозначать, аналогично иранским языкам, части плуга или сохи, обычно 'дышло' resp. 'грядиль' — болг. *ойще*, *войще*,

---

[25] В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — ВСЯ, 2, 1957; Он же. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 11.

[26] M. Mayrhofer. Hethitisches und arisches Lexikon. — IF 70, 3, 1965, стр. 254: . . . es bei einem Erbwort weniger Schwierigkeiten bereitet als bei der Annahme eines Lehnwortes; ср. Mayrhofer I, стр. 97, 558; Он же. «Hethitisch und Indogermanisch». «Die Sprache», X, 2, 1964, стр. 185: [*turija-*, *ḫišša-*] nur als Entlehnung aus dem Indoarischen ins Hethitische interpretiert werden kann.

[27] H. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956, стр. 43, 224, 253 и след.; Он же. Etymologie der hethitischen Sprache, Lf. 2. Wiesbaden, 1963, стр. 144.

[28] См. Frisk II, стр. 356.

[29] É. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 14: . . . et l'accord de l'indo-iranien et du hittite révèle ici un terme de la plus ancienne technologie.

[30] A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968, стр. 184 и след.; ср. Она же. Zur Stellung des Hethitisch-Luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ 77, 1—2, 1961, стр. 50, где автор за такими характерными «культурными» словами, как *ḫišša-* и *turija-* оставляет возможность восходить ко времени контактов хеттского с арийским в районах севернее Кавказа.

[31] Ларингал восстанавливается по анализируемому ниже хетт *ḫišša-*.

[32] Bartholomae, стр. 32.

[33] G. Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages II. Oslo, 1938, стр. 555а.

с.-хорв. *ôje* (также 'дышло у телег с волами'), словен. *ojé*[34] (при *ôje* 'лемех'[35] и *ojȩ̂*, *-ȩ̂sa* 'дышло' и др.); в прочих областях славянского мира (запад и юго-запад европейской части) засвидетельствовано: 'дышло воловьего воза' — блр. *воййе́* (при полесск. *вуjé* 'основная деревянная часть сохи'[36], т. е. 'грядиль?' — *Л. Г.*), укр. *війя́* (при *війце* и др. о дышле плужной запряжки), ср. русск., только терск. *воё* 'дышло у телеги для запряжки в ярмо'; затем 'дышло вообще' — чеш. *oj*, *-e*, *voj*, *-e* (кроме того, 'рулевое весло'), польск. *oje*, *woje*[37], греч. οἴαξ, οἴακος 'рукоять кормового весла', 'яремное кольцо', 'ярмо, снабженное кольцами', οἰήϊον 'кормовое весло' (<**oisā-*)[38]; финск. *aisa* 'дышло', 'оглобля', 'ручка вил' и пр., морд. *ažja* 'дышло', 'оглобля'[39] (эрз. *ažjε* то же) скорее заимствовано из иран. **aiša*[40], нежели из балт. **aisō* или **aisa*[41], ср. восточно-финские формы; в то же время финск. oja, *ojas* 'Deichsel am Gabelpflug', по всей вероятности, заимствовано из общеарийского (и.-е. **oi̯es-*) в период до перехода индо-иран. *o* в *a*, но когда во 2 слоге *e* уже в *a*[42].

И.-е. **His-* — ступень редукции.

Вед. *īṣā́-* (< **Hiṣā*) 'дышло', встречается в Ригведе трижды; два раза речь идет о легкой боевой колеснице *rátha-*, причем один раз — о повозке, запрягаемой быками. Рассмотрим подробнее эти случаи, поскольку они являются древнейшими, если не самыми древними, детальными письменными свидетельствами об устройстве колесных средств перевозки и боевых колесниц, небезразличные и для дальнейшего изложения. RV VIII, 5, 28—29: *rátham híraṇyavandhuram híraṇyābhīṣum aṣvinā ā́ hí sthā́tho divispṛ́ṣam* || *hiraṇyáyī vām rábhir īshā́ áksho hiraṇyáyaḥ* | *ubhā́ cakrā́*

---

[34] Т. Urbas. Črtalo severovzhodni Slovenii. «Slovenski etnograf» XIV, 1961, стр. 43.

[35] В. Orel. Ralo na Slovenskem. Там же, стр. 32; у Плетершника (s. v. v.) дериваты: *ộjce* 'die Deichsel des Pflugmägelchens', *ộjice* 'передняя часть плуга с двумя колесами' (pl).

[36] Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 95, с указанием идентичной формы, записанной Тарнацким.

[37] Ср. A. Zaręba. Atlas językowy śląska I, Kraków, 1969, стр. 40: 'дышло воза'. — При сборе славянского материала, кроме известных словарей (диалектных, литературных и этимологических) по отдельным славянским языкам, автором использованы картотеки Сектора этимологии и ономастики ИРЯ АН СССР.

[38] Ср. Frisk. Там же.

[39] В. Collinder. Указ. соч., стр. 129; ср. еще эст. *ais* 'оглобля и пр.'

[40] М. Mayrhofer. Hethitisches und arisches Lexikon, стр. 254; Он же. «Hethitisch und Indogermanisch», стр. 186 (с литерат.).

[41] Fraenkel I, стр. 3, s. v. *ailė*, где приведены лтш. *íelek(s)i* 'Femerstangen am Pflug', лит. *íelek(s)tis* 'дышло деревянного плуга и пр.'; в интерпретации финских форм Френкель ссылается на упомянутую статью Калимы; ср. Y. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja I, 1955, стр. 10 (принимаются обе возможности).

[42] J. Kalima. Указ. соч., стр. 203.

hiraṇyáyā «в колесницу золотоместную, с золотыми вожжами, доходящую до неба, водружайтесь Ашвины; золотой у вас валек [43], дышло, ось золотая, оба колеса золотые»; в RV X, 135, 3 из-за метафоричности этого отрывка не сообщается количество колес, но содержится важное указание на то, что *rátha-* имела одно дышло: *yáṃ kumāra návaṃ ráthaṃ acakrám mánasā́kr̥ṇoḥ ékeṣam viṣvátaḥ prā́ñcam...* «которую, о мальчик, новую колесницу, бесколесную, мыслью ты сделал, однодышловую, во все стороны двигающуюся». Напротив, в RV III, 53, 17 явно говорится о более тяжелой, здесь бычьей, запряжке, обычно называемой *ánа-*: *sthiraú gā́vau bhavatām vīḷúr ákṣho méshā́ vi varhi mā́ yugáṃ vi ṣāri índraḥ pātalyè dadatām ṣárītor árishṭaneme abhí naḥ sacasva* || «Надежными быки (оба) да будут, крепкой ось (да будет), да не оторвется дышло, да не сломается ярмо, пусть предохранит Индра от поломки две опоры (?) [44]; ты, у которого ободья никогда не повреждаются, сопутствуй нам».

Итак, в противоположность иранским языкам, *īṣā́-* в Ригведе обозначало только дышло повозок, как и в классическом санскрите, наряду с далеко ушедшими смысловыми эволюциями 'доска на кровати', 'мера длины' [45].

Рассмотренной др.-инд. лексеме в формальном и, видимо, семантическом отношении (ср. только что истолкованный отрывок) полностью соответствует специально интересующее нас в данном случае хетт. *ḫišša-*, что впервые было отмечено Х. Оттеном [46]. Наличие *ī* в др.-инд. *īṣā́-*, вкупе с рядом других примеров, послужило отправным пунктом для гипотезы, высказанной недавно В. В. Ивановым, о том, что утрата ларингала, кроме обычно признаваемого удлинения предшествующего гласного или сонанта могла вызвать и удлинение последующего гласного и сонанта [47]. В семантическом отношении дело обстоит несколько сложнее, так как хетт. *ḫišša-* засвидетельствовано в немногочисленных астрологических контекстах, плохо сохранившихся и потому фрагментарных и не достаточно ясно толкуемых. Например,

---

[43] Относительно значения *rábhi-* см. Grassmann, стб. 1148: 'ein Teil des Wagens, warscheinlich Zugscheit, an welchem die Stränge angeknüpft werden'.

[44] У Грасмана hapax *pātalye* (dual.) оставлен без специального толкования (см. Grassmann, стб. 805); в этом месте мы следуем переводу Гельднера.

[45] Böhtlingk I, стр. 214.

[46] H. Otten в предисловии к KUB XXXIV, стр. II; ср. F. Sommer. Указ. соч., стр. 161, см. также H. Otten. Die Gottheit Lelvani der Boğazköy—Texte. — JCS IV, 2, 1950, стр. 121; ср. анализ всех употреблений *ḫišša-*: A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient, стр. 191.

[47] В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 11 и след.; Майрхофер (указ. соч., стр. 185 и след.) также считает мысль о теоретически возможной в хеттском метатезе из **iḫša-* или диссимиляции из **ḫiḫša-* «вряд ли заслуживающей внимания» (прим. 42).

в KUB XXIV, 16 II 7′, собственно говоря, имеется в виду созвездие Большая Медведица, которое хеттами, как и некоторыми другими народами, представлялось в качестве большой четырехколесной повозки с дышлом (ср. нем. *Grosser Wagen*): ^{GIŠ}MAR GĪD.DA-*-as* ^{GIŠ}*ḫi-iš-ši* «на дышле повозки» и двумя строками ниже: ^{GIŠ}MAR.GĪD.DA 4 *ḫu-ur-ki-uš* «четыре колеса повозки». Однако этого вполне достаточно, чтобы заключить о семантике хетт. ^{GIŠ}*ḫišša-*, обозначавшего 'деревянное дышло четырехколесной (тяжелой) повозки'.

Приведенные лингвистические факты в совокупности с рядом соображений реального порядка весьма очевидно свидетельствуют, что первоначальным значением анализируемой индоевропейской лексемы было 'плуг, грядиль, дышло плуга', затем, видимо, уже 'дышло повозки, ярма'. В древнеиндийском, в противоположность иранскому, и в хеттском — налицо формальная (ступень редукции) и семантическая (только дышло повозок) инновация, выразившаяся, между прочим, и в специализации (сужении) значения, ср. семантику финских форм при довольно вероятном заимствовании из иранского. Таким образом здесь перед нами типичная ареальная инновация, возникшая в двух пространственно близких языках, или даже заимствование из древнеиндийского в хеттский. Следует заметить, что на диалектном индоевропейском уровне принципиальное различие между ареальной лексемой, представляющей собой технический термин, и заимствованием трудно уловимо. В свете сказанного выше о вероятной причастности хеттского к балканскому ареалу важнее другое: как раз языки, в настоящее время распространенные на Балканах, — южнославянские, наряду с иранскими, часть которых еще в предславянский период занимала сопредельные территории на юге России, сохранили самые архаические значения и.-е. **Hois-*: *His-*, вместе с интенсивно проявляемой словообразовательной продуктивностью на протяжении длительного времени (ср. словенский и болгарский), на фоне явного затухания первоначального значения и продуктивных потенций данной лексемы по мере удаления от балканского региона (ср. украинский, русский, польский, чешский). Поэтому мы склонны именно в балканском ареале и соседних районах к востоку (Триполье и пр.), с неолита отличавшихся высоким уровнем оседлого земледелия, постулировать эпицентр распространения интересующей нас лексемы (resp. реалии) [48]. В то же время хетты и индоарийцы, покинув степные пространства к северу от Черного и северо-западу от Каспийского

---

[48] Согласно специальному исследованию в духе «Wörter und Sachen» Б. Братанича, посвященному частям плуга, серб. *óje*, болг. *ойще* и пр. включаются в разряд архаической лексики, характеризуемой маргинальным распространением (B. B r a t a n i ć. Uz problem doseljenja južnih slavena. Nekoliko etnografsko-leksičkih činjenica. «Zbornik radova», Sveučilište u Zagrebu, filozofski fakultet. Zagreb, 1951, стр. 226.

морей и попав в иные культурно-исторические условия (длительные кочевые миграции, сопряженные с интенсивным развитием коневодства, более широкое хозяйственное и военное использование лошадей, новые места обитания, с обязательным в связи с этим лингво-экономическим влиянием туземного населения и т. д.) закрепили свою семантико-морфологическую инновацию («дышло повозок»). И, действительно, в древнеиндийском плуг имел другие названия, например, *sīra-*, от глагольной основы *sī-* 'вести прямую линию' (G r a s s m a n n, стб. 1521).

Г. А. Климов, Д. И. Эдельман

К НАЗВАНИЯМ ПАРНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В ЯЗЫКЕ БУРУШАСКИ

Случаи специфического строения имен, обозначающих парные предметы, широко известны в самых различных языках. Нередко эти субстантивы выступают в форме pluralia tantum, исторического двойственного числа, или же включают более или менее легко опознаваемый элемент числительного 'два'. Последнее явление встречается, например, в абхазско-адыгских языках (ср. абхаз. *a-ṭʷə-γʷa* 'рог' при *γʷ-ba* 'два', кабард. *bžā-q̣ʷa* 'рог', 'рога', *lā-q̣ʷa* 'нога', 'ноги' при *ṭq̣ʷə* 'два'). Некоторыми предполагается, что оно имеет место в группе баскских существительных типа *begi* 'глаз', *belarri* 'ухо', *beso* 'рука', *belaun* 'колено', *biri* 'легкое' и т. п., в которых гипотетически вычленяется начальный комплекс *bV-*, сопоставляющийся с *bi* 'два' [1].

В языке бурушаски основа числительного 'два' (его абстрактная форма *ālti*, *ālto*, форма *āltan* — для имен 1-го и 2-го классов, *ālta* — 3-го класса, *ālto* — 4-го класса) достаточно очевидным образом представлена в начальном элементе *lt-* целого ряда названий парных частей тела. Приведем их наиболее достоверные примеры по обоим диалектам языка — бурушаски и вершиквар [2].

	Бурушаски	*Вершиквар*
'Ухо'	IV кл. *-ltumal* (мн. *-ltumaliŋ*)	Лор. *-ltumaḷ*, *tūmał* (мн. *-ltumałiŋ*, *tūmałiŋ*) Зар. *túmał* (мн. *tumaling*)
'Нога'	IV кл. *-ltanc* (мн. *-ltai.iŋ*)	Лор. *-ltanz*, *tanz* (мн. *-ltæiŋ*, *tæiŋ*) Зар. *tanʒ*
'Рог'	IV кл. *-ltūr*, *tur* (мн. *-ltūriɛŋ*, *tur(i)aŋ*)	Лор. *tur* (мн. *turiaŋ*) Зар. *tur* (мн. *turyáng*)

---

[1] Ср. Nils M. Holmer. Ibero-Caucasian as a linguistic type. — «Studia Linguistica», Année 1 (1947), № 1, стр. 26. См., однако, C. C. Uhlenbeck. Die mit b-anlautenden Körperteilnamen des Baskischen. «Festschrift Meinhof». Hamburg, 1927, стр. 357.

[2] Материал по диалекту бурушаски заимствуется из кн.: D. L. R. Lorimer. The Burushaski language. Vol. III. Vocabularies and Index. Oslo, 1938; по диалекту вершиквар: D. L. R. Lorimer. Wershikwar — English Vocabulary. Oslo, 1962, (с пометой — Лор.); И. И. Зарубин. Вершикское наречие канджутского языка. «Записки Коллегии Востоковедов», II, вып. 2. Л., 1927 (с пометой — Зар.).

'Бровь'	III кл. *-ltanc* (формы ед. числа нет)	Лор. *-ltɛṣ̌, tɛṣ̌* (мн. *-ltɛha, tɛha*) Зар. *teš* (мн. *tehá*)
'Передняя нога животного', 'верхняя часть руки человека'	IV кл. *-ltaltər* (мн. *-ltaltəriŋ*)	
'Глаз'	III кл. *-lčin* (мн. *-lčumuc*)	Лор. *-lči* (мн. *-lčumo*) Зар. *-lči* (мн. *-lčimo*)
'Кость', 'кровный родственник'	III кл. *-ltin, tin* (мн. *-ltīyo, tinǰo*)	Лор. *tɛn* (мн. *tɛnǰo*) Зар. *ten* (мн. *tenǰó*)

В комментарии нуждаются, по-видимому, лишь два последних примера. Форма *-lčin* могла возникнуть в результате упрощения консонантного комплекса из **-lt-šin* или **-lt-čin*, а *-ltin*, возможно, была первоначально связана с обозначением каких-то парных костей.

Приведенные основы обычно употребляются с префиксальными экспонентами категории притяжательности, поскольку соответствующие имена относятся к классу имен так называемой «органической принадлежности», функционирующих в бурушаски только с показателями лица и — для 3-го лица — класса их обладателя. Так, основа *-ltumal* 'ухо' выступает исключительно в формах *a-ltumal* 'мое ухо', *gu-ltumal* 'твое ухо', *i-ltumal* 'его ухо', *mu-ltumal* 'ее ухо' и т. д. Интересно, однако, что варианты этих форм без начального *l* употребительны без показателей притяжательности, что представляется позднейшим явлением, связанным с действующей в языке тенденцией к формированию родовых, т. е. абстрагированных и от отношений принадлежности, названий предметов. Эта тенденция охватывает не только основы имен с элементом *-lt-*. В других именах она выявляется либо употреблением основы без префикса [ср. *-γoyaŋ* 'волосы (чьи-то)' — *γoyaŋ* 'волосы (вообще)'], либо сращением основы с префиксом I, III, IV классов единственного числа *i-* [ср. *-cu* 'след (чей-то)' — *icu* 'след (вообще)'] [3]. Нетрудно заметить, что в отношении основ с *-lt-* диалект вершиквар продвинулся в этом аспекте значительно дальше, чем собственно бурушаски. Однако, и в последнем уже засвидетельствованы лексемы подобного рода, употребляемые ныне исключительно без начального *l*: ср., например, *tālumuc*

[3] См. D. L. R. Lorimer. The Burushaski language. Vol. I, Oslo, 1935, стр. 134—135. Ср. утрату лично-классных показателей ряда глаголов, при которой основы глаголов с начальным *-lt-* также теряют *l*: *-ltaiyas//taiyas* 'следовать', 'преследовать', бур. *-ltanas//tanās*, верш. *-ltan-//tan-* 'дробить', 'толочь' и др.

'гланды', 'железки' (мн. число, форма ед. числа не засвидетельствована).

Разумеется, подобно другим языкам в бурушаски далеко не все слова, обозначающие парные части тела, обнаруживают в своем строении этимологический элемент 'два'. Напротив, их большинство лишено последнего. Ср. *-utis* 'нога', *-riŋ* 'рука', *-sūsun* 'локоть', *-pfōiŋ* 'плечо', *-cu* 'след ноги', *-šak* 'верхняя часть руки' и др. Этого и следовало ожидать, поскольку элемент *-lt-* производит впечатление реликтового, своим присоединением к основе, по-видимому, «компенсировавшего» неразвитость именной морфологической категории числа, характерную для многих языков выдержанного эргативного строя (в некоторой степени эта черта знакома и языкам активного строя, по-видимому, являющимся типологическими предшественниками эргативных). Постепенную утрату функционального содержания элемента *-lt-* и параллельную с ней «грамматикализацию» рассматриваемых основ в качестве форм единственного числа (от большинства из них формы множественного числа ныне образуются обычными для всех имен III-го и IV-го семантических классов суффиксальными показателями) следует связывать с развитием в бурушаски именной категории числа. На глубокую древность сращения этого элемента с рассматриваемыми основами указывает и то, что префиксальные показатели принадлежности предшествуют ему, а не следуют за ним: *a-lt-umal* 'мое-ухо' (ср. обычную для современного состояния языка конструкцию с числительным: *cundo a-yu* 'пять моих-сыновей'). Иными словами, это сращение должно было произойти до обобщения притяжательных форм органической принадлежности, выражаемых префиксацией лично-классных экспонентов непосредственно к основе.

Не исключено, что постуляция методом внутренней реконструкции исконного облика непроизводных основ в языке бурушаски будет способствовать решению задачи определения его генетической принадлежности.

А. Б. Долгопольский

О НОСТРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АФФРИКАТ И СИБИЛЯНТОВ: КОРНИ С ФОНЕМОЙ *ʒ

§ 1. Накопленные к настоящему времени лексические сопоставления между ностратическими языками позволяют констатировать следующую систему соответствий в области сибилянтов и аффрикат [1]:

1. Ностр. *s: урал. *s, картв *ŝ[2], с.-х. *s (сем. *š, егип. ś, кушит. *s, чад. *ŝ), и.-е. *s, драв. *č-, *-č-, тюрк. *s- (и *š-, дающее в чувашском š и в других тюркских языках — s), *-s-, монг. *s, тунг. *s и *š- (дающее š в маньчжурском, s и ś в эвенкийском и пр.)[3].

2. Ностр. *ś: урал, *ś, картв. *s, с.-х. *s, и.-е. *s, драв. *č-, *-č-/*-čč-, тюрк. *š (и *s), монг. *s, *ś, тунг. *s, *š,

3. Ностр. *š: урал. *š, картв. *š, с.-х. *s, и.-е. *s, драв. *-č(č)-, тюрк. *š-, *s-, *-s-, монг. *s, тунг. *s.

4. Ностр. *ç: урал. *ć-, *-ćć-, картв. *ĉ̣, с.-х. *ĉ̣ (сем. *ṣ, *ṣ̂[4], кушит. *ĉ̣) и *s, и.-е. *sk̂-, *sk-, *sk^W-, *-s-, драв. *č-, *-čč-/*-č-, тюрк. *č, монг. *č, тунг. *č.

5. Ностр. *c: урал. *ć-, *-ć-, картв. *ĉ, с.-х. *ĉ̣ (сем. *ŝ, егип. š, кушит. *ĉ̣ и *ŝ), и.-е. *sk̂-, *sk-, *sk^W-, *-s-, драв. *č-, *-čč-/*-č-, тюрк. *č, монг. *č, тунг. *č.

6. Ностр. *ʒ: урал. *j- картв. *ʒ̂, с.-х. *ʒ̂ (сем. *ŝ, кушит. *ʒ̂-) и *s, и.-е. *s, драв. *č-, тюрк. *j- (?), *-j- (?), монг. *s-, тунг. *s-, *š-.

7. Ностр. *ḉ: урал. *ś, картв. *ç, с.-х. *ç (сем. *ṣ, кушит. *ç, егип. ḏ) и *s, и.-е. *sk̂-, *sk-, *sk^W-, *-s-, драв. *č-, *-čč-/*-č-.

8. Ностр. *ć: урал. *ś, картв. *c, с.-х. *c (сем. *s, кушит. *c, егип. ś), и.-е. *sk̂-, *sk-, *sk^W-, драв. *č-, тюрк. *č, монг. *č, тунг. *č.

---

[1] Реконструкции, данные в нотации «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча, снабжается пометой ОС, реконструкции в нашей нотации — пометой Д (или даны без помет).

[2] Картв. Д *ŝ, *ĉ̣, *ĉ, *ʒ̂ соответствуют $*s_1$, $*ç_1$, $*c_1$, $*ʒ_1$ в нотации Г. И. Мачавариани, Т. В. Гамкрелидзе, Г. А. Климова и др.

[3] Закономерности распределения тюркских фонем *s- и *š-, монг. *s- и *ś-, тунг. *s- и * š- (т. е., в нотации ОС, алт. *s и $*s_1$) не изучены. Вопреки предположению В. М. Иллич-Свитыча о закономерном отражении ностр. ОС *s (=Д *ś) в алт. *s (> тунг. *s) ностр. Д *śula 'слизь' дает маньчжур. šula 'мутная жидкость'.

[4] Знаками *ŝ и *ṣ̂ обозначены семитские латеральные (в традиционной нотации соответственно *ś и *ḏ̣).

9. Ностр. *ʒ́: урал. *s-, картв. *ʒ, *z, с.-х. *ʒ (сем. *z, кушит. *ʒ, егип. s) и *s, и.-е, *s, драв. *č-, тюрк. *j-, *-j- (?), монг. *ǯ, тунг. *ǯ.

10. Ностр. *č̣: урал. *č-, *-čč-, картв. *č̣, с.-х. *č̣ (сем. *ṯ̣, кушит. *č̣) и *s, и.-е. *st-, *-s-, драв. *č-, *-čč-/*-č-, тюрк. *č, монг. *č, тунг. *č.

11. Ностр. *č: урал. *č-, *-č-, картв. *č, с.-х. *č (сем. *ṯ, кушит. *č), и.-е. *st-, *-s-, тюрк. *č, монг. *č, тунг. č.

12. Ностр. *ǯ: урал. *č-, *-č$_1$-, картв. *ǯ, с.-х. *ǯ (сем. *ḏ, кушит. *ǯ) и *s, и.-е. *st- (?), тюрк. *-j- (и *-d-?), монг. *-ǯ-.

Констатируемая таким образом система соответствий близка к системе, выведенной В. М. Иллич-Свитычем в работе «Опыт сравнения ностратических языков» (стр. 148—149). Коррективы к системе В. М. Иллич-Свитыча касаются шести пунктов:

1. Устанавливается неизвестное прежде соответствие между урал. *j-, картв. *ʒ̂ (т. е. *ʒ$_1$ в традиционной нотации), с.-х. *ʒ̂, и.-е. *s, драв. *č-, тюрк. *j, монг. *s, тунг. *s-, *š-. Этот ряд соответствий обозначаем символом *ʒ.

2. Устанавливается, что урал. *ć, картв. *ĉ, и.-е *sk̂-, *sk-, *-s-, драв., тюрк., монг. и тунг. *č соответствуют не с.-х. *c (т. е. *s в нотации В. М. Иллич-Свитыча), а с.-х. *ĉ (сем. *ŝ, егип. š, кушит. *ĉ̣, *ŝ). Этот ряд соответствий будем называть ностратическим *c.

3. Анализ развития фонем и их дифференциальных признаков заставляет прийти к новой фонетической и фонологической интерпретации некоторых сибилянтов и аффрикат. Ряд сибилянтно-аффрикатных фонем, рассматривавшийся прежде как ряд свистящих (*s, *c̣, *c, *ʒ), оказывается содержащим тот же дифференциальный признак, что и сонанты *ń, *ĺ, *ŕ, т. е. должен включаться вместе с этими последними в один ряд палатальных согласных. Поэтому свистящим согласным В. М. Иллич-Свитыча соответствуют в нашей нотации палатальные *ś, *ć̣, *ć, *ʒ́. Ряд же, прежде рассматривавшийся в качестве палатального (*ś, *ć̣ и пр. в нотации ОС), оказывается не содержащим палатальности и должен нотироваться как *s, *c̣ и т. д.

4. Отвергается существование в протосистеме различия между фонемами, обозначаемыми у В. М. Иллич-Свитыча как *z и *ʒ. Соответствующие факты интерпретируются как относящиеся к одному ряду соответствий (ностр. Д *ʒ́).

5. Отвергается существование особой фонемы *λ.

6. Отвергается существование особой фонемы *š́.

Пункт 5 (о фонеме *λ) рассматривался в статье «Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала» («Этимология. 1970»). Там показано, что в корнях, интерпретировавшихся прежде как корни с*λ, мы имеем дело либо с сочетаниями латерального со звонким ларингалом (типа *-lˁ-), либо изредка с субстратными словами (урал. *δ'ōme 'черемуха', монг. *dimu 'черемуха', тюрк. *jumurt 'черемуха').

В настоящей работе ограничимся рассмотрением корректив, указанных в п. 1 и 3.

§ 2. Соответствие между урал. *j-, картв. *ʒ̂, с.-х. *ʒ̂ (> сем. *ŝ, кушит. *ʒ̂) и *s (> сем. *š, егип. ś, кушит. *s), и.-е. *s, драв. *č-, тюрк. *j-, монг. *s-, тунг. *s- и *š-, обозначаемое в протосистеме как *ʒ, обнаруживается в следующих корнях.

1. Ностр. *ʒAhrʌ 'луна': урал. *j/e/rʌ 'луна' монг. *saran 'луна', с.-х. *ʒ̂ʌhr- 'луна'.

Урал. *j/e/rʌ: самод. *jīrʌ (или *jirʌ) 'луна', > нен. jirĭ (орфогр. ирий) 'луна, месяц', энецк. (хангайск.) irio, (баишен.) jirie 'луна', селькуп. (тазовск.) irä 'луна' и т. д. См. Lehtisalo JSW 129, Castrén WV 252, Erdélyi 48—49.

Монг. *saran 'луна': монг. письм. sara(n) 'луна, месяц', ср.-монг. («Сокровенное сказание», «Мукаддимат аль-адаб») sara 'луна, месяц', халха-монг., калм. sar, бурят. har 'луна, месяц', монгор. sara, баоаньск. sare 'луна, месяц', дагур. sare 'луна'. Краткость a в монгорском и баоаньском указывает на исконное монг. краткое *a в первом слоге. См. Hattori LV 460 (о прамонгольских долготах), Smedt—Mostaert 3.326, Haenisch WMNT 132, Поппе МСМА 319, Тодаева БЯ 146.

С.-х. *ʒ̂ʌhr- луна: сем. *ŝahr- 'луна' (> араб. šahr- 'луна', др.-ю.-арав. ŝhr 'новолуние', геэз ŝāhr 'луна', арам. sahărā 'луна' и т. д.), кушит. *ʒ̂ʌhIr(r)- 'луна' (> сомали ḍajjaḥ ~ dajjaḥ, рендилле jäja, галла ǯi'a, варази leγu, гавата le'ajo, цамай lä'u, консо lija, арборе leh, гидоле leha, иракв ŝahaŋw, алагва ŝehe, аса leheu-k и т. д.), бербер. *-Zīr- 'луна' (нефуси źiri 'луна', сива tazīri, гадамес taziri 'луна', мзаб, варгла, звава tiziri 'луна', бени-снус taziri 'лунный свет'). См. Gesenius — Buhl 780, Brockelmann LS 462, Долгопольский СФКЯ 116—7, Wölfel 428, 585, Beguinot 306.

Монгольские данные позволяют заключить, что гласным первого слога был либо *a, либо *ä (последнее — лишь при заднерядном гласном второго слога).

2. Ностр. *ʒirγU 'корень, жила': картв. *ʒ̂arγw- 'жила', с.-х. */ʒ̂/urrʌH- 'корень, жила', урал. *jūrʌ 'корень', монг. *sir/bü/- 'сухожилие', тунг. *sirä- 'сухожилие, нить', др.-корр. sir 'нить' и, возможно, тюрк. *jör-gä̜- 'наматывать'. Существует вариант того же корня *ǯirγU, возникший, видимо, вследствие ассимилятивной палатализации *ʒ перед *i. Он представлен в с.-х. *ʒIr'(ʌw)- 'корень, жила', урал. *s/ä/rʌ (~*sorʌ ?) 'корень, жила'. И.-е. *ser- 'нить, нанизывать' и драв. *čir- 'корень, жила' могут отражать как *ʒirγU, так и *ǯirγU.

Картв. *ʒ̂arγw-: др.-груз. ʒarγw- 'жила', мегрел. ǯerγw-, сван. ǯärγw- 'жила'. См. Климов 236, Чубинашвили 1612.

С.-х. */ʒ̂/urrʌH-: сем. *ŝʌrʌH- (сокотри ŝeraḥ 'корень'), редуплицированный вариант *ŝurš- 'корень' (др.-ю.-арав. ŝrš 'eradicavit', ŝrš 'fundamentum' и с ассимиляцией *šurš-: евр. šōręš ко-

рень', арам. *šuršā* ~ *širšā* 'волокно из корня, корень'; аккад. *šuršum* 'корень' не позволяет отличить начальные *ŝ и *š). Всякая с.-х. аффриката способна подвергаться факультативной дезаффрикации (превращаясь в с.-х. *s, откуда сем. *š) — первоначально, видимо, на стыке согласных. Дезаффрицированный вариант корня отражен в сем. **šurr-* ~ **šʌrʌH-* 'пуповина' (араб. *surr-*, евр. *šōr*, арам. *šorā* 'пуповина', сокотри *širaḥ* 'пуп', мехри *šira'* 'пуп'). Сем. *ŝ/*š может отражать как с.-х. *ʒ̂, так и с.-х. *ĉ.

С.-х. **ʒIr'/ʌw/-* : кушит. **ʒI'ʌr(r)/w/-* (билин *zir* 'корень', *zilil* 'корни', хамир *zir* 'корень', иракв *dē''aramo* 'корень', геэз *ŝərw* 'сухожилие, корень'), сем. **zar'-* 'семя' (т. е. 'подземная часть растения' < 'корень'), представленное во многих семитских языках: араб. *zar'-* 'семя', евр. *zęra'*, арам. *zəra'* и пр., аккад. *zar'-um* ~ *zer'um* 'семя'. Сюда же, видимо, относится чад. **/ŝ/ʌRwʌ(n)* 'корень' (хауса *saywa*, болева *šorin*, маха *sorom*, ангас *sīn*, гисига *ŝaŝălak*, мандара *šallwa*, главда *ŝali*, тера *ẑar*, гуду *ŝerwa*, мусгу *salawoŋ*)[5]. Бербер. **-Zʌrw-/*-Zūr-* 'сухожилие, корень' (> бени-снус *a-zwer* 'nerve, tendon, vein, root', кабил, *a-zar* 'корень, жила', pl. *i-zur-an*, туарег. ахаггар. *aẓar* ~ *asar* 'fil ou lanière en nerf'), содержащее один из нескольких звонких сибилянтов (отличный от обычного бербер. *z, дающего ахаггар. *h*), при современном состоянии берберологии нельзя однозначно соотнести ни с с.-х. **ʒIr'ʌw-*, ни с с.-х. **/ʒ̂/urrʌH-*, ибо происхождение отдельных берберских сибилянтов пока не выяснено.

Урал. **jūrʌ* 'корень' : фин. *juuri* (основа *juure-*) 'корень', вепс. *juŕ* ~ *ǵüŕ* ~ *düŕ* 'корень', эст. *juur*, ливск. *jūŕ* 'корень', эрз., мокш. *jur* 'корень'. См. SKES 1.126—127, Зайцева — Муллонен 91.

Урал. **s/ä/rʌ* : манс. (тавд.-яничковск.) *tār* 'корень', (ср.-лозьв.) *toår*, (сосьв.) *tār* 'корень', хант. (юган.) *šặr* 'тонкий корень, волокно корня', (тремюган.) *ŝặ̆r* 'волокно корня', (вахов.) *ĺer* 'линия, полоса', (обдорск.) *ler*, (казым.) *ŝɛ̆r* 'волокна корня, веревка из корней', венг. *ér* ~ *ere* 'жила, источник', мар. *šer* ~ *šär* 'жила', удм. *vir-ser* 'кровеносный сосуд' (*vir* 'кровь'). Вариант корня **sor*, возможно, представлен в хант. (ваховск.) *lor* 'корень, корневище'. См. MSzFUE 159, Collinder FUV 77, Терешкин 155.

И.-е. **ser-* 'нить, нанизывать' : др.-инд. *sarat-*, *sarit-* 'нить', греч. εἴρω 'сплетаю, свиваю, нанизываю', ὁρμιά 'леска', лат. *ser-* 'сплетать, связать', *seriēs* 'цепь, ряд', ст.-лит. *sèris* 'нить, дратва', хетт. *šarāi-* (если верен перевод 'ткать', предлагаемый Й. Фридрихом) и пр. См. Pokorny 911, Friedrich 184.

Монг. **sir/bü/-* 'сухожилие, волокно, нить': монг. письм. *sirbüsü(n)* — *sirmüsü(n)* 'нерв, сухожилие, нить, волокно', ср.-

[5] Отражения начального сибилянта в отдельных чадских языках в основном идентичны отражениям обычного чад. *ŝ (из с.-х. *s), как в корнях **ŝm* 'имя', **ŝn* 'зуб' и пр. Отличия в мандара и мусгу могут объясняться неточностями записи. Но остается неясным, отражает ли это *ŝ с.-х. дезаффрикацию, или так может развиваться с.-х. аффриката *ʒ.

монг. (тексты в китайской транскрипции) *śirbusun* 'сухожилие', халха-монг. *шөрвөс*~*шөрмөс* 'нерв, сухожилие, волокно'. С тем же корнем, возможно, связаны монг. письм. *sirkeg* 'волокно, нить', монгор. *šGaG* 'основа ткани' и т. д. См. Haenisch SMG 28, MED 716—718, Ramstedt KW 360 и SKE 233, Smedt—Mostaert 378.

Тунг. **sirä-* 'сухожилие, нить': эвенк. *siräktä*~*širäktä* 'сухожилие, нить', солон. *širittä* 'нить', нан. *sirhä* 'нити, веревка', ульч. *siräktä* 'нити'. См. Василевич 358, Петрова УД 148 и НРС 116.

Кор.: др.-кор. (XI в.) *sir* 'нить', совр. кор. *sil* 'нить'. См. См. KRRK 5, Gale 620, Ramstedt SKE 233.

(?) Тюрк. **jörgä* 'обматывать, обвивать': др.-тюрк. *jörgä* 'обматывать' и т. д. См. ДТС 276, Räsänen VEW 208.

Драв. **čir-* (и **čirʌK-* ?) 'корень, жила': гонди *sīṛ* ~ *śir* 'корень, жила', пенго *čīra* 'корень, жила', куи *sīru* 'корень' (pl. *sīrka*), куви *hīrū* ~ *hīru* 'корень'. См. Burrow—Emeneau № 2162, Burrow — Bhattacharya PL 206.

3. Ностр. **ʒUnE* 'старый': картв. **ʒ̂wen-* 'стариться', с.-х. **sʌn-* 'год', и.-е. **sen(o)-* 'старый', тюрк. **j/ü/n-* 'дряхлый'.

Картв. **ʒ̂wen-*: чан. *mʒ̂wen-* 'старить(ся)', сван. *ʒ̂win-* 'старить(ся)'. См. Климов 238, ср. Чикобава 436.

С.-х. **sʌn-* год: сем. **šana-t-* 'год' (аккад. *šattum*, евр. *šānā*, араб. *sanat-* 'год' и т. д.), егип. *śnf* 'прошлый год' (букв.: 'год тот') и, возможно, *śnhj.t* 'возраст' (сложное слово). Египетский материал, кажется, может прояснить суть семантического развития: 'старость' > 'возраст' > 'год'. С.-х. **s* есть результат обычной с.-х. дезаффрикации аффрикат.

И.-е. **sen(o)-*: др.-инд. *sana-* 'старый', авест. *hana-*, арм. *hin* 'старый', греч. ἕνος 'старый, прошлогодний', лат. *senex* 'старый', др.-ирл. *sen*, др.-валл. *hen* 'старый', гот. *sinista* 'самый старший', лит. *senas* 'старый' и пр. См. Pokorny 908—909.

Тюрк. **jün-* (или **jön-*) 'дряхлый': тув. *čön-ü* 'дряхлеть', *čön-ük* 'дряхлый'. Ср. Räsänen VEW 213.

4. Ностр. **ʒiNʌ* 'ночь, провести ночь': картв. **ʒ̂in-* 'спать', с.-х. **Cʌn-/*sʌn-*, **wʌCʌn-/*wʌsʌn-* 'спать, сон', драв. **čin-tʌ* 'ночь, вечер', монг. **söni* 'ночь', тюрк. **iŋir* 'сумерки' (<**jiN-kir* 'ночи вхождение' ?).

Картв. **ʒ̂in-*; груз. *ʒin-* 'спать, засыпать', чан. *ʒ̂in-* ~ *ʒ̂ir-* 'ложиться, спать' и пр. См. Климов 238.

С.-х. **sʌn-/*Cʌn-* 'сон': сем. **šin(a)-t-* 'сон' (аккад. *šittum* < **šintum*, евр. *šēnā*, арам. *šintā* 'сон'), чад. **Cʌn-* 'сон' (болева *suna* 'спать', джегу *sun* 'сон', главда *xar* 'сон', *xan* 'спать', бачама, зуму *čini* 'спать', бура *suni* 'сон' и т. д.). С.-х. **wʌ-sʌn-/*wʌ-Cʌn-* 'спать' (глагол с медиальным префиксом **wʌ-* ?) находим в сем. **wšn* (араб. *wsn* 'спать', имперфект *-wsan-*, евр. *jšn* 'заснуть, спать', имперфект *-i̯šan*, угарит., ст.-арам. *jšn* 'спать') и в чад. **wʌCʌn-* 'спать' (логоне *wisan*, будума *wusəna*, музгу *wesen*, мусгой *wan*, доай *fečuan*, нгизим *wan* 'спать'). Знаком **C* в чадском обозначаем здесь неизвестную аффрикату или сибилянт, отличный

от отражения с.-х. *s (> логоне ŝ, бура ŝ, главда ŝ и пр.). С.-х. источник этого чад. *C также обозначаем посредством *C (неизвестная аффриката). См. Newman — Ma № 97, Greenberg LA 62, № 68.

Драв. *čin-tʌ 'ночь, вечер': колами čintevelā 'вечер', найки śitte 'вечер', парджи čitta 'ночь'. См. Burrow—Emeneau № 2085.

Монг. *söni 'ночь': монг. письм., ср.-монг. söni 'ночь', халха-монг. шөнө, монгор. soni 'ночь' и пр. См., например, Iwamura 133. Огубленность гласного первого слога непонятна. Возможно, это вторичное отражение губного гласного второго слога.

Тюрк. */j/iŋir 'сумерки': казах., кирг. iŋir 'сумерки, ранний вечер', башк. eŋer 'сумерки', туркм. iŋrik 'сумерки, вечер', хакас. iir 'вечер', тув. imirtin 'сумерки', тофалар. imir 'сумерки, др.-тюрк. (турфанские тексты) iŋir~imir 'предрассветные сумерки, рассвет'. См. ДТС 209, 211, Радлов 1.1432, Рассадин 201. В тюрк. *jiŋir можно усмотреть словосложение из *jiN-kir 'ночи вхождение', где *kir- идентичен глагольному корню kir- 'входить, наступать'. Обычное в тюркских языках значение 'сумерки, вечер', видимо, древнée значения 'предрассветные сумерки'.

5.Ностр. *ʒiNmʌ 'младший член рода того же поколения' (> 'младший брат', 'брат'): картв. *ʒ̂ma- 'брат', с.-х. */ʒ̂/ʌnmʌ 'брат', тюрк. *ini (из *jini) 'младший брат', юкагир. čanm- ~ t́anm- 'старший брат', (?) драв. *čiṉṉ- 'ребенок, маленький'.

Картв. *ʒ̂ma-: груз. ʒma- 'брат', мегрел. ǯima, чан. ǯuma, 'брат', сван. ǯəmil-, ǯimil- 'брат (по отношению к сестре)'. См. Климов 239.

С.-х. */ʒ̂/ʌnmʌ: кушит. */ʒ̂/ʌnmʌ ~ *'ʌ/ʒ̂/ʌnmʌ 'брат' (билин dan, pl. žan, квара zän, pl. zän, кемант zän, хамир zin, бедауйе sān, тамбаро izoa, моча šimo, шинаша šimu 'брат' и пр.), чад. *Cʌn- брат (тубури-кера ŝēn, тубури-фианга sēnem, сомрай sen- 'брат', сокоро šintu 'старший брат', модгель sen-, джегу sin 'брат', фьер-тамбас šono 'брат матери', бачама zino-gi 'мои братья', бана sóna 'брат'; знаком *C обозначаем здесь чадскую аффрикату или сибилянт, отличный от обычного рефлекса с.-х. *s > сем. *š, ибо с.-х. *s дает в бачама l: lin-tu 'зуб' и т. д.), егип. śn 'брат'. К какому-то языку-субстрату семитохамитского или вообще ностратического происхождения восходят угарит. žn 'брат' и хуррит. šena 'брат'. См. Greenberg LA 53, Jungraithmayr RS 388, Aistleitner № 2720, Friedrich 324.

Тюрк. *ini (< *jini?): др.-тюрк. ini 'младший брат', чагатайск. ini, inäk 'младший брат' и т. д. См. Räsänen VEW 173, ДТС 210—211.

Юкагир.: чуван. шонмо (по Матюшкину)~чонмо (по другим записям) 'старший брат', тундр. t́anmie 'старший брат' (-ie — оформитель имени), колым. (по Иохельсону) čanmo 'старший'. См. Крейнович ЮЯ 279, Angere 32, 230, Иохельсон ХРС.

(?) Драв. *čiṉṉ- 'ребенок, маленький': тамил. čiṉṉa 'маленький', каннада čiṇṇa 'a little one, a boy', телугу činna 'маленький', čin-

nadi 'девочка', *činnavādu* 'мальчик', оллари *siṇḍ* 'сын', салур *čiṇḍu* 'сын', брахуи *čunā* 'ребенок' и т. д. См. Burrow—Emeneau № 2135. Если привлечение драв. корня (семантически не вполне надежное) справедливо, оно может указывать на церебральность второго согласного в ностр. **ʒiNmʌ* (**ṅ* в нотации Д, **ñ* в нотации ОС).

6. Ностр. **ʒUrbʌ* 'пить, хлебать': и.-е. **serbh-/*srebh-* 'хлебать, пить', с.-х. **ʒ̂ʌrb-* (или **ç̂ʌrb-*) 'пить', тунг. **s/ü/rb-* 'выдоить', драв. **čuṟ-* 'пить, хлебать, втягивать в себя'; возможно, также монг. **soru-* 'всасывать, тянуть в себя' и тюрк. **jor* 'каша'.

И.-е. **serbh-/*srebh-*: арм. *arbi* 'я пил', греч. ῥοφέω 'глотаю', лат. *sorbeo* 'глотаю', лит. *srebiù* 'глотаю', слав. **serbjǫ* (чеш. *střebati* и пр.). Подробнее см. Pokorny 1001.

С.-х. **ʒ̂ʌrb-* или **ç̂ʌrb-*: сем. **ŝrb* 'пить, втягивать в себя, сосать' (араб. *šrb* 'пить, всасывать', эфиоп. *ŝrb* 'sorbere, imbibere, bibere'). См. Dillmann 240—241.

Тунг. **s/ü/rbʌ*: эвенк. *sirbi-* 'выжать, выдоить' и пр. См. Василевич 357.

Драв. **čuṟ-* 'пить, хлебать, втягивать в себя': телугу *ǯuṟṟu* 'пить, хлебать', тамил. *uṟi-* 'втягивать в себя', каннада *suṟuku* 'шумно пить, шумно втягивать в себя жидкость', курух *surᵘpnā* 'пить, втягивая в себя воздух' и пр. См. Burrow—Emeneau № 2235. Возможно, сюда же относится драв. **čōṟ-* 'вареная еда': тамил. *čōṟu* 'вареный рис', малаялам *čōṟu* 'вареный рис, еда', тода *twi·r* 'вареная еда'. См. Burrow—Emeneau № 2360.

Тюрк.: др.-уйгур. («Кутадгу билиг») *jor* 'каша'. См. Радлов 3.420, Räsänen VEW 207.

Монг. **soru-* 'втягивать в себя (жидкость)': монг. письм. *soru-*, халха-монг. *соро-* 'всасывать, втягивать в себя (жидкость)'. См. Голстунский 2.438, MED 729—730.

7. Ностр. **ʒilwʌ* 'кость ноги': картв. **ʒ̂ʒ̂wal-* 'кость', с.-х. **/ʒ̂/Ilw-* 'кость ноги (конечности)', и.-е. **swol-/*sul-* 'пятка', монг. **silbi* 'кость ноги'.

Картв. **ʒ̂ʒ̂wal-*: др.-груз., груз. *ʒwal-* 'кость', гурийск. (из мегрел.) *ǯiǯgw-* 'костистый', сван. *ǯiǯw-* 'кость'. См. Климов 241.

С.-х. **/ʒ̂/Ilw-* 'кость ноги (конечности)': сем. **ŝilw-* (араб. *šilw-* 'член тела; останки'), кушит.: харуро *sujlēja* 'нога (leg)', чад. **Cʌlʌ* 'кость, (?) берцовая кость': бура *sil*, база *silla*, гамергу *sērā*, мусгу *sil*, макери *selljo* 'кость', афаде *sale* 'кость (берцовая?)'. Сюда же, возможно, тигринья и тигре *säläf* 'бедро' (кушитизмы?). См. Sölken 262, Littmann—Höfner 170, Conti-Rossini CCLH 661, Lane 4.1592—3.

И.-е. **swol-*, **sul-* 'пятка, подошва ноги': лат. *solum* 'подошва ноги; земля, почва', *solea* 'сандалия', др.-ирл. *soilgib* (dat. pl.) 'пяткам', греч. (Гесихий) ὑλία 'пятка' и пр. См. Pokorny 1046.

Монг. **silbi*: монг. письм. *silbi*, халха-монг. *шилэв*, *шилбэ(н)* 'берцовая кость, голень'. См. MED 705, Голстунский 2.495.

8. Ностр. **ʒa/q/LU* 'светить, сверкать': с.-х. **ʒ̂ʌql-* 'дневной свет, светлый, прозрачный', и.-е. **săwel-/*swel-/*sūl-* 'солнце'

(из *sehwel-/*suhl-?), урал. *jeLa- 'сиять', юкагир. jel'oďe 'солнце', тюрк. *jālč- или *jalč- 'светить, сверкать (о солнце, молнии)'.

С.-х. *ʒ̂ʌql- : бербер. *-zʌh₁l- (в нотации Прассе) 'дневной свет': кабил. azal 'chaleur solaire, grand jour, soleil', ташельхит azäl 'дневной свет', туарег. тахаггарт ahel 'день', танеслемт ašəl 'день', таулеммет azəl, ažəl, ašəl, таирт āzəl, āžəl 'день', гуанч. zeloǰ 'солнце'; сем. *ŝḫl : араб. šḫl 'очищать питье, делать питье прозрачным' (имперфект -šaḫl-). См. Prasse 52, Boulifa 33, Wölfel 538—4.

И.-е. *sāwel-/*swel-/*sūl- (с вариантами *sawel-, *sul-?) 'солнце': вед. suvar 'солнце', gen. sūraḥ, греч. крит. ἀϜέλιος 'солнце', гомер. ἠέλιος, лат. sōl 'солнце', лит. saulė 'солнце', ст.-слав. слъньце, гот. sauil 'солнце' и пр. Вариант *swen-/*sun- восходит к *swel-n-, *sul-n- (с показателем косвенных падежей *-n-). См. Walde—Pokorny 2.446, Pokorny 881—2.

Урал. *jeLa- 'сиять, дневной свет': саам. норв. jâlâkâs ~ jælâkâs 'полная безоблачность', jâl'li 'стать ясным и безоблачным (о небе), сверкать (о молнии)', нен. большезем. jææle, лесн. (пур.) jaľa 'день, свет, солнце, светлый', нган. jale 'день', энецк. хатанг. jeδe, баишенск. jere 'день', селькуп. таз. čely, ťely 'день, солнце', камас. ťala 'день', (Кастрен) ǯalo 'светлый'. См. Collinder FUV 17, Erdélyi 234—5.

Юкагир. колым. jel'oďe 'солнце'. См. Крейнович ЮЯ 282, Angere 90.

Тюрк. *jālč/u/- или *jalč/u/- 'светить, сверкать' : др.-тюрк. jašu- 'сиять', jašyq ~ jašuq 'солнце', jašyn 'свет, молния', чув. śiś 'сверкать, leuchten', śiźəm 'молния' и пр. См. ДТС 246, Räsänen VEW 192, Исхаков ОСССТЯ 58, Егоров 214.

Попытка сближения названных уральского и тюркского корней с картв. */h/el- 'светлый' и драв. *el- 'светлый' (Иллич-Свитыч ОС 281—2) вряд ли приемлема, ибо картв. и драв. корни скорее можно возвести к ностр. *helʌ 'светиться' > сем. *hll 'светиться', и.-е. *hel- 'красный' и т. д.

9. Ностр. *ʒUlʿʌ 'отбирать силой, быть сильным': картв. *ʒ̂al-/*ʒ̂el- 'сильный', с.-х. *ç̂lʿ 'быть сильным', и.-е. *sel/w/- 'отбирать силой, овладевать', тюрк. *jul- 'отнимать, захватывать', тунг. *sull- 'вырывать с корнем', драв. *čoli- 'сдирать, грабить'. С.-х. *ç̂lʿ, представленное сем. *ṣ̂lʿ (араб. ḍlʿ 'быть сильным'), испытало вторичную глоттализацию начального согласного под влиянием ларингала. Документацию по другим отражениям корня (картвельским, и.-е., тюрк., тунг., драв.) см. в работах: Марр ГЧЯ 235, Pokorny 899, ДТС 277, Räsänen VEW 210, Василевич 369, Ramstedt KW 115 (о монг. ǯul- 'вырывать', видимо, заимствованном из тюркских), Burrow—Emeneau № 2336. Ср. Иллич-Свитыч МС 364 s. v. 'сильный' *ʒ́ʌlʌ (?), где картвельский корень сближается с с.-х. корнем.

10. Ностр. *ʒULE 'ствол': картв. *ʒ̂el- 'дерево', с.-х. *ʒ̂ʌl- 'ствол, стебель', и.-е. *sel-~*swel- 'бревно, доска', урал. *jülʸä

'ствол дерева', тунг. *_sul_ 'тополь', драв. *_čuḷḷ-_ 'стебель, прут' и, может быть, еще монг. *_süldesün_ 'ствол, стебель' (откуда 'бамбук'). С.-х. *_ẑʌl-_ представлено берберским *_-zl-_ (туарег. тахаггарт _tahlé_ 'тростник со съедобной подземной частью стебля, съедобная часть стебля тростника'), егип. _š'_ 'дерево' (см. Foucauld 2.580—2, Erman—Grapow 4.400). Тунг. *_sul_ представлено эвенк. (верхне-алдано-зейским) _sul_ 'тополь'. Документацию по другим языкам см. Климов 237, Чубинашвили 1614—5, Pokorny 898—9, Collinder FUV 84, MED 743, Burrow—Emeneau № 2230.

11. Ностр. *_w/i/rʒʌ_ 'детеныш (травоядного млекопитающего)': картв. *_werẑ-_ 'баран', с.-х. *_wʌrẑ-_ 'детеныш, молодое животное', и.-е. *_wersē-/-i-_ 'теленок, кабан', тюрк. *_byŕayu_ ~ *_buŕayu_ 'теленок' (из тюркского слова происходит и монг. письм. _burayu_ 'теленок'). С.-х. *_wʌrẑ-_ представлено в егип. _w'ḏ_ 'сын, отпрыск', в кушит. (видимо, *_wʌrʌ/z/-_ или *_wʌrʌ/ʒ/-_ 'быть юным'[6], откуда заимствовано эфиоп. _wärzäwä_ 'adolescere, juvenescere, adolescentem vel juvenem esse vel se praebere', часто применяемое к животным: _wärēzā hajäl_ 'молодой олень' — см. Dillmann 900—1), в сем. *_rŝ'_ (араб. _rš'_ 'отелиться' — о газели, _raša'-_ 'детеныш газели', _'aršā'-_ 'детеныши газели, молодые газели'). В тюркском *_byŕayu_ ~ *_buŕayu_ срединное *_-ŕ-_ — из *_-rj-_ < *_-rʒ-_. Подробнее материал по языкам см. Климов 84, Pokorny 81, Räsänen VEW 74—5, ДТС 130, MNTESz 1. 345 (s. v. _borjú_ 'теленок').

§ 3. Для фонологического осмысления и фонетической интерпретации установленных звукосоответствий существенно важно рассмотреть их на фоне всей фонологической системы языка.

Начнем с сибилянтов. В работах В. М. Иллич-Свитыча установлены три разных ряда соответствий, которые он обозначил символами *_s_, *_ś_, *_š_. Это троичное противопоставление в большинстве языков-потомков упростилось (свелось к двоичному или вовсе исчезло). Сохраняется троичное противопоставление лишь в уральском и в картвельском. В уральском находим фонемы *_ś_ (судя по отражениям в современных языках, это был палатальный сибилянт), *_s_ (видимо, свистящий сибилянт) и *_š_ (шипящий). В картвельском присутствуют фонемы *_s_ (свистящий), *s_1 (сибилянт неизвестной артикуляции; судя по некоторым признакам, это мог быть латеральный[7]; эту фонему будем обозначать знаком *_ŝ_) и *_š_ (шипящий).

Поскольку между уральской и картвельской системами есть существенное различие (урал. *_ś_ генетически соответствует картвельскому *_s_, а уральское *_s_ — картвельскому *_ŝ_), следует выяснить, какая из этих двух систем ближе к исходному состоянию. Для этого проанализируем судьбу признака палатальности соглас-

---

[6] Инлаутное отражение с.-х. *_ẑ_ в кушитском пока не изучено.

[7] На латеральный характер *s_1 указывает его сванское отражение _l_, а также судьба сем. латерального *_ŝ_ в картвельском: сем. *_'aŝr-_ 'десять' > картв. *_as₁(r)_ 'сто' (см. Климов ЗЧ 304—310) и, возможно, сем. *_'aŝrat-_ 'десять', картв. *$a(s_1)t$- 'десять'.

ных (палатального ряда) в уральском и картвельском консонантизме.

Как известно, ностр. *ń сохраняется в уральском в виде *ń, в картвельском же дает непалатальное *n. Ностр. *ĺ также сохраняет палатальность в уральском (*ĺ), но утрачивает ее в картвельском (*l/r). Если фонема, дающая урал. *ń и картв. *n, есть ностр. *ń, то естественно считать, что фонема, дающая урал. *ś и картв. *s, есть ностр. *ś.

Наоборот, непалатальный характер (и нотацию *s) естественно связывать с той фонемой, которая в уральском дает *s (в картвельском же *ŝ).

По этим соображениям ностратическую фонему, обозначаемую у В. М. Иллич-Свитыча как *s, будем записывать как *ś, а *ś в нотации В. М. Иллич-Свитыча — как *s.

§ 4. Перейдем теперь к аффрикатам. Уральская система аффрикат не может быть архаичной, ибо она утратила троичное противопоставление рядов: в уральском есть лишь *ć и *č, но нет *c. В картвельском же троичность противопоставления рядов сохраняется. При этом наблюдается полный параллелизм между сибилянтами и аффрикатами:

	Сибилянты	*Аффрикаты*		
Свистящие	*s	*c̣	*c	*ʒ
Латеральные	*ŝ	*ĉ̣	*ĉ	*ʒ̂
Шипящие	*š	*č̣	*č	*ǯ.

Этот полный параллелизм позволяет перенести выводы, касающиеся происхождения картвельских сибилянтов, mutatis mutandis и на картвельские аффрикаты. Подобно тому, как свистящий сибилянт *s восходит к ностр. сибилянту *ś, картвельские свистящие аффрикаты должны восходить к ностратическим палатальным аффрикатам: картв. *c̣ < *ć̣, картв. *c < *ć, картв. *ʒ < *ʒ́. И если картв. *ŝ — из ностр. *s, то и картвельские латеральные аффрикаты естественно возводить к ностратическим свистящим аффрикатам (*c̣, *c, *ʒ). А поскольку (как можно видеть из § 1), общесемитохамитская система аффрикат практически тождественна картвельской (при однозначном генетическом соответствии исходных фонем), высказанные предположения распространяются и на семитохамитские аффрикаты. Исходя из этих соображений, ностратические аффрикаты, отражающиеся в картвельском и семитохамитском в виде свистящих аффрикат, будем рассматривать в качестве палатальных и обозначать как *ć̣, *ć и *ʒ́. Аффрикаты же, дающие картвельские и семитохамитские латеральные, будем рассматривать в качестве свистящих аффрикат (*c̣, *c, *ʒ). Иными словами, предполагается, что в картвельском и семитохамитском языках, утративших дифференциальный признак палатальности, все ностратические палатальные (кроме *j), т. е. *ń,

*ĺ, *ŕ, *ś, *ḉ, *ć, *ʒ́, депалатализовались. Это изменение повело в картвельском и семитохамитском к другому изменению: стремление к сохранению расстояния (фонологического противопоставления) вызвало передвижение исконных свистящих в латеральные. В картвельском этот процесс охватил сибилянт и аффрикаты, в семитохамитском же — только аффрикаты (сибилянты разных мест образования в семитохамитском совпали).

§ 5. Развитие ностратических аффрикат в уральском можно себе представить в виде серии последовательных изменений:

1) дезаффрикация палатальных аффрикат (*ḉ > *ś; *ć > *ś; *ʒ́ > *ź) с утратой противопоставления *ć (*ḉ) и *ś,

2) заполнение пустой клетки системы, возникшей после исчезновения *ć и *ʒ́, за счет палатализации исконных *c (*ç), *ʒ: *c > *ć, *ç > *ć, *ʒ > *ʒ́,

3) слияние *ʒ́ с артикуляторно и акустически близким к нему звуком *j (утрата противопоставления между этими фонемами),

4) депалатализация *ź с образованием звонкого коррелята к *s (что оказалось возможно ввиду отсутствия фонологического противопоставления палатального и непалатального звонких сибилянтов),

5) оглушение всех звонких шумных, в т. ч. *z (который перешел в *s).

Принятые сокращения

Василевич — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, М., 1958.

Голстунский — К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь. Т. 1—3. Л., 1938.

Долгопольский СФКЯ — А. Б. Долгопольский. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М., 1973.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Егоров — В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Зайцева—Муллонен — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Захаров — И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Иллич-Свитыч МС — В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к словарю ностратических языков. «Этимология. 1965».

Иллич-Свитыч ОС — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Введение, сравнительный словарь (b—Ḳ). М., 1971.

Иохельсон ХРС — В. И. Иохельсон. Хангайско-русский словарь. Рукопись (в карточках). Архив востоковедов. Ин-т востоковедения АН СССР (Ленинград).

Исхаков ОСССТЯ — Ф. Г. Исхаков. Опыт сравнительного словаря современных тюркских языков. «Исследования и материалы по сравнительной грамматике тюркских языков», т. 4. М., 1962.

Климов — Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.

Климов ЗЧ — Г. А. Климов. Заимствованные числительные в общекартвельском. «Этимология. 1965».

Крейнович ЮЯ	Е. А. Крейнович. Юкагирский язык. М.—Л., 1958.
Марр ГЧЯ	Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910.
МХТТТ	Монгол хэлний товч тойльбар толь. Улаанбаатар, 1966.
Петрова НРС	Т. И. Петрова. Нанайско-русский словарь. Л., 1960.
Петрова УД	Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936.
Поппе МСМА	Н. Н. Поппе. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1—2. М.—Л., 1938.
Радлов	В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1—4. СПб., 1899—1911.
Терешкин	Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. М.—Л., 1961.
Тодаева БЯ	Б. Х. Тодаева. Баоаньский язык. М., 1964.
Ҷикобава	A. Čikobavą. Çanur-megrul-kartuli šedarebiti leksiḳoni. Ṭpilisi, 1938.
Чубинашвили	D. Čubinašvili. Kartul-rusuli leksiḳoni. (Д. Чубинов. Грузинско-русский словарь). СПб., 1887.
Aistleitner	J. Aistleitner. Wörterbuch der ugaritischen Sprache. Berlin, 1963.
Angere	J. Angere. Jukagirisch-deutsches Wörterbuch. Stockholm—Wiesbaden, 1957.
Beguinot	F. Beguinot. Il berbero Nefûsi di Fassâṭo. Roma, 1931.
Boulifa	S. A. Boulifa. Lexique kabyle-français. Alger, 1913.
Brockelmann LS	C. Brockelmann. Lexicon Syriacum. Hallis, 1928.
Burrow-Bhattacharya PL	T. Burrow, S. Bhattacharya. The Pengo language. Oxford, 1970.
Burrow—Emeneau	T. Burrow, M. B. Emeneau, A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1960.
Collinder FUV	B. Collinder. Fenno-Ugric vocabulary. Uppsala, 1955.
Conti-Rossini CCLH	C. Conti-Rossini. Contributi alla conoscenza della lingua haruro. «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei», ser. 6, v. 12, 1936, стр. 621—679.
Dillmann	A. Dillmann. Lexicon linguae Aethiopicae. New York, 1955.
Erdélyi	I. Erdélyi. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest, 1969.
Erman—Grapow	A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 1—6. Berlin, 1957.
Foucauld	Ch. Foucauld. Dictionnaire touareg-français. Dialecte de l'Ahaggar. T. 1—4. Paris, 1951—1952.
Friedrich	J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952.
Gale	E. Gale. Korean-English dictionary. Yokohama, 1907.
Gesenius—Buhl	W. Gesenius. Hebräisches und aramäisches Wörterbuch über das Alte Testament, bearb. von F. Buhl. 18. Aufl. Berlin, 1954.
Greenberg LA	J. Greenberg. The languages of Africa. The Hague, 1966.
Haenisch SMG	E. Haenisch. Sino-mongolische Glossare. Berlin, 1956.
Haenisch WMNT	E. Haenisch. Wörterbuch zu Mangḥol un Niuca Tobca'an. Wiesbaden, 1962.

Hattori LV — Sh. H a t t o r i. The length of vowels in Proto-Mongol. «Олон улсын монгол хэл бигчийн эрдэмтний анхдугаар их хурал», 2-р дэвтэр. Улаанбаатар, 1961.

Iwamura — Sh. I w a m u r a. The Zirni manuscript. A Persian-Mongolian glossary and grammar. Kyoto, 1961.

Jungraithmayr RS — H. J u n g r a i t h m a y r. Die Ron-Sprachen. Glückstadt, 1970.

KRRK — Кэйрин-руидзи рэйгэн-кō. Маёма Кёсаку (изд.). Токио, 1927 (=«Тōē бунко ронсю», № 3), стр. 1—6.

Lane — E. L a n e. Arabic-English dictionary. Book 1, pt. 1—8. L.—Edinburgh, 1863—1893.

Lehtisalo JSW — T. L e h t i s a l o. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956.

Littmann—Höfner — E. L i t t m a n n, M. H ö f n e r. Wörterbuch der Tigrē-Sprache. Wiesbaden, 1962.

MED — F. L e s s i n g. (ed.). Mongolian-English dictrionary. Berkeley—Los Angeles, 1960.

MNTESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. K. 1—2. Budapest, 1967—1970.

MSzFUE — A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár. K. 1—2. Budapest, 1967—1971.

Newman—Ma — P. N e w m a n, R. M a. Comparative Chadic: phonology and morphology. «Journal of West African Languages», v. 5, 1966, стр. 218—251.

Prasse — K.-G. P r a s s e. A propos de l'origine de H touareg (tahaggart). København, 1969.

Ramstedt KW — G. J. R a m s t e d t. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Ramstedt SKE — G. J. R a m s t e d t. Studies in Korean etymology. Helsinki, 1949.

Räsänen VEW — M. R ä s ä n e n. Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen. Helsinki, 1969.

SKES — Y. T o i v o n e n, E. I t k o n e n, A. J o k i. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—IV. Helsinki, 1955—1969.

Smedt—Mostaert — A. De S m e d t, A. M o s t a e r t. Le dialecte monguor parlé par des mongols du Kansou occidental. 3e partie. Pei-p'ing, 1933.

Sölken — H. S ö l k e n. Seetzens Áffadéh. Ein Beitrag zur Kotoko-Dokumentation. Berlin, 1967.

Wölfel — D. W ö l f e l. Monumenta linguae Canariae. Graz, 1965.

Э. Хэмп

ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЕ О СЛОВЕ *VYMĘ

Нижеследующие замечания являются добавлением к моей недавно вышедшей работе о слове *vymę [1]. В этой работе, написанной в 1967 году, есть несколько общих положений, связанных с моей статьей о лат. *ūber* (Glotta, 48, 1970, стр. 141—5).

В связи с моим утверждением, что лит. *tešmuõ* прямо продолжает **ūdh(e)r-*, о других случаях такого же сложного изменения, достаточно часто встречающегося в истории языка, см. мою работу о кельт. *dubro-* 'вода' [2] и о лит. *nasraĩ* [3].

Существует серьезное основание с точки зрения лингвистической географии, чтобы считать др.-исл. *júgr*, др.-фризск. *jāder*, др.-сакс. *geder* и т. д. вторичной инновацией. Как я уже говорил [4], мог существовать местный североевропейский глагольный корень **eudh-* 'набухать'. В работе, продолжением которой являются эти замечания, мы проследили очевидные балто-славянские следы этого корня. Даже если прав Р. Якобсон, объединяя *udit'* с *ud* 'член', это не влияет на нашу аргументацию, так как *ud* лучше всего рассматривать как различные именные образования от одного и того же глагольного корня.

Некоторые детали морфологии: о ὄαρ и οὖθαρ см. мои соображения относительно конечного слога [5], о *ūber* (прил.) и *ūber* (сущ.) см. мои замечания в указанной работе [6].

Каково бы ни было происхождение *udit'* или *ud*, совершенно очевидно, что в балто-славянском мы имеем новое имя, точно замещающее, а в каком-то смысле продолжающее **oūdhr-/ūdhn-*. Соответственно следовало бы исправить статью в словаре Покорного [7]. Единственно правильным прямым фонетическим продолжением индоевропейского этимона является санскр. *ū́dhar ūdhnás*, греч. οὖθαρ, οὔθατος, лат. *ūber*, *ūberis*, др.-сакс., др.-англ. *ūder*, лит. *ūdrúo-ju*. Первоначально было гетероклитическое чередование *r/n-*. Балто-славянские формы со своей стороны являются прямым лексическим продолжением.

Перевела с английского *В. А. Меркулова*

---

[1] Э. Хэмп. Miscellanea. 1. Слав. *vymę. — «Этимология 1970». М., 1972.

[2] E. Hamp. The story of a lexeme. «Studies for George L. Trager». The Hague, 1972.

[3] E. Hamp. Occam's razor and explanation in etymology. — «Papers from the 8th. Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society», 1972.

[4] E. Hamp. — Glotta. 48, 1970, стр. 144.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Pokorny, стр. 347.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

F. Sławski.
Słownik etymologiczny języka polskiego.
T. IV, zesz. 2(17): *legartować — li*. Kraków, 1971

Рецензируемый выпуск польского этимологического словаря Ф. Славского продолжает том IV и букву L. Интересно наблюдать над тем, как в этом выпуске (а также в предшествующих ему) возрастает роль праславянской реконструкции, как постепенно выдвигается на передний план в этом этимологическом словаре отдельного славянского языка проблема тесной связи лексического состава живого славянского языка и праславянского лексического состава. Можно даже сказать, что фактически это главная теоретическая проблема, над которой автор словаря работает по преимуществу, судя по направленности новейших выпусков труда. Не случайно поэтому почти все нижеследующие наши замечания касаются вопросов праславянского прошлого польских слов.

Критических замечаний по этой части у нас совсем немного. Так, например, прямое соотнесение по типу образования польск. стар *legły* 'лежащий, положенный, поваленный' и *krągły*, проводимое Славским на стр. 117, спорно, потому что в отличие от праслав. **leg-lъ* — прилагательного с суффиксом *-lъ*, производного от **legti*, праславянское **krǫg-lъ*, к которому восходит *krągły*, произведено от имени, о чем свидетельствует и его именной вокализм (**krǫgъ* : **krǫglъ*). Для польск. диал. *lemiąż*, мн. *lemiąże* 'жерди, крепящие соломенную кровлю' автор восстанавливает праслав. **lěmęgъ*, сближаемое далее с родственным лит. *liemuõ*, род. п. ед. ч. *liemeñs* 'ствол, столб; стан, туловище' (стр. 144; автор опускает часть значений литовского слова). Он полагает, что **lěmę/-ene*, от которого было произведено с суффиксом *-gъ* **lěmęgъ*, не сохранилось в славянском. Но ср., во-первых, русское диалектное слово *лúма* ж. р. 'толстое брюхо, пузище' (Даль II, стр. 252: вологодское, бранное), которое мы вправе, несмотря на сомнения Даля, помещающего слово со знаком вопроса, связать через посредство формы **lě-ma* (*ě* > *i* в северновеликорусских говорах) с праславянской основой на согласный **lěmen-* (тип отношений конца основ при этом тот же, что и у слав. **zima*: и.-е. **ĝheịmōn-*). Во-вторых, одно из продолжений праслав. **lěmę*/**lěmene*, сохранившееся опять-таки в русских говорах, можно выделить в диал. (череповецк.) *лемена́* 'лишайные пятна на теле' [1].

Для польск. *leszcz* 'лещ' и других родственных славянских Славский допускает праславянскую форму **leščь* < **dleščь* < *kleščь* (стр. 172—173; как полагают, рыба названа так от плеска, производимого ею при сезонном трении). Действительно, засвидетельствованы формы как с началом *dl-* (чеш.), так и с началом *kl-* (ст.-польск., словин., чеш. диал. и н.-луж.), но известные в науке факты о соотношении групп согласных *tl*/*dl* и *kl* в сравнительно-историческом плане (слав.: балт.), а также в плане лингвогеографическом (спорадическое распространение в диалектах всех славянских языков доказуемых фактов эволюции *kl* < *tl*, *gl* < *dl*) показывают типологическое вероятие

[1] См. об этом последнем слове, пропущенном в словаре М. Фасмера, подробно в последнее время: В. А. Меркулова. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 200.

направления фонетической эволюции *kl* < *tl*, а не наоборот, как принимает Славский для названия леща.

Нужно с одобрением отметить, что внимание автора все более привлекают словообразовательно развитые модели праславянской лексики. Именно здесь сосредоточено большинство его полезных и оригинальных наблюдений. Славский сумел выявить в настоящем выпуске своего словаря много новых изоглосс, по-видимому, праславянского времени, связывающих польские слова с различными другими славянскими диалектами и интересных своим ареалом, словообразованием, морфологией и семантикой. Напр., стр. 137: польск. диал. *lelawy* 'свободно висящий, распущенный, незастегнутый' — сербохорват. *lelìjav* 'волнующийся, колеблющийся' — н.-луж. *lelawa* — в.-луж. *lělawa* 'лентяйка'. На базе этих соответствий Славский реконструирует праслав. **lelějavъ*, производное от **lelějati* 'волноваться, качаться'. На стр. 161 он устанавливает изоглоссу между ст.-польск. *lepik* 'раст. Galium boreale', чеш. *lepík* 'раст. Asperugo procumbens, Viburnum lantana', в.-луж. *lěpik* 'растительный клей', болг. диал. *лепи́к* 'коровий помет, идущий на топливо'. Изоглоссой праслав. **lěpjen-ъka* (прич. страд. прош. **lěpjenъ* от глагола **lěpiti*) охватываются, помимо польск. *lepianka* 'глиняная хата-мазанка', еще ряд слов с близкими или отклоняющимися значениями в чешском, словацком, верхнелужицком, украинском, белорусском, сербохорватском, болгарском, македонском. Тонкую ареальную, словообразовательно-морфологическую и семантическую характеристику получают праформы **lěpъkъ* и **lipъkъ*, продолжения которых сложно переплетаются затем в отдельных языках (см. стр. 167, s. v. *lepki*). Что очень важно, — тщательно прослеживается распространение и ставится вопрос о праславянской древности словообразовательно вторичных производных, как, напр., **lěvica*, суффиксальная субстантивация прилагательного **lěvъ*: польск. *lewica* 'левая рука', ср. близкие слова с тем же основным значением практически во всех славянских языках (стр. 189).

О. Н. Трубачев

K. Polański.
Słownik etymologiczny języka
Drzewian połabskich. Zesz. 2:
D'üzd — L'otü. Wrocław — Warszawa — Kraków —
Gdańsk, 1971, стр. 143—346

После почти десятилетнего перерыва вышел очередной — 2-й выпуск полабского этимологического словаря, подготовленный исключительно К. Полянским *. Из устной информации самого составителя нам известно, что вскоре увидят свет также последующие выпуски и что словарь в целом уже недалек от своего завершения.

Публикация этимологического словаря — всегда событие в историческом языкознании и этимологии, даже если речь идет о таких скромных по объему и лексически относительно небогатых остатках языка, как «polabische Sprachreste». Для совокупной картины всего древнего славянского словарного состава отнюдь не безразлично, как обработаны и прокомментированы упомянутые реликты, специфическая трудность которых заключается в необходимости весьма своеобразного комплексного подхода и анализа силами филоло-

---

* Возникшую досадную задержку с публикацией рецензируемого словаря автор в какой-то мере компенсировал, выпустив совместно с Дж. Сенертом полезный «Полабско-английский словарь» (1967), хорошо принятый, в частности, нашей критикой.

гии, текстологии, фонологии и этимологии (об этой специфике работы над полабским этимологическим словарем мы уже писали в своей рецензии на выпуск 1-й ныне рецензируемого словаря в томе «Этимология. 1964» (М., 1965, стр. 352).

Читая новый выпуск, мы находим здесь те же принципы, которые были отмечены в свое время для предыдущего выпуска, что освобождает нас здесь от необходимости давать общую характеристику новой части труда. Словарь дает нам хорошее критическое представление о составе и генезисе полабской лексики во всей ее сложности. Всюду, где это требуется, привлечены прочие славянские параллели, указаны многочисленные неясные моменты, немецкие элементы и исконные образования.

Как всегда, при чтении работ по этимологии и реконструкции отдельные случаи авторской трактовки вызывают возражения. Например, нам кажется избыточной реконструкция праславянской местоименной формы **gǫsьjaja*, **gǫsьjeje* для притяжательного прилагательного полаб. *gǫ́sə* 'гусиная', польск. *gęsia* и т. д. (стр. 176). Здесь должно быть **gǫsьja*. Сомнительна реконструкция **grušy* на стр. 180; следовало дать **gruši*, даже если иметь в виду предположения об отражении тут старой основы на *-ū-* женского рода (ср. форму **grušьvy*, рядом), поскольку после мягкого *š ū* > *y* > *i* в праславянском.

Серьезных этимологических расхождений у нас с автором как будто не обнаруживается, если не считать, пожалуй, одного места (стр. 320), где Полянский признает этимологически неясным полабское слово *lekənai̯ćə* ж.р. 'ястреб, коршун'. Наше этимологическое толкование этого слова вышло в свет практически одновременно со словарем (см. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 61), и Полянский, естественно, не мог его использовать, удовольствовавшись явно неудовлетворительным сближением с незасвидетельствованным глаголом **lekət*. Пользуемся случаем, чтобы сказать, что нам по-прежнему кажется более убедительным видеть в *lekənai̯ćə/lekănaićă* разрушенное сложение полаб. **paile-kănai̯ćă* < **pile-kanica*, собственно — 'коршун-цыплятник', ср. и немецкие его эквиваленты *Kücken Weihe*, *Hüner-Geyer* и т. п. Здесь, наверное, представлена, как и во многих других полабских образованиях, семантическая калька с немецкого слова, возникшая только в этом славянском языке.

О. Н. Трубачев

Български етимологичен речник.
Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.
Свезка VIII: *журжукалец — зярвам*. София, 1971.

Значительная часть рецензируемого выпуска содержит слова на букву З—до конца (стр. 561—672), одновременно являясь окончанием I-го тома нового «Болгарского этимологического словаря» (А—З), выходящего под редакцией В. Георгиева. Далее здесь опубликован список исправлений и дополнений (стр. 673—679), учитывающий также в ряде случаев замечания рецензентов по предыдущим выпускам. Существенно отметить, наконец, публикацию в настоящем выпуске обновленных вступительных разделов ко всему тому I-му — предисловия и особенно внушительной библиографии (стр. XII—XCV).

Достоинства этого словаря характеризовались нами в рецензиях на выпуски I—VII. Выпуск VIII также заключает в себе немало свежего лексического материала из болгарских народных диалектов. Приведем такой красноречивый пример, как болг. диал. *за́мет* 'ум' < **за-мѧть*, ср. ст.-слав. па-мѧть, болг. *па́-мет* 'память', чеш. *zamíniti si* 'подумать, задуматься' (стр. 598). Ограниченное территориально по сравнению с общеславянским **pamętь*, болгарское слово *за́мет* тем не менее представляет собой заметный архаизм

славянского словаря. Положительной стороной нового выпуска представляется обстоятельная, раздельная трактовка в виде самостоятельных статей многочисленных болгарских слов с приставкой *за-*. Ценность этих материалов бесспорна, многое слабо известно в науке или публикуется впервые. Интересны отдельные примеры учета параллелей из других славянских языков, ср. болг. диал. *зáвод* 'обычай' и родственные на стр. 576 (вслед за Р. Бернаром). Но ясно также и то, что это только начало большой нужной работы в данном направлении.

Как и в предшествующих выпусках, по-прежнему неоспоримы заслуги этого словаря в деле выявления утраченной и утрачиваемой болгарской лексики, обычно с помощью ономастики, см. статьи **злев*, *Злóгош* (стр. 646).

Вместе с тем полнота инославянских параллелей и их точность подчас бывают недостаточны. Так, в статье о диалектном слове *завогям* 'терять голос от плача, терять сознание' (стр. 576) недостаточно объяснения из *за-ходям* на болгарской почве. Настоящая древность упомянутого *завогям*, а также диал. *захóдям се*, *захóдя се* 'падать в обморок' и их значений становится для нас очевидной только после того, как мы сравним их с русск. просторечн. *захóдиться* (от плача), которое ближе, чем русск. *сойти с ума*, привлекаемое для сравнения с *заходям* (стр. 617). Точно так же составители словаря, ограничившись указанием на то, что болг. диал. *закипéтя се* 'стараться силиться' произведено от *кипя́* 'кипеть' (стр. 590), прошли мимо того небезынтересного факта, что перед нами производное от старой причастной основы **kypęt-*, сопоставимое в первую очередь с русским *кипятúть*, *закипятúть*.

К сожалению, этимологизация в рассматриваемом новом выпуске словаря далеко не всегда удовлетворительна, о чем свидетельствуют приводимые ниже критические замечания. Основные наши возражения вызывает (помимо уже упомянутой неполноты инославянских соответствий), недостаточная или неверная семантическая мотивация этимологии, спорность реконструируемых праформ. Так, трудно поверить в предлагаемое на стр. 571 сближение болг. диал. *забрýндям се* 'краснеть (от усталости, от стыда)', *забрундя́вам се* 'хорошеть, делаться красивее, полнеть' и сербохорв. *брŷнда* 'бронза'. Диалектное слово *заглóска* 'деревянный клин, гвоздь' объясняется из **заглобка* (стр. 582; при этом остается неясным *-с-*, как признают авторы), тогда как здесь кажется более вероятным происхождение из **загвоздка*. На той же странице, далее, диал. (Прилеп) *загóлнувам*, *зáголнам* (обычно в выражении *да зáголнам душа* 'заморить червячка') почему-то толкуется в связи с *гол* 'голый', хотя здесь можно видеть только первоначальное **заголтн-* из *заглът-н-* 'заглотить, проглотить', 'начать глотать', ср. фонетику и словообразование макед. *заголта* 'начать глотать', наряду с макед. *заголне* в обороте *заголне душа* с тем же значением 'заморить червячка'. Болг. диал. *запáтвам*, *запáтя* 'заводить, разводить (животных)' с неоправданной, на наш взгляд, уверенностью производится от *пáте* 'утенок' (стр. 601), что, конечно, неверно; объясняя этот глагол, необходимо в первую очередь вспомнить о другом болгарском (и южнославянском) глаголе *пáтя* 'терпеть, переносить' и о классическом родстве значений 'мучение, труд' ∼ 'нажива, приобретение'. Что побудило авторов этимологизировать диал. *зáслен* 'железная тренога — подпорка для поленьев в очаге' как **за-съл-ен* от *сълати* 'слать'? Ведь кроме возможных старых инославянских данных вроде русск. *заслон*, *заслонка* из области терминологии печи, очага, о единственной правдоподобной реконструкции **за-слон*: **za-sloniti* свидетельствует помещенное на той же стр. 610 болг. диал. *зáслон* в значении 'раскаленные камни, которые кладут перед печью для поддержания тепла, пока печется хлеб'. Болг. диал. *зóница* 'лесная земляника', *зонúца* 'земляника' объясняется в словаре от **звона*, **звоница* якобы в связи с колоколообразной формой самой ягоды (стр. 653; то же самое см. на стр. 658 о слове *зýна* 'земляника'), что опять-таки ошибочно, а единственно правильная этимология будет ясна каждому, кто вспомнит о продолжениях праславянского **sǫ-nica/*sǫ-nika* 'низкорослая ягода, земляника' в русск. диал. *сунúца*, *сунúка*, укр. *сунúця*, блр. *сунíца*,

ст.-польск. *suniсa*, полаб. *saunéitsa* 'земляника' и т. д., в том числе — в болг. *суни́ца*, наряду с диал. *зу́ница* в том же значении. Необычное начало слова *з*- есть, видимо, болгарское диалектное явление, стоящее в одном ряду со случаями вроде *зу́пя се* : *су́пя се*, *зуре́пав* : *суреп*, *свиреп*.

О. Н. Трубачев

Е. В. Опельбаум.
Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев, 1971.

Книга Е. В. Опельбаума «Восточнославянские лексические элементы в немецком языке» посвящена теме, до сих пор не получившей должного освещения в литературе: вопросу о лексическом воздействии восточнославянских языков на немецкий язык в письменной период его развития. Опираясь на исторический факт длительных и многообразных контактов русского и немецкого языков, автор не ограничивается материалами словарей, а проводит самостоятельную эксцерпцию материала из исторических памятников: ганзейских документов XIII—XVII вв., путешествий, описаний XIV—XVII вв. и т. д. Извлечения носят исчерпывающий характер, всего автором рассматривается 364 лексемы (подробно описаны 277). Причем, исследуются слова, вошедшие не только в немецкий литературный язык, но и в территориальные диалекты, профессиональные и социальные жаргоны.

Основная часть книги представляет собою словарь, где лексический материал расположен в алфавитном порядке. В словарной статье приводится слово с указанием вариантов, толкование на немецком языке, историческая документация и историко-этимологическая справка. В заключительной части книги автор распределяет материал по хронологическим пластам, тематическим группам и по сферам его бытования в немецком языке. Приятно, что выводы автора отличаются осторожностью и объективностью.

Для читателя-слависта особый интерес представляет уточнение датировки целого ряда заимствований. Так, например, слово *безмен* зафиксировано в немецких документах 1203—1209 гг., в то время как в словарях оно датируется 1396 годом. Не меньший интерес представляет сохранение в немецких документах старых древнерусских терминов. Ср. новгородский термин *шевница* 'мех, сшитый из отдельных беличьих шкурок' (ганзейские документы XIII—XV вв.).

Толчком для дальнейших этимологических исследований, несомненно, послужат статьи автора, посвященные словам *соболь* и *стерлядь*. Опираясь на лингвистические и исторические данные, автор отрицает возможность заимствования слова *стерлядь* из нововерхненемецкого, а настаивает на австрийском первоисточнике или же на контаминации. В статье о слове *соболь* автор утверждает, что слово происходит из восточных языков. Любопытно, что слово *Steppe* 'степь', отмеченное в немецких документах с 1660 года, встречается уже у Шекспира (см. дополнения О. Н. Трубачева к русскому переводу «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, т. III, стр. 756).

В. А. Меркулова

В. М. Иллич-Свитыч.
Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский).
Введение. Сравнительный словарь (b — Ḳ). М., 1971, 369 стр.

Основным отличием книги В. М. Иллич-Свитыча от других (ранее предпринимавшихся или одновременных с его трудом) опытов внешнего сравнения больших языковых семей Старого Света является исключительная строгость метода, сказавшаяся в тщательности отбора материала (все возможные сомнения и неясности, связанные, в частности, с дескриптивным характером слов или с их изолированным положением внутри одной данной семьи, внимательно отмечены самим автором), глубокой продуманности систем фонологических соответствий и наблюдаемых семантических переходов (для которых в словаре часто указываются параллели из таких хорошо изученных языков, как славянские), полноте предварительной обработки данных внутри каждой из сравниваемых семей. Из разговоров с покойным автором словаря мне известно, что и ограничение самим кругом шести семей определялось теми же требованиями строгости: В. М. Иллич-Свитыч не исключал того, что и некоторые другие языки (как хурритский и урартский, о чем думал еще Педерсен) могут относиться к ностратическим, но он считал необходимым прежде всего строго обосновать ностратическую гипотезу на материале наиболее надежных этимологий в пределах тех 6 семей, сравнительно-исторические грамматики которых достаточно разработаны. Степень его проникновения в детали этих отдельных сравнительных грамматик такова, что специалисты по каждой из них найдут для себя много нового в отдельных статьях словаря.

Труд В. М. Иллич-Свитыча демонстрирует объяснительную силу ностратической теории, показывая, какое количество фактов, оставшихся загадочными в пределах одной данной семьи, разъясняется в ностратической перспективе. Так, оставаясь в рамках индоевропейских сопоставлений, нельзя было бы дать этимологии таких слов, как, например, греч. *θάλασσα* и его македонского соответствия (стр. 216), лит. *dìdžias* (стр. 219), *angà* (стр. 245), лтш. (из куршского), *diñgt* (стр. 223), слав. *da* (стр. 215) и т. п. Особенного внимания заслуживают те случаи, где в свете ностратических параллелей по-новому освещается семантическая история внутри давно уже известной группы словарных соответствий. Едва ли не самым ярким примером может быть слав. *berǫ*, значение которого ('брать') оказывается архаизмом, а не инновацией (стр. 176). Несомненным архаизмом с ностратической точки зрения являются и значения слав. *jar-*, соответствующие значениям 'весна, молодые растения, молодой' в других ностратических языках при вторичном значении 'год' во многих других индоевропейских (стр. 37 и VI). Из отдельных семантических деталей индоевропейских соответствий, подтверждающих ностратические реконструкции, заслуживает внимания то, что первоначальное значение 'волк', предлагаемое Иллич-Свитычем на основе уральского и семито-хамитского для ностр. *Ḳüjna* (стр. 361), и отражено в др.-ирл. *cú* 'пес, волк' [1] (в сагах это слово может обозначать чудовище, убивающее скот и людей и угрожающее уладам); в алтайских же языках, как и в японском (заимствовании, ср. разобранные Иллич-Свитычем тунгусо-маньчжурские формы типа **xina* > *ina*) *inu* [2], представлено только вторичное значение 'собака' (из 'прирученный волк').

---

[1] K. H. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen. — Zfceltph, 26, 3/4, 1957, стр. 186.

[2] Е. Д. Поливанов. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 179—180. — Исконное родство японских форм с тунгусо-маньчжурскими исключается по фонетическим причинам.

Особенно убедительные выводы ностратического внешнего сравнения представляются в тех случаях, где они заставляют пересмотреть именно те реконструкции в индоевропеистике, которые уже были поколеблены вновь открытыми данными таких древних языков, как анатолийские и тохарские. В частности, это относится к спирантам Бругмана, вместо допущения которых индоевропеисты на основании данных хеттского и тохарских языков склонялись к принятию метатезы комплекса переднеязычный+заднеязычный. Блестящее подтверждение этому дают ностратические этимологии названий земли (стр. 220) и рыбы (стр. 219). На этих примерах особенно наглядно демонстрируется вторичность структуры индоевропейских основ, вызванной преобразованиями древнего вокализма. Возможно, что далеко идущий пересмотр взглядов на характер первоначального вокализма основ вызовет особые психологические трудности у ученых, привыкших к традиционным представлениям, но именно здесь ностратические сравнения позволяют разрешить те неясности, число которых все умножалось в индоевропейском языкознании.

Из других наиболее наглядных подтверждений значимости ностратических реконструкций для индоевропеистики следует особенно отметить новую трактовку индоевропейских сочетаний фонем **sp-*, **st-* (в частности, такой праформой разъясняется неленированное кельт. *s-* в группе слов со значением 'любить, стеречь' в индоевропейском, 'нуждаться, забота' в картвельском, стр. 210; к семантике картвельских слов примыкает и хет. *ištark* 'болеть', где *št-* < и.-е. **st* < ностр. **č*), **sk-*. То, что с ностратической точки зрения эти сочетания восходят к единым фонемам, делает вероятным архаизм их функционирования в роли единых фонем в германском стихе (что согласовалось бы и с другими обнаружениями крайней архаичности германского консонантизма, достаточно близкого к ностратическому, в частности, в соотношениях между смычными согласными).

Благодаря словарю В. М. Иллич-Свитыча индоевропеисты (как и специалисты в области каждой из сравниваемых им 6 семей) получают возможность поиска новых фактов, казалось бы, уже хорошо изученных языках: неожиданно многие явления, на которые при ограничении рамками одной семьи не обращалось должного внимания, оказываются заслуживающими самого внимательного изучения. В качестве одной из многих возможных иллюстраций достаточно указать на такие грамматические статьи словаря, как посвященная форманту *-ći-* фреквентативных и итеративных глаголов. Употребление этого форманта в составе суффиксов глаголов со значением полиперсональности в алтайском (монг. письм. *-čaga-*/*-čege-*, стр. 206) несомненно вызывает необходимость сравнения (хотя бы для выяснения типологии семантического развития этого форманта) с хет. *-šk-* в качестве аффикса, обозначающего полиобъектность. Исследование древнейших индоевропейских синтаксических конструкций может много почерпнуть из предложенного Иллич-Свитычем понимания таких частиц, как та, из которой позднее развивается аугмент, как одновременно проклитик или энклитик (стр. 251). Эта концепция, для славистов теперь достаточно ясная после детального обоснования закона Васильева—Долобко в статьях В. А. Дыбо, предвосхищала то понимание функционирования проклитик-энклитик в индоевропейском, к которому другие лингвисты пришли уже после смерти Иллич-Свитыча [3]. Такие глубокие идеи, касающиеся грамматики отдельных сравниваемых семей и их ностратического общего источника, изложены в отдельных словарных статьях с присущим В. М. Иллич-Свитычу предельным лаконизмом.

Одно из основных впечатлений, остающихся от труда Иллич-Свитыча, как от всякой научной теории первой величины, — ощущение необычайной эстетической завершенности, достигаемое благодаря раскрытию некоторых главных соотношений, лежащих в основе наблюдаемых объектов. Сам автор словаря лучше всего понимал встающие на его пути сложности. Возможность альтернативного объяснения открытых им сходств как заимствований (что,

---

[3] G. Jucquois. Les postpositions du hittite et l'accentuation des préverbes en indo-européen. «Le Museon», LXXXIII, 1970, 3—4, стр. 540.

в частности, по отношению к некоторым из картвельско-индоевропейских сопоставлений предполагается в недавних работах Т. В. Гамкрелидзе) приводила Иллич-Свитыча к внимательному изучению позднейших контактов сопоставляемых языков; классическим примером уже стала его статья о семитских заимствованиях в индоевропейском. Из других подобных наблюдений следует отметить проблематичную трактовку сван. *käräxs* 'рог' как возможного индоевропейского заимствования (стр. 351; возможной кажется такая трактовка — с учетом развития по типу языков satəm и по отношению к урал. *šarwo* 'рог', стр. XI и XXXI—XXXII), а также тонкое замечание о миграционном характере таких переднеазиатских терминов, связанных со строительной техникой, как хет. *kutt* 'стена' (стр. 317), ср. явно миграционный характер хет. *pir*, *parn-* 'дом' и т. п.

Исследователи, которые пойдут по пути ностратических изысканий вслед за В. М. Иллич-Свитычем, многое извлекут из тех мест его книги, где он с присущей ему исключительной научной добросовестностью формулирует вопросы, оставшиеся для него открытыми. Так, остававшееся Иллич-Свитычу неясным соответствие урал. *-k-* в фин. *teke-* и *h* в и.-е. *dheh-* 'класть' (стр. 224, ср. на стр. 267 об урал. *jēγē-*), видимо, может послужить для подтверждения других подобных следов ностратических ларингальных в уральском [4]. Особенно интересным представляется архаизм спряжения фин. *tehdä* 'делать', где (как и в *nähdä* 'видеть') в 3 л. ед. и мн. ч. обнаруживается *-k-* (hän teki, he tekivät), аналогичное рефлексам ларингального в позиции перед аффиксом в формах типа лат. *fēcī*.

Следует отметить, что в словарных статьях попутно дается целый ряд кратких комментариев к другим группам слов, семантически пересекающимся с изучаемыми; при всей сжатости этих замечаний и они окажутся неоценимыми для будущих исследований. Так, мимоходом сделанное замечание о древнейшем значении картв. *ser-* (стр. 241) можно подтвердить внешним сравнением с хуррит. *Šerri* (имя одного из двух быков бога грозы, соответственно именуемых «Вечер» и «Утро»; чуваш. *śèr* 'ночь', видимо, фонетически несводимо к этой же основе, если не предполагать заимствования из другого языка).

Приведенные разрозненные примеры предназначены лишь для того, чтобы быть иллюстрациями тех опережающих науку на десятилетия перспектив, которые раскрывал в своем труде Иллич-Свитыч. В краткой рецензии нельзя даже упомянуть всех особенностей книги, являющейся одним из высших достижений не только лингвистики, но и вообще гуманитарного знания XX в. Остается пожелать, чтобы и последующие тома этого издания были подготовлены с той же достойной покойного автора тщательностью и добросовестностью, которую при редактировании этого тома проявили его редактор В. А. Дыбо (давший очень ценное дополнение к книге во вступительной статье и составленных им таблицах фонетических соответствий) и помогавшие ему друзья и товарищи Иллич-Свитыча. Выхода следующих томов с нетерпением будут ждать все, кто постепенно увлечется созданной Иллич-Свитычем новой областью языкознания [5].

Вяч. Вс. Иванов

---

[4] Ср. B. Rosenkranz. Zur indo-uralischen Frage. «Istituto Orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica», VII, Roma, 1966, стр. 173—175; J. Banczerowski. Die Suche nach den Uralischen Laryngalen. — LP, XV, 1972.

[5] К отмеченному выше греч. θάλασσα ср. также: P. Lévy. Grek Thálassa 'mer' < Sanskrit *Taṭaka*. 'etang' > Siamois. Thaʔlé'mer'. Langues et techniques. Nature et société, I. Paris, 1972, стр. 295—300.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев ОЯФ	В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I. М.—Л., 1949.
БД	Българска диалектология, т. I—VI. София, 1962—1971.
БЕР	Български етимологичен речник, св. I—VIII. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, София, 1962—1971.
Богораз	В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС 68, № 4, 1901.
БТР	Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Варшавский словарь	I. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Герасимов	М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910.
Геров	Н. Геров. Рѣчникъ на блъгарский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Говоры Прибалтики	В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль [2]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
Даль [3]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Даль [4]	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 4. М., 1912.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Дьяченко	Г. И. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900.
Дювернуа	А. Дювернуа. Словарь болгарского языка, I—IX. М., 1885—1889.
Иванова. Подмоск.	А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
Караџић	Вук. Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. У Биограду, 1898.
Картотека ДРС	Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Ин-т русского языка АН СССР).
Картотека МДРС	Картотека Малого словаря древнерусского языка XI—XVIII в. (Ин-т русского языка АН СССР).
Конески	Б. Конески. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.

Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Мука	Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	А. И. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. I—II. М., 1910—1914; Окончание — «Труды ИРЯ», I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. Т. 1—15. М., 1962—1965.
Радлов	В. О. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
РБЕ	Ст. Романски. Речник на съвременния български книжовен език. Св. I—XIV. София, 1954—1959.
РСА	Речник српскохрватског књижевног и народног језика. I— и сл. Београд, 1959.
Бялькевіч. Магіл.	К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Сл. сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II. Свердловск, 1964, 1971.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
ССРЯ	Словарь современного русского литературного языка, 1—17. М.—Л., 1950—1965.
И. Толстой[1]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
И. Толстой[3]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 3. М., 1970.
Ушаков	Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер	М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I—III. Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1971.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—VI. Л., 1966—1970.
Чукалов	С. Б. Чукалов. Болгарско-русский словарь. София, 1966.
Яшкін	Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.
Bartholomae (AJW)	Cr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (Berlin, 1961).
Berneker	E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A-morъ. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj. Eseji.	F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Boisacq	E. Boisacq. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907
Böhtlingk	O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, I—II. St. Petersburg, 1879—1889.
Brückner	A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
Djor	Г. Ђорђевић. Природа у веровању и предању нашега народа I—СЕЗб LXXI. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 32. Београд, 1958.

Doroszewski	W. Doroszewski. Słownik języka polskiego, 1—8. Warszawa, 1958—1966.
Ernout—Meillet [3]	A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire etymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.
Fraenkel	E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.
Friedrich	I. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, I—IV. Heidelberg, 1952—1954.
Friedrich Ergänz.	I. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungsheft, I—III. Heidelberg, 1957, 1961, 1966.
Frisk	Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22. Heidelberg, 1954—1970.
Gebauer	J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916.
Grassmann	H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. 3., unveränd. Aufl. Wiesbaden, 1955.
Isačenko	A. V. Isačenko. Slovensko-ruský prekladový slovník, I—II. Bratislava, 1950—1958.
Iveković—Broz	F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Jakubaš	F. Jakubaš. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
Jungmann	J. Jungmann. Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Karłowicz	I. Karłowicz. Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911.
Kluge—Götze	F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. Von A. Götze. Berlin. 1951.
Kott	F. Št. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.
Lorentz Pomor.	Fr. Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch. I—III. Berlin, 1958—1971.
Machek [1]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek [2]	V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.
Mayrhofer	M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—22. Heidelberg, 1953—1970.
Meillet Études	A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I—II. Paris, 1902—1905.
Miklosich	F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP	F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graecolatinum. Vindobonae, 1862—1886.
Morgenstierne IIFL	G. Morgenstierne. Indo-Iranian frontier languages, I—II. Oslo, 1929, 1938.
Pfuhl	Dr. Pfuhl. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
PSJČ	Příruční slovník jazyka českého, I—IX. Praha, 1935—1957.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XV—.Zagreb, 1880—1956.
Sadnik—Aitzetmüller	L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1—5. Wiesbaden, 1963—1970.
Skok	P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I—. Zagreb, 1971.

Skok (рукоп.)	P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. (Рукопись, Zagreb).
Sławski	F. Sławski. Slownik etymologiczny języka polskiego. 1—17. Kraków, 1953—1971.
Slovník jaz. stsl.	Slovník jazyka staroslověnského, 1—10. Praha, 1958—1965.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovénskej Akadémie Vied, I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Sychta	B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—III. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1969.
Šimek	F. Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.
Trávníček	Fr. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Turner CDIAL	R. L. Turner. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London, 1962.
Vasmer	M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg, 1953—1958.
Walde [2]	A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
ВСЯ	Вопросы славянского языкознания
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖСт	Живая старина
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук
РФВ	Русский филологический вестник
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук
Чтения ОИДР	Чтения Общества любителей истории и древностей российских
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AO	Archiv Orientalní
BNF	Beiträge zur Namenforschung
IF	Indogermanische Forschungen
JAOS	Journal of the American Oriental Society
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LP	Lingua Posnaniensis
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
NTS	Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap
RHA	Revue Hittite et Asianique
RS	Rocznik Slawistyczny
SR	Slavistična revija
TphS	Transaction of the Philological Society
WZKM	Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZfS	Zeitschrift für Slawistik

абхаз.	абхазский
авест.	авестийский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
анат.	анатолийский
англ.	английский
англосакс.	англосаксонский
араб.	арабский
арам.	арамейский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
атт.	аттический
афган.	афганский
ахаггар.	ахаггарский
байхин.	байхинский
баоаньск.	баоаньский
башк.	башкирский
бербер.	берберский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
брит.	бриттский
булгар.	бӯлгарский
бурят.	бурятский
валаш.	валашский

вахан.	ваханский
вахов.	ваховский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
галльск.	галльский
герм.	германский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гуанч.	гуанчский
гурийск.	гурийский
дагур.	дагурский
догреч.	догреческий
драв.	дравидский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-валл.	древневаллийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-груз.	древнегрузинский
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-кор.	древнекорейский
др.-лат.	древнелатинский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-польск.	древнепольский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сканд.	древнескандинавский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-уйгур.	древнеуйгурский
др.-чуваш.	древнечувашский
др.-ю.-арав.	древнеюжноаравийский
евр.	еврейский
егип.	египетский
и.-е.	индоевропейский
ион.	ионический
иран.	иранский
ирл.	ирландский
исавр.	исаврский
ит.	итальянский
итал.	италийский
ишкашим.	ишкашимский
кабил.	кабильский
казым.	казымский
кайтак.	кайтакский
калм.	калмыцкий
калуж.	калужский
камас.	камасинский
капп.	каппадокийский
кар.	карийский
карач.-балкарск.	карачаево-балкарский
картв.	картвельский
кельт.	кельтский
кил.	киликийский
кимр.	кимрский
кипр.	кипрский
колым.	колымский
корн.	корнуэльский
костр.	костромской
крит.	критский
кумык.	кумыкский
курск.	курский
кушит.	кушитский
лат.	латинский
ливск.	ливский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
лув. иер.	лувийский иероглифический
ляш.	ляшский
м.-аз.	малоазийский
макед.	македонский
манс.	мансийский
маньч(жур).	маньчжурский
мар.	марийский
мегрел.	мегрельский
мис.	мисийский
мокш.	мокшанский
монг.	монгольский
монгор.	монгорский
морав.	моравский
морд.	мордовский
моск.	московский
мундж.	мунджанский
нан.	нанайский
н.-в.-нем.	нововерхненемецкий
нган.	нганасанский
нем.	немецкий
нен.	ненецкий
нижег.	нижегородский
н.-исл.	новоисландский
н.-луж.	нижнелужицкий
новг.	новгородский
норв.	норвежский
ностр.	ностратический
н.-перс.	новоперсидский
обдор.	обдорский
общеслав.	общеславянский
олон.	олонецкий
опавск.	опавский
орл.	орловский
орошор.	орошорский
осет.	осетинский
оск(ск.)	оскский
памф.	памфилийский
пеласг.	пеласгский
пен(з).	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский

пирдоп.	пирдопский
писид.	писидийский
полаб.	полабский
полесск.	полесский
помор.	поморский
праслав.	праславянский
праяпон.	праяпонский
прусск.	прусский
псков.	псковский
резьян.	резьянский
родоп.	родопский
рум.	румынский
русск.	русский
русск.-ц.-слав.	русский церковнославянский
рушан.	рушанский
ряз.	рязанский
саам.	саамский
самод.	самодийский
сарат.	саратовский
сван.	сванский
селькуп.	селькупский
сем.	семитский
серб.	сербский
сир.	сирийский
скр.	санскрит
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
согд.	согдийский
солон.	солонский
сосьв.	сосьвинский
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-лозьв.	среднелозьвинский
ср.-монг.	среднемонгольский
ст.-арам.	староарамейский
ст.-лит.	старолитовский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-чеш.	старочешский
с.-х.	семитохамитский
с(ербо)-хорв.	сербохорватский
с(ерб).-ц.-слав.	сербский церковнославянский
тадж.	таджикский
таз.	тазовский
тамб.	тамбовский
тамил.	тамильский
татар.	татарский
твер.	тверской
терно-польск.	тернопольский
терск.	терский
тох.	тохарский
трелюган.	трелюганский
троянск.	троянский
туарег.	туарегский
тув.	тувинский
тульск.	тульский
тунг.	тунгусский
туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
угарит.	угаритский
удм.	удмуртский
укр.	украинский
ульч.	ульчский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
фин.	финский
фрак.	фракийский
франц.	французский
хангайск.	хангайский
хант.	хантыйский
хасков.	хасковский
хет(т).	хеттский
хорезм.	хорезмийский
хотан.	хотанский
хуррит.	хурритский
хуф.	хуфский
ц.-слав.	церковнославянский
чагатайск.	чагатайский
чад.	чадский
чан.	чанский
чеш.	чешский
чуван.	чуванский
чуваш.	чувашский
швед.	шведский
шугн.	шугнанский
эвенк.	эвенкийский
энецк.	энецкий
эрз.	эрзянский
эст.	эстонский
эфиоп.	эфиопский
юган.	юганский
юкагир.	юкагирский
ю.-слав.	южнославянский
ягноб.	ягнобский
япон.	японский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Этимология
1972

Утверждено
к печати Институтом русского языка
Академии Наук СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 15/XI 1973 г. Подписано к печати 9/IV 1974 г.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага № 2 книжно-журнальная.
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 3250 экз.
Тип. зак. 747. Цена 94 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, дом 12